

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1911.

№ 9.

МАЙ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Ученіе св. Апостола Петра о сошествіи Іисуса Христа во адъ.
И. К. Гладкаго 285—289
- Нравственное ученіе св. Амвросія, еп. Медиоланскаго.
(Продолженіе). **Г. Прохорова** 290—309
- Религія и народность, какъ основы воспитанія. **И. Вла-
совскаго** 310—331
- Теософія—религіозная философія нашего времени. (Про-
долженіе). **Свящ. І. Дмитревскаго** 332—352
- Натуралистическій монизмъ Геккеля. (Продолженіе).
Свящ. Николая Липскаго 353—373
- Замѣна въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ инспекціи инсти-
тутомъ классныхъ воспитателей. **І. Б.** 374—380

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1909—1910 учебный годъ. (Окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Воззваніе.—Правила для экскурсантовъ-паломниковъ, прибывающихъ въ г. Кіевъ въ Кіево-Печерскую Успенскую Лавру и Златоверхій Михайловскій монастырь.—II.—Замѣтка законоучителя. **Свящ. А. Сагарды-Николенко.**—Искусство говорить публично.—Миссіонерскій листокъ. Миссіонерскій кружокъ въ селѣ Озерянкѣ, Харьковскаго уѣзда. (Окончаніе). **Священ. К. Владыкова.**—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. Стр. 381—428.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Мая 1911 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Ученіе св. Апостола Петра о сошествіи Исуса Христа во адъ.

(1 Петр. 3. 18--19).

Св. апостоль Петръ, утѣшая страждущихъ христіанъ, побуждаетъ ихъ твердо держаться божественныхъ обѣтованій, устремляясь вѣрою за предѣлы настоящаго времени, къ тому дню, когда „веселіе вѣчное“ будетъ на главахъ ихъ, когда отбѣжатъ болѣзнь и воздыханіе, когда Сынъ Божій явится привести въ свою славу всѣхъ искупленныхъ Его любовію, облеченныхъ въ бѣлыя одежды небесной чистоты.

Убѣждая страждущихъ христіанъ терпѣливо переносить страданія, св. Петръ указываетъ на примѣръ Исуса Христа, который, прежде чѣмъ войти въ славу свою, претерпѣлъ страданіе и смерть, „да приведетъ ны Богови“ (1 Петр. 3, 18).

„Христосъ единою (ἁπάξ) о грѣсѣхъ нашихъ пострадалъ, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови, умерщвленъ убо бывъ плотію, оживъ же духомъ: о немже и сущимъ въ темницѣ духовомъ сошелъ проповѣда, противльшимся иногда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе, во дни Ноевы, дѣлаему ковчегу, въ немже мало, сирѣчь осмь душъ спасошася отъ воды“ (1 Петр. 3, 18—20).

Въ приведенномъ текстѣ Св. Петръ говоритъ, что Исусъ Христосъ, будучи „умерщвленъ плотію“, или, выражаясь словами церковной пѣсни, пребывая „во гробъ плотски“, сошелъ душою во адъ.

Правда, изъ текста непосредственно не видно, что Исусъ Христосъ именно человѣческой душой (ἐν ψυχῇ) сошелъ во адъ; на первый взглядъ выраженіе греческаго текста (ἐν ψῆ), какъ бы открываетъ такую мысль: I. Христосъ былъ оживленъ

Духомъ Святымъ; выраженіе ἐν ᾧ, т. е. πνεύματι нѣкоторые понимаютъ въ отношеніи той духовности, съ которою Христосъ вышелъ изъ гроба по тѣлу, въ которой Онъ являлся Своимъ ученикамъ „дверемъ затвореннымъ“.

Но тотъ же греческій текстъ, при болѣе внимательномъ взглядѣ на него, приводитъ къ мысли, что подъ выраженіемъ ἐν ᾧ должно разумѣть только человѣческую душу (ψυχή) І. Христа, а не Духа Святого, и не духовность, съ которою Онъ возсталъ изъ гроба. Противоположность между выраженіями „*ἀναστῆθεις σαρκί*“ и „*ἀναστῆθεις πνεύματι*“ ясно показываетъ, что Христосъ сошелъ во адъ въ томъ видѣ, который противоположенъ плоти, а противоположность плоти — душа (ψυχή); значитъ Онъ сошелъ во адъ душою своею, что и самъ апостолъ подразумѣвалъ въ выраженіи ἐν ᾧ — духъ или душу Христа; это видно изъ его словъ въ рѣчи въ день Пятидесятницы, въ которой онъ говоритъ, что пророкъ Давидъ не о себѣ, а о Христѣ сказалъ: „ты (Іегова) не оставиши души моей во адѣ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія“ (Дѣян. 2, 27).

Обращаясь къ свидѣтельству Отцовъ Церкви, найдемъ подтвержденіе сейчасъ сказанной мысли. У св. Аѳанасія читаемъ: „Умершее тѣло Христа лежало во гробѣ, душа же низошла во адъ“. У св. Іоанна Дамаскина находимъ слѣдующее: „хотя Христосъ умеръ какъ человѣкъ и святая душа Его разлучилась съ грѣшнымъ тѣломъ, однако Божество Его пребывало неразлучно съ обоими, т. е. душою, которою Онъ сошелъ во адъ, и тѣломъ“.

Мысль о сошествіи І. Христа во адъ душою подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что, если Христосъ благоволилъ сдѣлаться полнымъ человѣкомъ и умеръ во плоти какъ человѣкъ, то нѣтъ сомнѣнія, Онъ благоволилъ сойти во адъ своею человѣческою душою, какъ сходятъ туда всѣ люди по закону человѣческой природы; „необходимый законъ человѣческой природы требуетъ, поясняетъ приведенное соображеніе св. Иларій Пуатьесскій, чтобы по погребеніи тѣлъ, души сходили къ преисподнимъ; этому схожденію не отказалъ и Господь, потому что былъ истиннымъ человекомъ“.

Сойдя во адъ, или какъ выражается апостолъ, въ „темноту духовъ“, Христосъ, какъ истинный, совершенный,

чуждый грѣха, человѣкъ, конечно, остался непричастнымъ мраку и скорби ада. Онъ, такимъ образомъ, пребывая во адѣ, могъ и мертвымъ благовѣствовать спасеніе, и ихъ, какъ и живущихъ на землѣ, призвать къ жизни „по духу“, по Богу.

Христосъ, сошедши во адъ, не только могъ, какъ мы сказали, проповѣдывать, но дѣйствительно проповѣдывалъ, какъ свидѣтельствуется ап. Петръ: Христосъ „сошедъ во адъ, проповѣда“; онъ говоритъ не только о томъ, что Христосъ проповѣдывалъ, сойдя во адъ, но указываетъ и предметъ и содержаніе Его проповѣди. Ап. Петръ ясно говоритъ, что дѣятельность І. Христа во адѣ состояла въ проповѣди тамъ Евангелія царствія. Христосъ, именно, Своимъ благовѣстіемъ о наступившемъ царствѣ благодати далъ возможность всѣмъ „духамъ“ увѣровать въ Него и получить, по вѣрѣ, обѣтованіе, наслѣдіе блаженной жизни во Христѣ. Христосъ чрезъ свое слово, которое есть слово живое Бога и пребывающее во вѣки, которое возрождаетъ человѣка въ жизнь вѣчную (1 Петр. 1, 23—25), насажденное въ сердцѣ человѣка, спасаетъ его душу (Іак. 1, 21), сообщилъ находящимся въ преисподней жизнь и такимъ путемъ освободилъ съ вѣрою принявшихъ Его проповѣдь отъ мрака и скорбей ада. Узникамъ ада „Богъ восхотѣ сказати богатство славы, тайны (божественнаго домостроительства) во языцѣхъ“ (Колос. 1, 28).

Во адѣ Христосъ проповѣдывалъ о томъ, что „ночь долгая и темная поглощена, мрачная смерть сокрыта, жизнь всѣмъ открыта, все полно неизсякаемаго свѣта, Востокъ востоковъ господствуетъ надъ всѣмъ, и рожденный прежде денницы, бессмертный, великій Христосъ является предъ всѣми свѣтлѣе солнца“ (Златоустъ).

Священные лучи свѣта Христова, такимъ образомъ, засіяли и въ темницѣ духовъ и ясныя звѣзды чистаго Неба стали быть видимыми и для духовъ темницы ада: Господь, „восшедъ въ дальнѣйшія страны земли, плѣнилъ плѣнъ“ (Еф. 4, 8—9), „совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, изобличивъ ихъ въ себѣ“ (Колос. 2, 15). т. е. отнялъ силу у начальства и власти, властно подвергъ ихъ позору и плѣнилъ плѣнъ. Св. Григорій Богословъ по этому поводу пишетъ: „Онъ (Христосъ) отразилъ жало смерти; сокрушилъ мрачныя затворы унылаго ада, даровалъ свободу

духамъ“; св. Златоустъ пишетъ: „адъ плѣненъ сошедшимъ въ Него Господомъ, упраздненъ, поруганъ, умерщвленъ, низложенъ, связанъ“.

Сойдя во адъ, Христосъ, по мысли апостола Петра, проповѣдывалъ о наступленіи царствія Божія тѣмъ, которые нѣкогда были непокорными, упорно невѣрующими. Этимъ замѣчаніемъ апостоль утверждается, что проповѣдь Спасителя во адѣ, по своему предмету, была такова же, что и на землѣ, т. е. имѣла цѣлью обращеніе и спасеніе: стоящее въ греческомъ текстѣ слово *ἐκήρυξε* подтверждаетъ приведенное соображеніе о предметѣ проповѣди Спасителя¹⁾.

Святой Іоаннъ Дамаскинъ даже прямо приравниваетъ проповѣдь Иисуса Христа во адѣ Его проповѣди на землѣ: „Душа Его, говоритъ Святой Отецъ, сошла во адъ, чтобы, какъ живымъ на землѣ, Онъ благовѣствовалъ миръ и увѣровавшимъ былъ виновникомъ вѣчнаго спасенія, а неувѣровавшимъ—обличителемъ невѣрія, такъ и находящимся во адѣ“. Климентъ Александрійскій говоритъ, что „Божественное домостроительство (*οἰκονομία*) нашло мѣсто и во адѣ, такъ какъ и на землѣ; и во адѣ, продолжаетъ онъ, всѣ души могли слушать проповѣдь (*κηρύσσει*), или чтобы дать покаяніе и быть спасенными, или чтобы получить праведное наказаніе за свое невѣріе“.

Проповѣдую Евангеліе царствія узникамъ ада, Иисусъ Христосъ, конечно, имѣлъ въ виду и тѣхъ узниковъ—грѣшниковъ, которые умерли и сошли во адъ, не имѣя истинныхъ понятій о Богѣ, каковы язычники. Даже современники Ноя, погибшіе за невѣріе, если не утратили способности повѣрить и принять проповѣдь Спасителя, могли, имѣли возможность получить оправданіе предъ Богомъ и, значить, спастись.

Такимъ образомъ, на основаніи ученія о сошествіи І. Христа во адъ, Его проповѣди (о Евангеліи царствія) даже упорно невѣровавшимъ современникамъ Ноя, можемъ придти

¹⁾ Слово *κηρύσσει* на языкѣ Новаго Завѣта имѣетъ слѣдующее значеніе: возвѣщать, благовѣствовать, проповѣдывать Евангеліе, царство Божіе, царство Христово. Такимъ образомъ, оно соотвѣтствуетъ слову *εὐαγγελιστεῖν*, а это слово употребляется въ очень определенномъ значеніи, въ значеніи проповѣди о Евангеліи царствія. Такимъ образомъ, Иисусъ Христосъ благовѣствовалъ Евангеліе во адѣ.

и приходимъ къ утвержденію той мысли, что и языческое человечество, умершее безъ истиннаго понятія о Богѣ и вѣры во Христа, можетъ получить возможность оправданія и спасенія.

Ученіе св. ап. Петра о сошествіи І. Христа во адъ проливаетъ яркій свѣтъ на ту тайну, о судьбѣ языческаго человечества, въ которую человеческой мысли хотѣлось бы проникнуть.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели язычники останутся безотвѣтными на судѣ Божіемъ, неужели они погибнутъ во тьмѣ и не будутъ причастны Божественнаго свѣта?! Гдѣ же тогда правда Божія, гдѣ любовь Божія, которая, если можно такъ выразиться, составляетъ сущность Божества? Если Богъ назначилъ человѣку быть совершеннымъ по образу Бога, если мы вѣруемъ, что совершенствованіе человѣка не ограничивается временемъ его земного существованія, а продолжается бесконечно и въ вѣчности, то трудно принять ту мысль, что люди (хотя бы и язычники), перешедши въ загробное существованіе, тотчасъ осуждались и осуждаются на вѣчныя мученія. Допустивъ такую мысль, мы должны отвергнуть смыслъ и значеніе Божественнаго призванія человечества къ совершенству въ мѣру Божественнаго совершенства; если бы человечество, по переходѣ въ вѣчность, обрекалось на вѣчныя мученія, тогда лучшая способность человеческого духа—способность къ развитію, совершенству лишалась бы должнаго отправления и удовлетворенія. Напротивъ, понятіе о любви и правдѣ Божіей побуждаетъ насъ полагать и вѣрить, что и послѣ смерти человѣка благодать Божія даетъ возможность человѣку „возрасти во спасеніе“ (1 Петр. 2, 2), лишь бы онъ былъ способенъ принимать благодать Божію.

Поэтому, вѣримъ, что Богъ, „не хотяи смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему“ (Іез., 33, 11), „Любя бесконечно всѣхъ сущихъ въ мірѣ“ (Іоан. 13, 1), не допуститъ совершенной гибели своего созданія, носящаго Его образъ, а помилуетъ, и спасетъ, яко благо, даже и языческое человечество *).

И. К. Гладкій.

*) Предложивъ вниманію нашихъ читателей эту статью, мы не можемъ однакоже долгомъ своимъ оговориться. Нѣкоторыя частныя мысли ея недостаточно развиты и доказаны, а потому принадлежатъ къ категоріи богословскихъ мнѣній, болѣе или мѣнѣе допустимыхъ. Но основныя мысли статьи—несомнѣныя.

Нравственное учение св. Амвросія, еп. Медиоланскаго.

(Продолженіе) *).

ГЛАВА III.

Состояніе искупленія или спасенія (благодатно-христіанское).

Искупленіе людей, совершенное Христомъ, и
плоды этого искупленія.

Ветхозавѣтный Законъ приводилъ человѣка къ сознанію своей грѣховности, къ покаянію, къ желанію оправданія и спасенія. Однако, въ то же время человѣкъ видѣлъ, что своими силами онъ не можетъ освободиться отъ грѣховности, не можетъ оправдаться и спастись. Отсюда въ немъ возникала и крѣпла мысль о необходимости для него божественной помощи и небеснаго Спасителя.

Съ послѣдняго рода мыслями мы встрѣчаемся уже у Филона, который утверждалъ, между прочимъ, что человѣкъ собственными силами, безъ божественной помощи, не можетъ очистить себя и приготовить къ единенію съ божествомъ¹⁾, что искупленіе, заключающееся въ предоставленіи высшей части въ человѣкѣ побѣды надъ низшей, есть дѣло милосердія Божія²⁾, почему Богъ и называется у Филона спасителемъ души³⁾ или Σωτήρ τῆς ψυχῆς⁴⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1911 годъ.

1) De somn. II, 25; Quod deus s. immut. 116; Leg. alleg. III, 211 sqq. Ср. Dr. Hans Windisch, Die Frömmigkeit Philos und ihre Bedeutung für das Christentum, S. 16—17.

2) De somn. I, 181, 147; Leg. alleg. II, 32. Ср. Dr. H. Windisch, Op. cit. S. 20—81.

3) Leg. alleg. III, 27.

4) De confus. ling. 91 sqq. Ср. Dr. H. Windisch. Op. cit. S. 88.

По ученію Оригена, совершенное Христомъ спасеніе заключается: 1) въ сообщеніи людямъ истиннаго свѣта знанія¹⁾, 2) въ начертаніи Христомъ совершеннѣйшаго образца нравственной жизни²⁾, 3) въ уврачеваніи нашего внутренняго человѣка³⁾ и, въ собственномъ смыслѣ, искупленіи человѣчества. Страданіе и смерть Христа, съ одной стороны, оправдали человѣка предъ Богомъ, а съ другой, побѣдили князя міра сего⁴⁾, ибо Своєю кровію Христосъ искупилъ проданныхъ грѣху людей⁵⁾, явившись новозавѣтной жертвой, которая сдѣлала ненужной всѣ другія жертвы⁶⁾. Принять на себя бремя грѣховъ всѣхъ, вознести ихъ на крестъ и всѣхъ искупить черезъ крестъ было возможно только одному Христу⁷⁾. Христосъ совершилъ всеобщее искупленіе, но усваивается оно каждымъ вѣрующимъ въ различной степени. По мѣрѣ участія въ спасеніи Христовомъ умъ отдѣльнаго человѣка возвращаетъ постепенно утраченный чрезъ грѣхъ образъ Божій, хотя окончательно образъ Божій въ человѣкѣ возстановится только въ будущей жизни⁸⁾.

Ученіе св. Амвросія объ искупленіи не отличается ни глубиною теоретическихъ обоснованій, ни тонкой догматической формулировкой, зато оно, нося болѣе практическій по сравненію съ ученіемъ восточныхъ отцовъ характеръ⁹⁾, съ большей экспрессіей и ясностію переноситъ центръ тяжести этого ученія въ духовно нравственную сферу¹⁰⁾.

Прежде всего Амвросій усиленно подчеркиваетъ невозможность для человѣка путемъ личныхъ усилій освободиться отъ ложной грѣховной жизни и выйти на истинный

¹⁾ In Iohan. t. II, passim.

²⁾ Contr. Cels. VII, 23. Ср. Свящ. Гр. Малеванскій, Догмат. система Оригена, „Труд. Киев. Д. Акад.“ 1870, апрѣль, стр. 90—91.

³⁾ In Iohan. t. XX, 26. Ср. Свящ. Г. Малеванскій, Op. cit. „Тр. К. Д. А.“, 1870, апрѣль, с. 91—92.

⁴⁾ Hom. in Levit. XII, 1—2; In Exod. hom. VIII, 6; Comment. in Math. XIII, 8—9; XVI, 8.

⁵⁾ Com. in Iohan. tom. VI, 35.

⁶⁾ In Lev. III, 5.

⁷⁾ In Ioh. t. XXVIII, 14 (MPG. t. XIV, p. 393).

⁸⁾ De princ. II, 11, 3, Ср. Свящ. Г. Малеванскій, Op. cit., „Тр. К. Д. А.“, 1870, апрѣль, стр. 532 слѣд.

⁹⁾ Ср. Dr. Th. Förster, Ambrosius Bischof von Mailand, S. 136.

¹⁰⁾ Dr. W. Möller, Lehrbuch der Kirchengeschichte. I. Band, Die alte Kirche. Neubearbeitet von dr. Hans von Schubert, Tübingen und Leipzig, 1903², S. 606.

путь. „Если человекъ безъ руководителя потерялъ истинный (asserptum) путь въ рай, то какимъ образомъ, спрашиваетъ св. отецъ, онъ безъ проводника могъ найти потерянный путь въ пустынь, гдѣ весьма много искушеній?“¹⁾ Указать этотъ потерянный путь и дать силы идти по нему и вообще искупить человека не могъ ни самъ человекъ²⁾, ни ангелъ или архангелъ, такъ какъ и онъ не могъ удержаться отъ грѣха и сохранить полученное имъ отъ Бога³⁾, искупить могъ только Тотъ, Кто выше всѣхъ, Кто больше міра, Кто есть все и во всѣхъ—Христосъ⁴⁾. Искупленіе людей Христомъ св. Амвросій почитаетъ актомъ величайшаго милосердія⁵⁾ и любви⁶⁾ Божіей къ людямъ, почему и Самъ Христосъ, возлюбившій міръ и желавшій быть возлюбленнымъ со стороны этого міра⁷⁾, называется у св. отца Сыномъ любви или самой Любовію⁸⁾.

По вопросу о сущности искупленія во времена св. Амвросія существовало два возрѣнія: одно, исходившее отъ свв. Иринея и Афанасія, сущность искупленія видѣло въ томъ, что Христосъ чрезъ свое плотское рожденіе освятилъ плоть всего человечества, откуда слѣдовало, что всѣ люди достигаютъ божественной жизни, именно, чрезъ воплощеніе Спасителя⁹⁾; второе, смѣнившее постепенно первое,

¹⁾ In Luc. IV, 8; ср. Ер. 45, 15.

²⁾ In ps. 48, 13.

³⁾ In Luc. IV, 67: „Поищемъ врача среди ангеловъ или архангеловъ. Но какимъ образомъ могутъ они помочь мнѣ, чтобы я не грѣшилъ, когда самъ архангелъ не могъ удержаться отъ грѣха? Какъ могъ воззвать меня въ рай ангелъ, когда самъ сатана и аггелы его не могли сохранить того жилища, которое они получили?— Ibid. IV, 9.

⁴⁾ In Luc. IV, 9.

⁵⁾ In ps. 48, 25; In Luc. VII, 234; De interpel. Iob et Dav. III (IV), 11, 28.

⁶⁾ De Isaac 5, 46.

⁷⁾ In ps. 118, 5, 45: „Тотъ любитъ свободную вѣру, кто далъ свободу. Онъ радуется, когда Его любятъ, ибо потому Онъ пришелъ въ этотъ міръ, что вселяющій его. Онъ возбуждаетъ любовь къ Себѣ,— Онъ, Который любитъ, всѣхъ, потому что Онъ есть любовь... Тотъ, кто любитъ, есть другъ, а тотъ, кто боится,—рабъ; какъ другъ, исполнившій все, что заповѣдалъ ему Господь, Онъ говоритъ: „Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ (Іоанн. XV, 14)“.

⁸⁾ De Isaac 5, 46.

⁹⁾ I. Tixeront, Histoire des Dogmes, II, 1909, p. 294.

центр тяжести въ вопросѣ объ искупленіи полагало въ страданіяхъ и крестной смерти Христа. Св. Амвросій является ревностнымъ поборникомъ второго воззрѣнія, однако, кое гдѣ въ его твореніяхъ, особенно болѣе ранняго періода, можно отыскать слѣды и аѳанасіевскаго пониманія искупленія, проводившагося на Западѣ св. Иларіемъ. Такъ, въ *De virginibus* Амвросій пишетъ: „Послѣ того какъ Господь, пришедши въ это тѣло, сочеталъ общеніе божественности и тѣлесности безъ всякаго пятна виѣшняго смѣшенія, Онъ, разлившись по всему міру, сообщилъ человѣческимъ тѣламъ образъ небесной жизни. Это и есть тотъ самый будущій родъ, который возвѣстили служащіе на землѣ ангелы (Мѣ. IV, 11) (и) который воздастъ Господу служеніе чрезъ послушаніе непорочной плоти“¹⁾.

Но, какъ уже сказано, св. Амвросій былъ ревностнымъ поборникомъ того воззрѣнія, которое исключительное значеніе въ ученіи объ искупленіи приписывало страданіямъ и крестной смерти Христа. Сущность искупленія св. Амвросій полагалъ въ томъ, что Христось, сдѣлавшись вторымъ Адамомъ, принялъ на Себя грѣхи и проклятіе человѣчества, которые Онъ вознесъ на крестъ и, омывъ человѣчество въ Своей Крови, какъ оправдалъ Его предъ Богомъ, такъ и въ собственномъ смыслѣ искупилъ отъ власти діавола.

Для искупленія людей Христу прежде всего надлежало сдѣлаться вторымъ Адамомъ²⁾, новымъ начальникомъ новаго рода людей. А для этого Ему было необходимо при-

¹⁾ 1. 3, 13. Рус. пер. А. Вознесенскаго, Казань, 1901 г., стр. 7. Ср. *De poeniten.* I, 3, 13; *Ep.* 76, 8; *De fide* V, 7, 90; *In Luc.* II, 91. Церковнымъ латинскимъ писателямъ конца IV в.,—пишетъ А. Harnack (*Lehrbuch der Dogmengeschichte*, 3 Band, 2 Theil, 8 Lieferung, 1910, S. 27, Anm. 3), весьма—понравилось представленіе Меодія о томъ, что Христось долженъ родиться въ каждомъ и что только такимъ путемъ можетъ быть усвоено искупленіе: *Ambr. In Luc.* II, 26: *Vides non dubitasse Mariam... secundum carnem una mater est Christi, secundum fidem tamen omnium fructus est Christus.* На этомъ основаніи Амвросій считаетъ еретиковъ виновными въ томъ, что Христось, родившійся для всѣхъ, рождается не для каждаго, т. е., что еретики, какъ еретики, не имѣютъ причастія спасительныхъ плодовъ Христова искупленія (*De fide* II, 8, 57).

²⁾ *In Luc.* III, 29.

нять человѣческую плоть¹⁾ (только безгрѣшную²⁾, сдѣлаться совершеннымъ человѣкомъ³⁾, вѣрнѣе, совершеннымъ бого-человѣкомъ⁴⁾. Но принятія безгрѣшной плоти для второго Адама было мало: Ему необходимо было быть искушеннымъ и побѣдить Адамовъ грѣхъ въ воспринятой Имъ плоти, что дѣйствительно и случилось. „Какая бы намъ была польза,— замѣчаетъ по этому поводу св. отецъ,—если бы Богъ Своимъ Божествомъ уничтожилъ грѣховность человѣка? Или почему Онъ принялъ плоть, какъ не затѣмъ, чтобы Ему Самому подвергнуться искушенію въ положеніи нашей слабой природы? Ему нужно было искушиться, но не подпасть страданію, дабы я вѣдалъ, какъ я; искушаемый, могу побѣдить и избѣжать страданій. Онъ побѣдилъ воздержаніемъ, побѣдилъ Своимъ презрѣніемъ богатства, поправилъ гордость, избѣжалъ невоздержанія, отвергъ прельщеніе“⁵⁾. Христосъ, хотя и былъ поставленъ въ условія человѣческой жизни⁶⁾, хотя и былъ оболченъ нашей плотію, однако, одинъ изъ всѣхъ людей⁷⁾ не имѣлъ грѣховъ ея⁸⁾, не вѣдалъ ея слабостей⁹⁾, ибо въ Самомъ себѣ Онъ побѣдилъ грѣхъ¹⁰⁾. Въ силу такого личнаго безгрѣшія для Христа, второго Адама, и открывалась возможность ради искупленія людей принять на Себя какъ человѣческій грѣхъ, такъ и наказаніе за него; а это послѣднее было необходимо потому, что „кто тщится исправить пороки людской слабости, тотъ долженъ подъять на свои рамена и нѣкоторымъ образомъ искупить эту слабость, а не отвергать“¹¹⁾. Христосъ

1) „Какая другая была причина воплощенія, какъ не та, чтобы согрѣшившая плоть была искуплена плотію же?“ De incarn. 6, 56. 65. 54. Ср. De excess. fragr. s. Sat. II, 90.

2) In ps. 37, 5; ср. Ep. 42, 4.

3) Ep. 48, 5; ср. De interp. Job et Dav. III (IV), 10, 27.

4) De incarn. dom. sacr. 7, 77; De poenit. I, 3, 12; In Luc. X, 56; Ep. 46, 16.

5) De fide II, 11, 91.

6) Ep. 46, 17.

7) Ep. 46, 7.

8) De poenit. Ep. 3, 12; In ps. 48, 13.

9) De poenit. I, 3, 12; In Luc. X, 42.

10) De poenit. II, 7, 58.—Христосъ былъ свободенъ не только отъ всякаго личнаго грѣха (Apol. prop. Dav. 3, 10), но и отъ грѣха первороднаго (Ibid. 11, 57).

11) De poenit. I, 1, 2.

дѣйствительно, воспринялъ не только нашу плоть эту „грязную одежду“¹⁾, но и немощи наши²⁾, рабство наше³⁾, раны и страданія⁴⁾, смерть⁵⁾ и проклятіе⁶⁾. „Все отъ Бога, Который примирилъ насъ съ Собой черезъ Христа. Мы были мертвыми, и потому Онъ одинъ за всѣхъ сдѣлался рабомъ (Филип. II, 7). Что я говорю рабомъ? Грѣхомъ, поношеніемъ, проклятіемъ сдѣлался Онъ“⁷⁾. Но суть не въ томъ лишь, что Христосъ побѣдилъ грѣхъ въ своей плоти и воспринялъ на Себя грѣхи и наказаніе всего міра, а, главнымъ образомъ, въ томъ, что Онъ пригвоздилъ грѣхи ко кресту⁸⁾, что Своею Кровію Онъ омылъ человѣчество отъ всякой грѣховной скверны⁹⁾, а равно и послѣдствій грѣха, что Своею смертію Онъ умертвилъ грѣхъ и черезъ это воскресилъ¹⁰⁾ и оправдалъ людей¹¹⁾. Какъ выше было указано, св. Амвросій, трактуя о совершенномъ Христомъ искупленіи, особенно рѣзко подчеркиваетъ исключительное значеніе въ этомъ дѣлѣ именно крестной смерти Христа, утверждая, что это былъ единственный путь спасенія людей. „Обезсилѣвшая человѣческая природа не могла возродиться иначе, какъ таинствомъ Господней страсти и Крови Христа, Коего начальство на рамѣхъ Его (Ис. IX, 6). Онъ на крестъ вознесъ наши немощи, дабы тамъ отпустить грѣхи всѣхъ“¹²⁾, „Не знаю,—пишетъ,—въ De bono mortis св. отецъ не больше ли

1) De fide III, 7, 50.

2) De fide III, 1 6; Apolog. 5, 22.

3) De Spir. S. III, 17, 124.

4) De fide II, 7, 54; De Spir. S. III, 17, 124.

5) De fide II, 7, 54.

6) De fuga saec. 7, 44; De fide II, 11, 93—94; V, 14, 179; In ps. 118, 5, 41; Sermo c. Auxent. 25: „Проклятъ всякъ висѣй на деревѣ, т. е. Тотъ, Кто воспринялъ въ своей плоти нашу плоть, въ Своемъ тѣлѣ —наши немощи и наши проклятія, чтобы распять ихъ, ибо не (Самъ) Онъ проклятъ, но въ тебѣ проклятъ“.

7) Ер. 46, 4.

8) In ps. 40, 13.

9) In ps. 39, 17; In ps. 118, прок. 8: „Страсть Господня омыла этотъ міръ, дабы сдѣлать народы достойными хвалить Бога нескверными устами“. De Iacob I, 5, 17.

10) De Iacob I, 5, 18.

11) De Iacob I, 5, 17—18.

12) In ps. 118, 22, 3; In ps. 47, 17: „Христосъ омылъ Своею Кровію міръ, ибо грѣхъ не могъ быть уничтоженъ какимъ либо другимъ образомъ“.

значить смерть (Христа), чѣмъ сама жизнь? Сколькимъ народамъ устроила жизнь смерть Одного“¹⁾.

Такое благодатное дѣйствіе спасительной страсти Христа было возможно только потому, что Самъ Онъ не былъ причастенъ никакому грѣху, никакой сквернѣ. Отсюда и Его крестная смерть получаетъ характеръ жертвы, подобной жертвамъ В. З.²⁾, но безконечно превосходящей и даже замѣняющей ихъ³⁾, поскольку Христосъ есть исполненіе прообразовательныхъ жертвъ В. З.⁴⁾, а Его Кровь имѣетъ характеръ искупительной за грѣхи всего міра цѣны⁵⁾. Отличительнымъ свойствомъ этой жертвы было, съ одной стороны, то, что въ ней Христосъ являлся и жертвой, и жертвоприносителемъ (священникомъ⁶⁾, молитвенникомъ, посредникомъ⁷⁾, а, съ другой,—что не все въ ней было принесено отъ человѣчества: „то, чего не доставало у насъ, то Онъ,—Сынъ, отъ Отца избранный, (Filius a Patre electus)⁸⁾,—восполнилъ по Своей божественной милости изъ Своего...; отъ насъ Онъ принесъ жертву, отъ Себя цѣну⁹⁾“. Въ другомъ мѣстѣ св. Амвросій прямо говоритъ, что принести себя за всѣхъ и умереть *надлежало* не кому либо изъ людей, а Тому, Кто выше всѣхъ, т. е., Богу¹⁰⁾. Вотъ почему св. отецъ и утверждаетъ, что, хотя Христосъ для усвоенія человѣку плодовъ искупленія и долженъ былъ принять человѣческую природу, однако, прощеніе грѣховъ и искупленіе міра отъ вины Христосъ даровалъ не по человѣчеству, а по Боже-

¹⁾ 3, 9.—Иногда св. Амвросій разграничиваетъ въ искупленіи значеніе съ одной стороны, креста Христова, съ другой,—смерти Спасителя (De fide III, 5, 36), но чаще сливаетъ и отождествляетъ ихъ, утверждая, что спасаетъ и искупаетъ насъ крестъ Христовъ (Apol. 6, 24; 13, 62; De Spir. S. prolog. 5; In ps. 118, 21, 21). Поскольку же понятіе пришествія Христова объемлетъ все Его искупительное дѣло, Амвросій говоритъ, что искупаетъ людей пришествіе Спасителя (De Iacob I, 4, 14).

²⁾ In ps. 47, 17; In ps. 118, 12, 36.

³⁾ De Spir. S. prolog. 4.

⁴⁾ In ps. 40, 6, 15. Op. Dr. Th. Förster, Op. cit., S. 137.

⁵⁾ In ps. 48, 14.

⁶⁾ In ps. 47, 17; In ps. 118, 8, 4; De fide III, 11, 87; Ep. 44, 16.

⁷⁾ In ps. 118, 8, 4.

⁸⁾ In Luc. VI, 109.

⁹⁾ De incarn. d. s. 6, 54; De fide III, 5, 36.

¹⁰⁾ In Luc. VI, 109; op. De fide III, 2, 8: Deo ut enim ut ille nos redimeret, qui creavit.

ству¹⁾. Такъ въ ученіи объ Искупителѣ у св. Амвросія на первый планъ выдвигается элементъ не челоуѣчества, а Божества Христа, и смерти Его приписывается такое исключительное значеніе потому, что это была смерть не просто челоуѣка, а, именно, Богочелоуѣка²⁾. Впрочемъ, при этомъ св. отцомъ не упускается изъ виду и элементъ челоуѣчскій. Первый челоуѣкъ отпалъ отъ Бога чрезъ свою гордость и непослушаніе волѣ Божіей; Христось, Новый Адамъ, наоборотъ, проявилъ полное смиреніе, полное послушаніе во всей Своей жизни, во всѣхъ трудахъ и страданіяхъ, а самое главное, въ Своей крестной смерти. „Такъ какъ въ этомъ мірѣ мы находимся подѣ грѣхомъ, то (въ виду этого) съ нами Христось, дабы послушаніемъ одного сдѣлались праведными *многіе* (Рим. V, 19)“³⁾. „Какъ чрезъ непослушаніе, когда презирались повелѣнія Господни, вибрилась вина, такъ прежде всего слѣдовало возродить послушаніе и тѣмъ уничтожить разсадникъ грѣха“⁴⁾. „Самъ (Христось) смирилъ Себя изъ-за тебя до смерти, смерти же крестной, дабы уничтожить паденіе твоей гордыни, такъ чтобы то, что мы потеряли чрезъ непослушаніе одного Адама, то мы возвратили чрезъ послушаніе единого Господа Іисуса“⁵⁾. Хотя вся

¹⁾ In ps. 118, 12, 3.

²⁾ De Iacob I, 6, 25; In Luc. VII, 225, Cp. Dr. Th. Förster, Op. cit. S. 133; Dr. R. Seeberg, Lehrbuch der Dogmengeschichte, 2 Band, Leipzig, 1910, S. 338.

³⁾ De fide V, 12, 151.

⁴⁾ In ps. 61, 4.

⁵⁾ In ps. 118, 20, 17: „Самъ (Христось) смирилъ Себя изъ за тебя до смерти, смерти же крестной, дабы уничтожить паденіе твоей гордыни, дабы, что мы потеряли чрезъ непослушаніе одного Адама, то мы возвратили чрезъ послушаніе Единого Господа Іисуса“. 18, 32: „Если поразмыслимъ, то (увидимъ), что смиренія не доставало въ раю, и потому оно пришло съ неба. Въ раю появилось непослушаніе, и потому снизошло вмѣстѣ со Христомъ послушаніе. Надмевалась плоть, и потому кроткаго подчиненія не могло найтись на землѣ“. 18, 34: „Христось, будучи бѣднымъ и уничиженнымъ, искупилъ міръ, ибо Христось смиреніемъ побѣдилъ діавола“. In ps. 35, 4.—Непослушаніе называется у Амвросія „заразой древняго грѣха“. In ps. 61, 4: „Воспринимавшій плоть челоуѣка Господь нашъ Іисусъ, дабы очистить ее въ себѣ, что прежде всего долженъ былъ сдѣлать, какъ не уничтожить заразу древняго грѣха? Ибо какъ чрезъ непослушаніе, когда презирались повелѣнія Господни, вибрилась вина, такъ прежде всего слѣдовало возродить послушаніе и тѣмъ уничтожить разсадникъ грѣха“.

жизнь Христа, всѣ Его страданія и скорби суть знаки Его великаго послушанія ¹⁾, однако, вершиной этого послушанія явилась Его крестная смерть, которая, собственно, и искушаетъ, и оправдываетъ людей“. Вънецъ великаго подвига, славный обручальный подарокъ Христа—есть Его Кровь и страданіе. Ибо что больше могъ дать Тотъ, Который не пощадилъ даже Себя и за насъ отдалъ на смерть Свою душу “ ²⁾.

Христось, съ одной стороны, оправдалъ людей, а, съ другой,—освободилъ ихъ отъ власти діавола. Понятіе освобожденія челоувѣчества отъ власти діавола въ патристической литературѣ слагалось изъ трехъ пунктовъ: перехитренія діавола, побѣды надъ нимъ и, собственно, освобожденія отъ приобрѣтенныхъ діаволомъ послѣ грѣхопаденія правъ надъ людьми ³⁾. Эти три пункта различаетъ и св. Амвросій, хотя часто онъ сливаетъ ихъ всѣ вмѣстѣ. Изъ нихъ первый пунктъ—теорія благочестиваго обмана (*ria fraus*) не выступаетъ у Амвросія такъ рельефно, какъ у Оригена ⁴⁾, но все же повторяется и не разъ, и весьма рѣшительно. Христось допустилъ по отношенію къ діаволу обманъ ⁵⁾, при чемъ приманкою (какъ на удочкѣ) для діавола послужила слабая и тлѣнная плоть челоувѣка, которую принялъ Спаситель ⁶⁾. Этотъ обманъ былъ необходимъ для того, чтобы заставить діавола вступить въ борьбу со Христомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ могъ бы отказаться отъ нея ⁷⁾. Вступивъ въ борьбу съ діаволомъ, Господь Своимъ смиреніемъ побѣдилъ его и „повергъ на землю истиннаго Голіаѳа, потерявшаго теперь голову, которая упражнялась въ ухищренія и обманахъ“ ⁸⁾. Благодаря этой побѣдѣ Господь прекратилъ тѣ войны, которыя надвигала на насъ духовная злоба. Онъ „сокрушилъ лукъ, изъ котораго пускались огненные стрѣлы противника, и сжегъ огнемъ щитъ невѣрія, дабы щитъ вѣры пребывалъ несокрушеннымъ“ ⁹⁾. Что касается освобожденія отъ власти діавола, то оно тѣсно связывается

¹⁾ In Luc. II, 41; VII, 133; In ps. I, 37.

²⁾ De Isaac 5, 46; ср. De exces. fr. II, 46

³⁾ S. Deutsch, Des Ambrosius Lehre von der Sünde und der Sündentilgung, S. 31.

⁴⁾ Dr. Th. Förster, Op. cit., S. 137—138.

⁵⁾ In Luc. II, 3; IV, 19; VI, 101; ср. De Iacob II, 3, 10.

⁶⁾ In Luc. IV, 12, 16.

⁸⁾ In ps. 118, 18, 25.

⁷⁾ In Luc. IV, 12, 16.

⁹⁾ In ps. 45, 22.

у Амвросія съ представленіемъ о діаволѣ, какъ ростовщикѣ. Человѣка надо было выкупить у діавола, которому люди были проданы грѣхомъ прародителей. Христосъ, увидѣвъ людей, отягченнымъ громаднымъ долгомъ, котораго никто не могъ покрыть „изъ наслѣдства невинности“, указалъ людямъ средство освобожденія¹⁾, заключавшееся въ перемѣнѣ этого злобнаго кредитора на добраго²⁾, при чемъ Самъ же Онъ далъ людямъ и выкупъ, именно, Свою Кровь, „богатую для выкупа и обильную для омовенія грѣховъ“³⁾.

О слѣдствіяхъ или плодахъ искупительной жертвы Христа для людей св. Амвросій не говоритъ спеціально, а упоминаетъ о нихъ, большею частію, случайно. Иногда совокупность этихъ спасительныхъ плодовъ св. отецъ мыслить подъ общимъ понятіемъ обогащенія людей Христомъ. „Христосъ, будучи богатымъ, сдѣлался бѣднымъ, дабы нищетою Своею обогатить насъ“⁴⁾. Эту обогащенную Христомъ бѣдность людей св. Амвросій характеризуетъ такъ: „Мы сдѣлались слишкомъ бѣдными, такъ какъ потеряли обманомъ діавола драгоценныя одежды добродѣтелей, мы лишены рая, выгнаны изъ отечества, отосланы въ ссылку, лишены даже самага покрова тѣла, которое прежде защищала ограда добродѣтелей, а потомъ обнажили грѣхи“⁵⁾. Но такъ какъ райское состояніе въ представленіи св. отца тѣсно связывалось съ образомъ „небеснаго человѣка“, то и плодомъ искупленія,—по словамъ св. Амвросія,—было то, что мы стали причастниками небесной природы (*naturae caelestis*)⁶⁾. Благодаря искупленію появляется новое твореніе, надмірное (*supra mundum*)⁷⁾, небесный человѣкъ, который уже здѣсь на землѣ

¹⁾ Ep. 41, 7.

²⁾ In ps. 36, 46.

³⁾ In ps. 35, 1; Ep. 72, 8. Ср. Dr. G. Wildrand, *Ambrosius und der Kommentar des Origenes zum Römerbriefe* въ *Biblische Zeitschrift*, 1910, Erstes Heft, S. 28; *De Abrah.* II, 11, 79; In ps. 118, 12, 36.—Поскольку новозавѣтною Кровію Христовою упразднялась кровь Ветхаго За-вѣта, св. Амвросій говоритъ, что „Христосъ продалъ народъ іудейскій (продается то, что считается ненужнымъ и безцѣннымъ) и купилъ Своею Кровію народъ христіанскій“—In ps. 43, 42.

⁴⁾ In ps. 38, 27; In ps. 118, 3, 8.

⁵⁾ In ps. 40, 3, 4.

⁶⁾ In Luc. V, 46; In ps. 39, 2; Ep. 7, 12.

⁷⁾ In Luc. IV, 9.

походить на ангеловъ ¹⁾, небесный житель ²⁾, въ самомъ себѣ являющій небо ³⁾. А такъ какъ небесность человѣка ближе всего проявляется въ его духовной природѣ, созданной по образу и подобию Божію, то облеченіе въ новаго, небеснаго человѣка знаменуетъ собою прежде всего возстановленіе образа Божія ⁴⁾ съ его характерными свойствами—разумомъ и, особенно, свободой, понимаемой св. Амвросіемъ въ смыслѣ благодатной ⁵⁾ свободы какъ отъ рабства грѣху ⁶⁾, такъ и отъ рабства міру ⁷⁾. Христосъ,—говоритъ св. Амвросій,—принесши въ жертву Свою плоть, освободилъ весь міръ ⁸⁾ и всей вселенной даровалъ свободу (*universis libertatem daret*) ⁹⁾, отождествляемую иногда св. отцомъ съ райской свободой (*restituit libertatem paradisi*) ¹⁰⁾. Въ непосредственной связи съ возстановленіемъ въ человѣкѣ образа Божія стоитъ причастіе его божественной природѣ и благодать сыновства,

¹⁾ Ep. 76, 9; In ps. 118, 12, 25.

²⁾ In ps. 118, 15, 34; Ep. 29, 21.

³⁾ In ps. 118, 12, 25.

⁴⁾ De Spiritu S. II, 7, 65: Qui renovatur Spiritu mentis, induit novum hominem, qui secundum Deum creatus est. De Isaac 8, 75.

⁵⁾ Ep. 78, 1: „Мы дѣти не служанки, а свободной, каковой свободой насъ освободилъ Христосъ. Отсюда слѣдуетъ, что тѣ болѣе дѣти Авраама, которые отъ вѣры, ибо они преимуществуютъ предъ наследниками по рожденію. Законъ—педагогъ; вѣра—свободна; отложимъ дѣла рабства, будемъ держаться благодати свободы, оставимъ тѣнь, послѣдуемъ солнцу; оставимъ установленія іудеевъ (Гал. III, 24)“.

⁶⁾ In Luc. III, 29: Имѣлъ прійти тотъ, кто „возавалъ опытъ древней жизни и въ новомъ Адамѣ возсоздалъ ту свободу, которую надѣлилъ первому Адаму, дабы родъ человѣческій пребывалъ безъ закона рабства“. De Iacob I, 3, 9 и др.

⁷⁾ Ep. 7, 12: „Мы искуплены отъ смерти и рабства, дабы не были подчинены больше міру, отъ котораго мы отреклись... Христосъ пришелъ на землю, чтобы взять грѣхъ міра, чтобы всѣмъ отпустить грѣхъ (Іоан. I, 29), Онъ унижилъ Себя, дабы всѣмъ дать свободу (Фил. II, 7), Онъ воспринялъ плоть, дабы Своею смертію пріобрѣсти всѣмъ воскресеніе“. Косвенно эта мысль подтверждается тѣми мѣстами изъ твореній св. отца, въ которыхъ онъ говоритъ о свободной волѣ человѣка и его безуоловной отвѣтственности за грѣхи, на примѣръ, De Nabuthae 16, 68, De Cain et Abel II, 3, 11.

⁸⁾ Ep. 75, 6: Tamquam agnus advenit, et totum mundum [una] sui corporis hostia liberavit.

⁹⁾ Ep. 7, 12.

¹⁰⁾ De Ioseph 4, 19. Ср. De Iacob II, 3, 13; Ep. 75, 4.

когда люди, благодаря воздѣйствию св. Троицы и, въ особен-ности, Св. Духа ¹⁾ становятся какъ бы богами, какъ бы сы-нами Божиими (*quasi Dei, quasi filii Dei*) ²⁾, сынами духов-ными (*filii spirituales*) ³⁾, откуда и Христосъ, удостоившій лю-дей причастія Своего величества, называетъ ихъ братьями, говоря: *Возвѣщу имя Твое братіямъ Моимъ* (Пс. XXI, 23) ⁴⁾. Теперь люди, подобно первому челоуѣку, который, какъ при-частникъ божественной любви и послѣдникъ славы (*chari- tatis divinae particeps et haeres gloriae*), былъ другомъ Бо-жѣимъ ⁵⁾, также изъ рабовъ сдѣлались друзьями Божиими ⁶⁾. Достоинство же друзей Божиихъ, по мнѣнію Амвросія, обу-словливается постиженіемъ небесныхъ тайнъ и усоверше-ніемъ религіознаго вѣдѣнія. Христосъ потому и назвалъ апо-столовъ друзьями, что открылъ имъ то, что Онъ слышалъ отъ Отца ⁷⁾. Самъ Богъ послалъ Христа на землю съ тою цѣлію, чтобы Онъ, снявши съ духовныхъ глазъ людей по-кровъ ⁸⁾ и земной мракъ ⁹⁾, далъ имъ возможность видѣть вѣчное и небесное ¹⁰⁾, чтобы Онъ указалъ людямъ пути бла-горазумія (*vias prudentiae*) и открылъ малымъ стези мудро-сти (*semitas sapientiae*) ¹¹⁾ или, другими словами, чтобы Онъ указалъ челоуѣчеству тѣ вѣчные пути, которыми ему над-лежало возвратиться къ Богу ¹²⁾. Если бы Христосъ не от-крылъ людямъ познанія, они бы пребывали въ полномъ не-вѣдѣніи ¹³⁾, ибо только Христосъ есть истина ¹⁴⁾ и источ-никъ, изъ котораго церковь, т. е., душа cadaго, черпаетъ мудрость ¹⁵⁾.

Но не одно только религіозное вѣдѣніе принесъ людямъ Искупитель,—Онъ подаетъ имъ также и благодать, безъ ко-

1) Подробно объ этомъ см. у Dr. I. E. Pruner'a: Die Theologie des heiligen Ambrosius, S. 23—24.

2) De parad. 13, 61; Ep. 35, 13.

5) Ep. 43, 3.

3) In Luc. VII, 139.

6) De off. m. III, 22, 135.

4) In ps. 118, 20, 19.

7) Ibid.

8) In ps. 118, 3, 22; ср. Orig. Selecta in psal. CXVIII, vers. 18; Pitra, Analecta sacra, III, (1883), 259.

9) In ps. 43, 87.

11) De Cain et Abel, II, 3, 11.

10) Ibid.

12) In ps. 118, 5, 25.

13) In ps. 118, 16, 35: *Intellectus spiritalis munus est, et ideo quod Dei est, a Domino postulatur.*

14) In ps. 118, 19, 43; De excels. fr. II, 109.

15) De Isaac 1, 2.

торой невозможно спасеніе ¹⁾, ибо только эта благодать избавляетъ духъ человѣка отъ господства надъ нимъ плоти ²⁾, только она призываетъ человѣка къ жизни ³⁾, только она совершаетъ полное его исправленіе ⁴⁾. При этомъ св. Амвросій различаетъ двоякаго рода благодать: съ одной стороны, Богъ возобновилъ въ человѣкѣ древнюю благодать ⁵⁾, а, съ другой,—приумножилъ ее „новой благодатию“: ⁶⁾ „пострадалъ Христосъ,—говоритъ св. Амвросій,—и все начало изобиловать сѣменами новой благодати“ ⁷⁾. Эта благодать, которая была невѣдома въ В. З., ⁸⁾ ближе всего сказывается въ прощеніи грѣховъ, обновленіи человѣка и изліяніи на него даровъ Св. Духа ⁹⁾. Но такъ какъ грѣхъ у Амвросія часто мыслится подъ образомъ немощи или болѣзни, то и въ понятіе спасенія у него необходимымъ образомъ входитъ представленіе объ исцѣленіи Христомъ душевныхъ немощей и болѣзней павшаго въ Адамѣ человѣчества ¹⁰⁾, откуда и благодать Христова разсматривается прежде всего, какъ благодать исцѣляющая. И вообще прощеніе грѣховъ у св. Амвросія есть одинъ изъ главнѣйшихъ плодовъ искупительнаго дѣла Христа. „Въ чемъ же заключается воля Отца, какъ не въ томъ, чтобы Іисусъ пришелъ въ этотъ міръ и насъ очистилъ отъ грѣховъ“ ¹¹⁾? И почти вездѣ, гдѣ только св. Амвросію приходится говорить о цѣли пришествія на землю Христа, онъ на первомъ мѣстѣ ставитъ отпущеніе и прощеніе грѣховъ ¹²⁾. Отсюда и искупленный, согласно наставленію св. отца, долженъ радоваться не тому, собственно, что онъ оправданъ, а тому, что искупленъ, не тому, что онъ

¹⁾ De Cain et Abel II, 1, 4; De ⁴Abrah. II, 6, 27.

²⁾ De Cain et Abel II, 1, 4; De Iacob I, 3, 9; De Abrah. II, 6, 27 и др.

³⁾ De Iacob I, 3, 9.

⁴⁾ In ps. 118, 22, 4.

⁵⁾ Ep. 71, 4; Ep. 45, 15.

⁶⁾ Ep. 45, 15; De poenit. II, 7, 65: Ideo enim et passus et mortuus est Dominus, ut nos redimeret a morte. Hoc excellentissimum indicat pretium suae mortis, quo peccator absolvitur et in novam assumitur gratiam.

⁷⁾ In ps. 118, 6, 25.

⁸⁾ De Iacob I, 4, 13.

⁹⁾ Apolog. Dav. 5, 23.

¹⁰⁾ In ps. 118, 2, 3; De virginib. 1, 8, 47.

¹¹⁾ De fide II, 6, 51.

¹²⁾ In ps. 118, 3, 42; 17, 1, 12, 47; De off. m. III, 15, 94.

освобожденъ отъ грѣха, а тому, что ему отпущены грѣхи ¹⁾. Но разъ человѣку отпускаются грѣхи, онъ тѣмъ самымъ освобождается отъ грѣховной смерти и вѣчнаго осужденія ²⁾. И, дѣйствительно, Христось, —учить св. отецъ,—принялъ наши одежды (грѣхи) съ тѣмъ, чтобы одѣть насъ блескомъ безсмертія³⁾, ибо Его смерть, уничтоживъ нашу смерть⁴⁾, всѣмъ подала жизнь ⁵⁾. Подъ смертью, отъ которой освободилъ людей Христось, св. Амвросій разумѣетъ прежде всего смерть духовную, но иногда и физическую ⁶⁾; какъ равно и самое искупленіе онъ не ограничиваетъ только душой, но простираетъ его и на тѣло. Искупленіе и спасеніе, —учить онъ,—относится ко всему человѣку: и къ душѣ, и тѣлу ⁷⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ, что Христось, сотворившій человѣка, захотѣлъ сохранить его, захотѣлъ спасти и, именно, *всего* человѣка ⁸⁾. Какимъ же образомъ въ искупленіи участвуетъ тѣло? Св. отецъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: „Пришелъ Господь Иисусъ и въ плоти, причастной грѣху, приготовилъ ополченіе добродѣтели. И сдѣлались члены наши оружіемъ не страсти, а добродѣтели. Ибо гдѣ были возбужденія страсти, тамъ теперь жилище чистоты“ ⁹⁾. Господь Иисусъ, распявшій въ Своей плоти грѣхи всего міра, (тѣмъ самымъ) и уничтожилъ ихъ и не только грѣхи дѣлъ (*delicta factorum*), но и душевныя страсти (*cupiditates animorum*) ¹⁰⁾. Отсюда плоть, бывшая дотолѣ сосудомъ діавола,

¹⁾ De Iacob I, 6, 21; ср. In ps. 44, 1; Ep. 7, 20; In Luc. II, 79. Ср. R. Seeberg, Op. cit., S. 343.

²⁾ De Cain et Abel II, 3, 11; De poenit. II, 7, 65; In Luc. X, 57; De Tobia 14, 47; De Abrah. II, 11, 84; In ps. 118, 18, 7.

³⁾ In ps. 118, 5, 4.

⁴⁾ De fide II, 7, 55; De poenit. II, 7, 65: „Господь съ тѣмъ и пострадалъ и умеръ, чтобы искупить насъ отъ смерти. Величайшее значеніе Своей смерти Онъ указалъ въ томъ, чтобы разрѣшить грѣшника и пріять его въ новую благодать“.

⁵⁾ De excus. fr. II, 46: Itaque mors ejus vita est omnium. De incarn. d. s. 5, 39: Postremo mortuus est, ut ullius mors vita fieret mortuorum. Ср. De fide III, 2, 8: Redemptio enim nostra per sanguinem, remissio per potestatem, vita per gratiam. Ср. In ps. 35, 3.

⁶⁾ Exam. IV, 5, 22; De Iacob II, 7, 30.

⁷⁾ De poenit. II, 17, 95; ср. De Abrah. I, 4, 29; In Luc. V, 39.

⁸⁾ In ps. 118, 10, 17.

⁹⁾ In ps. 118, 6, 21.

¹⁰⁾ De Spir. S. I, prolog. 3; In ps. 118, 15, 40.—Страсти св. Амвросій, какъ извѣстно, относитъ то къ тѣлу, то къ душѣ.

становится сосудомъ избраннымъ ¹⁾, бывшая раньше тѣломъ блудницы дѣлается тѣломъ Христа ²⁾, отражаетъ уже не тѣнь смерти, а благодать Божію, и ³⁾ потому, какъ освобожденная отъ прежняго проклятiя, она благословляется ⁴⁾. Благодаря же очищенiю или искупленiю плоти, уничтожилось то раздѣленiе между душой и тѣломъ, которое произошло въ человѣкѣ вслѣдствiе грѣха Адама ⁵⁾. Прежде тѣло и душа были раздѣлены стѣной, и тѣло не могло быть подчиненнымъ душѣ ⁶⁾ такъ какъ законъ плоти противоборствовалъ закону ума ⁷⁾. Но вотъ пришелъ Миръ, который уничтожилъ средостѣніе, прекратилъ борьбу ⁸⁾ между внутреннимъ и внѣшнимъ человѣкомъ ⁹⁾, подчинилъ тѣло господству духа ¹⁰⁾ и объединилъ ихъ „въ единствѣ воли“ ¹¹⁾, въ совмѣстномъ стремленiи къ тому, что спасительно ¹²⁾. А съ устраненiемъ этой враждебности въ плоти примирились ветхiй и новый человѣкъ ¹³⁾, и люди сдѣлались „дѣтьми мира и любви“ ¹⁴⁾,

1) In ps. 118, 21, 11; ср. In. ps. 37, 4.

2) In ps. 118, 1, 5.

3) In ps. 43, 77.

4) In ps. 118, 6, 2.

5) In Luc. VII, 141.

6) In ps. 61, 11.

7) In ps. 61, 12; De viduis 13, 79.

8) In ps. 61, 11.

9) In ps. 36, 64.

10) De Iacob I, 5, 19; In Luc. VII, 139.

11) In ps. 36, 64: „Уста праведнаго поучатся премудрости... Котораго это праведнаго уста, какъ не внутренняго человѣка? Есть два человѣка: одинъ—внутренній, другой—внѣшній; внутренній мыслить о томъ, что относится къ уму, о томъ же и говорить, внѣшній же о томъ, что относится къ тѣлу. Однако, Господь въ Своемъ пришествiи соединилъ то и другое и двухъ создалъ въ одномъ человѣкѣ, дабы они не противоборствовали взаимно, но объединились бы въ единствѣ воли. Отсюда: уста праведнаго поучатся премудрости; ибо внѣшній человѣкъ уже преобразовался по ученiю человѣка внутренняго и перевоплотился въ его природу; теперь его (внутренняго человѣка) уже онъ (внѣшній человѣкъ) исполняетъ обязанности и плоть поучается тому, что касается внутренняго ума. Но чтобы тебѣ не показалось это невѣроятнымъ, выслушай апостола, говорящаго (Филип. III, 21), что Господь преобразилъ уничиженное наше тѣло такъ, чтобы оно сдѣлалось сообразнымъ тѣлу славы Его“.— De instit. virg. 2, 13.

12) In ps. 61, 12.

13) Ep. 76, 9.

14) Ep. 76, 7.

радующимися радостью очистившейся совѣсти ¹⁾. Раньше совѣсть стеснала отъ своихъ поношеній, а теперь она веселится, будучи освобождена отъ страха благодаря милости Христа и отпущенію всѣхъ грѣховъ ²⁾ и не только грѣховъ, но и самой вины, унаслѣдованной отъ Адама ³⁾. Благодаря всему этому предъ человѣкомъ вновь открывается дверь рая, которой онъ и возвращается въ свое отечество ⁴⁾.

Искупленнаго такимъ образомъ человѣка Христосъ освобождаетъ отъ власти діавола, исторгаетъ изъ его царства и дѣлаетъ членомъ того новаго, чуждаго грѣха ⁵⁾, царства Божія, которое Онъ основалъ, когда избавилъ людей отъ смерти и даровалъ имъ жизнь и свободу, когда Онъ, какъ второй Адамъ, сдѣлался начальникомъ (главою) всѣхъ людей, которыхъ Онъ имѣлъ привести къ Отцу ⁶⁾. Этого царства или церкви ⁷⁾ нельзя, собственно назвать новымъ, такъ какъ уже съ начала временъ на землѣ существовало царство истины и справедливости, правда, несовершенное, но покоящееся на надеждѣ будущаго совершенства ⁸⁾ и относящееся къ церкви Новаго Завѣта, какъ служба къ свободной ⁹⁾ и какъ тѣнь къ образу ¹⁰⁾. Основанное Христомъ царство, въ противоположность царству діавола, есть царство вѣчное и постоянное (*regnum perpetuum atque aeternum* ¹¹⁾). Отличительнымъ свойствомъ этого царства является его универсальность какъ потому, что оно открыто для всѣхъ людей безъ изъятія ¹²⁾, такъ и потому, что оно объемлетъ не только по-сторонній міръ ¹³⁾, но и потусторонній міръ. Связующимъ началомъ этого царства Божія является благодать Христа ¹⁴⁾.

1) De Abrah. II, 11, 85.

2) In ps. 47, 4; ср. Ep. 31, 3.

3) De Spir. S. I, 9, 109; De incarn. d. s. 1, 4.

4) In ps. 38, 36; In ps. 35, 3; Ep. 71, 4. 8; ср. In ps. 118, 19, 23.

5) In ps. 43, 14.

6) Амвросій не различаетъ собственно, между „царствомъ Божиимъ“ и „церковію Христовою“—ср. Dr. I. Niederhuber, Die Lehre des hl. Ambrosius vom Reiche Gottes auf Erden, S. 184, Anm. 4.

7) Ср. Dr. Th. Förster, Ambrosius Bischof von Mailand, S. 137.

8) Ср. In ps. 118, 1, 4.

9) De Abrah. II, cap. 10.

10) De interp. Iob et Dav. IV (II), 2, 9.

11) De Abrah. II, 9, 66; De Tob. 20, 74.

12) In ps. 118, 12, 25; In ps. 43, 64.

13) In ps. 118, 12, 25.

14) De myster. 6, 30. Подробнѣе см. у Dr. I. Niederhuber'a, Die Lehre... S. 79.

ИскуПЛЕНІЕ, совершенное Христомъ, не ограничивается, впрочемъ, однимъ человѣкомъ, оно простирается и на всю тварь, ибо „таинство воплощенія Бога есть спасеніе всей твари“¹⁾, и даже на весь міръ. „Прежде весь этотъ міръ испускалъ зловоніе отъ скверны различныхъ дѣяній, теперь же всюду вѣетъ пріятная чистота, миро вѣры, цвѣтъ невинности“²⁾.

И какъ Искупитель, и какъ Основатель царства, Христосъ получаетъ для христіанина и, въ частности, для его моральной жизни исключительное значеніе. Онъ есть прежде всего начало спасенія (*initium salutis*)³⁾ и даже само спасеніе (*salus*)⁴⁾. Онъ есть единственный врачъ человѣческихъ немощей⁵⁾, Онъ есть жизнь каждаго человѣка въ отдѣльности⁶⁾ и въ то же время источникъ всеобщей жизни⁷⁾, ибо „Онъ есть древо жизни, древо мудрости, насажденное во чревѣ Дѣвы по волѣ Отца“⁸⁾. Христосъ есть сила Божія, есть жизнь, свѣтъ, есть воскресеніе мертвыхъ⁹⁾. Онъ есть дверь; тотъ только наслѣдуетъ вѣчную жизнь, кто войдетъ этой дверью¹⁰⁾, ибо тщетно всякое дѣло, которое только не основывается на фундаментѣ Христовомъ¹¹⁾, наоборотъ, не можетъ пасть тотъ, кто началъ быть со Христомъ¹²⁾. Отсюда Христосъ мыслится, какъ начало, какъ спасительное сѣмя всѣхъ христіанъ, начиная съ апостоловъ¹³⁾, какъ глава каждаго мужа¹⁴⁾, которую, если кто потерялъ, то уже не можетъ и жить¹⁵⁾. Христосъ даетъ жизнь, но Онъ же ее и поддерживаетъ¹⁶⁾. Коротко сказать: „всякая душа во власти Бога, и Христосъ для насъ составляетъ все“¹⁷⁾. „Все намъ дается

1) De fide V, 8, 106.

3) Ep. 70, 5.

2) In ps. 118, 1, 5.

4) In ps. 118, 22, 23.

5) In Luc. VI, 50; De Cain et Abel II, 3, 12.

6) In Luc. VII, 1.

9) De exces. fr. II, 79.

7) De Isaac 8, 79.

10) In ps. 118, 8, 60.

8) In ps. I, 35.

11) In ps. 38, 35: ...qui opus suum supra Christi non constituit fundamentum. Cp. In ps. 45, 7.

12) In ps. 61, 19: Non enim labi poterit qui coeperit esse cum Christo.

13) In ps. 43, 38.

14) In ps. 37, 29.

15) In ps. 118, 20, 2.

16) De virginitate 16, 99. Cp. De Iacob I, 6 22; In Luc. V, 42.

17) De virginitate 16, 99.

во Христѣ, чрезъ Котораго все и въ Которомъ все. Все имѣя въ Немъ, не прошу никакой награды, ибо Онъ Самъ есть награда всѣхъ“¹⁾. Отсюда св. Амвросій вполне послѣдовательно даетъ такое наставленіе: „Если мы ѣдимъ или пьемъ, будемъ возвѣщать Христа, просить Христа, говорить о Христѣ; пусть Христосъ всегда будетъ въ нашемъ сердцѣ, всегда въ нашихъ устахъ“²⁾.

Христосъ есть мудрость, указавшая людямъ пути благоразумія³⁾, тѣ вѣчные пути, которыми человѣкъ долженъ былъ возвратиться къ Богу⁴⁾. Какъ же Онъ указалъ эти пути? Онъ далъ,—отвѣчаетъ св. Амвросій,—Свое Евангеліе, которое есть не только ученіе вѣры, но и училище нравовъ, и зеркало праведнаго обращенія⁵⁾. Сопоставляя Новый Завѣтъ съ Ветхимъ, св. Амвросій говоритъ, что высокія наставленія Евангелія преобладаютъ предъ наставленіями пророковъ (и апостоловъ⁶⁾ Евангеліе, по сравненію съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ, есть новый законъ, строяемый на другомъ принципѣ—принципѣ любви⁷⁾, принципѣ милости⁸⁾. Поскольку этотъ новый принципъ проявляется въ отношеніяхъ Бога къ человѣку, онъ сказывается, какъ безконечное милосердіе Божіе⁹⁾, какъ полное отпущеніе грѣховъ¹⁰⁾; поскольку же онъ полагается въ основу взаимныхъ отношеній между людьми, онъ вмѣсто ветхозавѣтнаго мщенія ко врагамъ предписываетъ любовь къ нимъ¹¹⁾.

Спрашивается, каково же отношеніе евангельскаго за-

1) De interp. Job et Dav. III (IV), 11, 28.

2) In ps. 118, 19, 16.

3) De Cain et Abel II, 3, 11.

4) In ps. 118, 5, 25.

5) In ps. 118, 20, 33; ср. 118, 18, 37.

6) In ps. 118, 17, 10.

7) In ps. 118, 5, 19—20; In ps. 39, 3: „Ожидающему меня, Господи Исусе, нѣкогда ты пришелъ, направилъ шаги мои въ Евангеліи, вложилъ во уста мои пѣснь новую, т. е. Новый Завѣтъ. Радуюсь уже, мы поемъ гимнъ Богу нашему, потому что мы познали заповѣди новыхъ добродѣтелей; (мы познали заповѣди, которыя требуютъ), чтобы мы, слѣдуя Христу, оставили бы все и возлюбили бы враговъ нашихъ“.

8) De poenit. I, 12, 54.

9) Ibid.

10) In ps. 118, 18, 38; 16, 44; ср. De Iacob I, 1, 18—19.

11) In Luc. V, 72—73.

кона къ ветхозавѣтному, — имѣетъ ли послѣдній какое либо значеніе для христіанина или нѣтъ? Оригенъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ почти отрицательно, утверждая, что ветхозавѣтный законъ съ принесеніемъ Христомъ новаго, совершеннаго, закона потерялъ свое значеніе и сдѣлался мертвымъ для насъ, почему мы принимаемъ его только тогда, когда его читаетъ намъ Христосъ¹⁾.

Св. Амвросій различаетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ два элемента: элементъ религіозно-обрядовый и элементъ нравственный. Первый элементъ, несмотря на то, что и Ветхій, и Новый Завѣтъ даны однимъ Богомъ²⁾, что и въ томъ, и другомъ Завѣтѣ дѣйствовалъ Одинъ и тотъ же Христосъ³⁾, съ пришествіемъ ковца закона—Христа⁴⁾, съ пришествіемъ „совершенной благодати“ и „полноты мѣры“⁵⁾, можно сказать, потерялъ свое значеніе и уступилъ мѣсто новому, подобно тому, какъ тѣнь и мракъ уступаютъ свое мѣсто образу и свѣту⁶⁾; другими словами, ветхозавѣтный законъ обветшалъ для насъ⁷⁾, почему и апостолы разрѣшили христіанъ отъ бремени іудейскаго закона⁸⁾. Если же послѣдній и сохранилъ еще для христіанъ какое либо значеніе, то только постольку, поскольку, въ немъ провозвѣщается Спаситель. „Исповѣдуй, — говоритъ св. Амвросій, — Его (Спасителя) въ законѣ, дабы познать тебѣ Его въ Евангеліи“⁹⁾.

Иначе св. отецъ относится къ нравственному элементу ветхозавѣтнаго закона. Нравственный законъ Моисея не потерялъ своего значенія и для христіанъ, почему отрицающій его отрицаетъ и Христа, въ Которомъ было исполненіе всякаго

1) Hom. in Genes. VI, 3; Hom. Ies. Nav. IX, 8. Подробнѣе см. у Dr. G. Capitaine, De Origenis ethica, p. 80—83.

2) In Luc. X, 4.

3) In ps. 118, 18, 29; ср. Ep. 31, 4—5.

4) In ps. 35, 5; In ps. 118, 1, 8.

5) Ep. 44, 5, 6; Ep. 26, 9; In ps. 118, 1, 8; De interp. Iob et Dav. IV (II), 4, 18; In ps. 118, 19, 43. Ср. Orig. Selecta in psal. CXVIII, vers. 151. Pitra, Anal. s., III, 305.

6) De interp. Iob et Dav. IV (II), 2, 9; De Cain et Abel II, 6, 19.

7) In ps. 118, 18, 37; De interp. Iob et Dav. I, 5, 12.

8) In ps. 118, 3, 27.

9) Ep. 7, 22.

закона ¹⁾. Дѣло въ томъ, что ветхозавѣтный нравственный законъ является необходимой подготовкой къ правственному закону Евангелія, ибо только тотъ можетъ браться за исполненіе евангельскихъ заповѣдей, кто исполнилъ предписанія закона, „Взойди сначала на первую ступень закона,—научаетъ св. Амвросій христіанина,—чтобы ты могъ потомъ достигнуть и небесной вершины Евангелія“ ²⁾!

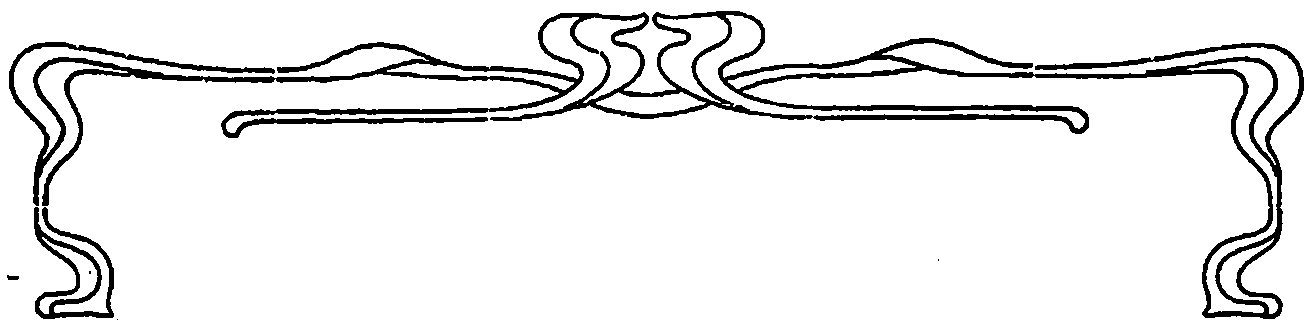
Григорій Прохоровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In ps. 118, 5, 23.

²⁾ In ps. 1, 19; ср. 38.

Религія и народность, какъ основы воспитанія.

Вопросы воспитанія и, тѣмъ болѣе, основы воспитанія имѣютъ за собою такую почтенную давность, теряясь въ вѣкахъ сѣдой старины, что, казалось бы, въ этой области должны бы быть твердо установленныя уже рѣшенія, общепризнанныя истины, говорить которыя значило бы повторять азбуку и общеизвѣстныя аксіомы. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ,—существуютъ въ человѣческомъ общежитіи вопросы, къ общепризнанности рѣшенія которыхъ не можетъ быть приложимъ критерій древности ихъ возникновенія и постановки; основное свойство подобнаго рода вопросовъ въ особенной ихъ жизненности, постоянной ягучести, что съ необходимостью отражается и на рѣшеніи данныхъ вопросовъ отдѣльными лицами, или цѣлыми общественными группами, налагая на ихъ рѣшенія часто субъективный отпечатокъ, препятствующій, очевидно, объективности, общепризнанности рѣшенія. Къ указанному порядку вопросовъ относятся, несомнѣнно, и проблемы воспитанія, въ которомъ, по выраженію педагога В. П. Острогорскаго, нужно видѣть „не вопросъ только школьной дисциплины или воспитанія физическаго, но глубочайшій вопросъ человѣческаго духа, вопросъ жизни,“¹⁾ Англійскій философъ Дж. Локкъ говоритъ, что „изъ всѣхъ людей девять десятыхъ своимъ характеромъ и всѣмъ направленіемъ своей жизни обязаны исключительно воспитанію“²⁾),—отсюда, по жизненности, скажемъ даже—по

¹⁾ Русскіе педагогическіе дѣятели. М. 1887 г. стр. 32.

²⁾ Мысли о воспитаніи. Перев. П. Вейнберга. СПб. 1890. стр. 5.

заинтересованности общества и государства, проблемы воспитания всегда были и будут не старѣющимъ предметомъ сужденій, разногласій, отрицаній и утверженій.

Переживаемое нами время также слишкомъ далеко отъ ослабленія интереса къ вопросамъ воспитания и даже ставить предъ нами эти вопросы съ достаточной остротой и сильной принудительностью. Въ общественномъ сознаниіи нашего времени, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій русской жизни, наблюдается кризисъ и, какъ говорятъ, переоцѣнка старыхъ идеологій; періодъ кризиса міровоззрѣнія всегда характеризуется смутностью, перепутанностью, неосознанностью идей, и подобное состояніе разочарованности въ старой вѣрѣ и отсутствія новыхъ твердыхъ опоръ въ жизни влечетъ за собою усталость жизни, ослабленіе ея интенсивности, часто полное разочарованіе въ жизни, иногда отчаяніе. Что констатированіе указаннаго настроенія русской жизни не голословно, объ этомъ ярко свидѣтельствуется богатая хроника убійствъ и самоубійствъ,—часто съ лаконическимъ объясненіемъ причины: „жить не стоитъ“, „жизнь надоѣла“. И данное явленіе есть, несомнѣнно, моральный развалъ. Это же моральное разложеніе видно и въ общемъ пониженіи нравственныхъ устоевъ жизни, въ теоріи и на практикѣ—въ широкой волнѣ пороковъ и фактовъ преступности, свидѣтельствуется и упадкомъ художественной литературы, въ отношеніи какъ нравственныхъ основъ, такъ и эстетическаго вкуса. „Поразительность даннаго явленія, говоритъ одинъ изъ авторовъ сборника „Вѣхи“, въ томъ и состоитъ, что это не простыя нарушенія нравственности, возможные всегда и повсюду, а безчинства, претендующія на идейное значеніе и проповѣдуемая, какъ новые идеалы“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что настоящее состояніе кризиса интеллигентскаго сознанія и наблюдающееся въ современной жизни въ значительной степени господство практическаго аморализма гибельно отражаются и на подростающемъ молодомъ поколѣніи,—скорбные случаи самоубійства среди едва перешедшихъ иногда годы отрочества говорятъ объ этомъ гибельномъ вліяніи моральнаго развала среди старшихъ. И долгъ стоящихъ на стражѣ воспитания новыхъ поколѣній—быть въ

1) Вѣхи. М. 1909 г. стр. 177.

настоящее время особенно чуткими и въ то же время твердыми въ примѣненіи тѣхъ началъ воспитанія, которыя одни въ состояніи оградить подростящее поколѣніе отъ неблагоприятныхъ условій современной дѣйствительности и сообщить ему твердые нравственные устои и руководящіе идеалы въ путяхъ жизни.

I.

Н. И. Пироговъ говорилъ, въ отношеніи задачъ воспитанія, въ томъ смыслѣ, что намъ нужны „не негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а—люди. Къ чему вы готовите вашего сына? Быть человѣкомъ“¹⁾. Формулируя конечную цѣль воспитанія, какъ воспитаніе „человѣка“, Пироговъ — замѣчательный русскій педагогъ и личность глубоко религіозная—вкладывалъ, конечно, въ понятіе „человѣка“ свой опредѣленный смыслъ; повидимому, и въ общественномъ сознаніи данное понятіе является яснымъ и опредѣленнымъ,—свидѣтельство о комъ-либо, что онъ былъ „человѣкомъ“, считается высшей похвалой и признаніемъ высокихъ духовныхъ качествъ извѣстной личности. Но исторія педагогики знаетъ теорію „естественнаго человѣка“ и свободнаго его воспитанія; Ж. Ж. Руссо, педагогическая теорія котораго носитъ на себѣ яркую печать того стремленія къ естественности, къ природѣ, которое характеризуетъ все его міросозерцаніе, за нимъ т. н. филантрописты, во главѣ съ Базедовымъ, у насъ Л. Толстой—видѣли лучшую систему воспитанія въ свободномъ, естественномъ развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, заложенныхъ въ природѣ естественнаго человѣка,—роль воспитанія только регулировать это свободное развитіе естественныхъ силъ, а не идти наперекоръ ему. Но теорія естественнаго человѣка и свободнаго его воспитанія отрицаетъ, очевидно, глубокую поврежденность самой природы человѣческой, между тѣмъ эта поврежденность есть несомнѣнный, опытно данный фактъ: влеченіе ко злу такъ же прирождено человѣку въ естественномъ его состояніи, какъ и влеченіе къ добру. Если такъ, то теоріи свободнаго воспитанія приходится либо признать равноцѣнность естественнаго развитія

¹⁾ Сочиненія. СПб. 1900. т. I стр. 3.

задатковъ какъ добра, такъ и зла, либо отказаться отъ самой сущности своей, признавъ необходимость активнаго воспитательнаго воздѣйствія на природу естественнаго чело-вѣка, въ смыслѣ укрѣпленія воли его только въ добръ, воспитанія въ немъ нравственнаго характера. Далѣе. Если конечную цѣль воспитанія будемъ видѣть въ образованіи нравственнаго характера личности и подъ понятіемъ воспитанія „человѣка“ будемъ разумѣть воплощеніе въ извѣстной личности высокихъ этическихъ идей, то необходимо вспомнить, что исторія этики знаетъ самыя разнообразныя ученія о т. н. естественной нравственности, этическія ученія евдемонизма, утилитаризма, позитивизма, эволюціонизма, ученіе Канта, пессимистовъ и т. д. Не входя въ подробную критику данныхъ ученій, но указавъ все же на то, что исторія этики, какъ усиліе чело-вѣческаго разума дать руководящія нормы нравственной дѣятельности, знаетъ также и этическія ученія Штирнера и Ницше, въ корнѣхъ ниспровергающія всякую этику, мы обратимъ вниманіе на ту историческую эпоху, ибо исторія—лучшій учитель, когда чело-вѣкъ былъ вынужденъ руководствоваться въ своемъ поведеніи только естественнымъ нравственнымъ закономъ. Разумѣемъ духовное состояніе до-христіанскаго языческаго міра и даже ближе—состояніе его предъ явленіемъ Іисуса Христа и въ періодъ первыхъ временъ распространенія христіанства. Проф. М. С. Корелинъ пишетъ: „Первые годы Римской Имперіи казались многимъ современникамъ возвращеніемъ золотого вѣка. Дѣйствительно, внутреннія смуты, болѣе столѣтія непрерывно терзавшія республику, прекратились; внѣшнія войны не угрожали безопасности христіанства и ихъ напряженность значительно ослабла; въ управленіи вѣчнымъ городомъ установился почти уже позабытый порядокъ и для провинцій, терзаемыхъ жадными намѣстниками, наступили лучшія времена. Но изъ подъ этого матеріальнаго благополучія обнаруживаются проявленія такого духовнаго упадка, который въ глазахъ лучшихъ людей обезцѣнивалъ всѣ внѣшнія блага. Великое Евангельское изреченіе: „не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ чело-вѣкъ“ имѣетъ силу для всякой личности, достигшей хотя бы минимальнаго культурнаго уровня. Огромное значеніе имѣло оно и для языческихъ подданныхъ Римской имперіи.

Тогдашняя культура достигла высокой степени развитія, между тѣмъ какъ всѣ ея духовно-моральные устои совершенно расшатались. Въ началѣ нашей эры античный міръ переживаетъ критическую эпоху, которая началась гораздо раньше появленія христіанства... Личность переросла традиціонныя воззрѣнія и мучительно искала новыхъ основъ для новаго міросозерцанія, и въ античномъ обществѣ обнаруживается цѣлый рядъ реформаціонныхъ теченій¹⁾. Языческая философія, въ лицѣ лучшихъ ея представителей моралистовъ — стоиковъ, мудрость правителей, чувство народныхъ массъ, восточныя таинственныя культы, все соединилось здѣсь, чтобы найти выходъ изъ тяжелаго духовно-моральнаго распада. Но ни восточныя культы, ни реставрированная національная римская религія, ни апоѳеоза императоровъ, ни стоическая философія — не могли возродить языческаго римскаго міра. „Совершенно естественно, говоритъ цитиров. уже проф. Корелинъ, что религія и философія, бесплодно возбуждая мысль и чувство, только обостряли могучую религіозную потребность... Религіозныя и моральныя потребности античнаго общества, обостренныя неудачными попытками религіозной и философской реформы, чувствовались съ особенно жгучею силою“²⁾. Изстрадавшіяся, обезсиленныя въ борьбѣ съ тьмою и зломъ, безъ луча надежды на самихъ себя, но съ жаждой избавленія, съ мучительной тоской по спасенію, лучшія души языческаго міра должны были, вмѣстѣ съ древнимъ пророкомъ, взывать „сторожь! сколько ночи? сторожь! сколько ночи?“ (Ис. 21, 11). Хранитель нашъ! не прошла ли ужъ ночь? Мракъ ночи былъ озаренъ яркимъ и вѣчнымъ свѣтомъ Явленія Христова.

Таковъ урокъ исторіи той эпохи, когда человѣкъ долженъ былъ руководствоваться въ путяхъ жизни естественнымъ нравственнымъ закономъ. Христіанство дало міру, высшее моральное ученіе, провозгласивъ нравственное достоинство и высокое назначеніе человѣка, утвердивъ безконечную цѣнность человѣческой личности, и идея „человѣка“ въ истинномъ значеніи этого слова въ корнѣ своемъ есть идея христіанская. Безконечное нравственное совершенствованіе личности, свидѣтельствуемое вовнѣ, въ обществен-

¹⁾ Паденіе античнаго міросозерцанія. Сиб. 1901. стр. 3—4.

²⁾ Тамъ же стр. 188. 189.

ныхъ отношеніяхъ великою любовью къ ближнимъ, мораль, слѣдовательно, индивидуальная и соціальная—таково основное содержаніе христіанской морали. Прямо можно сказать, что всѣ этическія ученія западныхъ философовъ, содержащія дѣйствительно нравственныя идеи, говорятъ то, что раньше сказано ихъ, почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; справедливо признаніе проф. Туганъ-Барановскаго, что „19 вѣковъ всесторонняго прогресса не дали въ этомъ отношеніи (морали) ничего новаго“¹⁾. Наоборотъ—проповѣдь началъ жизни вопреки Евангелію всегда будетъ проповѣдью аморализма, безнравственности.

Итакъ, Евангельская мораль есть самая возвышеннѣйшая, и христіанское нравственное воспитаніе воли въ духѣ Евангельской индивидуальной и соціальной морали есть основная задача воспитанія. Но этого мало. Извѣстно, что весьма многіе значеніе христіанства и его цѣнность видятъ только въ его высокомъ моральномъ ученіи, отвергая его догматическую и догматико-мистическую стороны. И здѣсь предъ нами встаетъ великій вопросъ: достаточно ли для нравственнаго воспитанія и нравственной дѣятельности одного моральнаго ученія, хотя бы и возвышеннѣйшаго, одного знанія, что добро и что зло? Мы выдвигаемъ далеко не новое, но такъ забываемое и не признаваемое особенно въ наши дни положеніе, что истинная нравственность основывается на истинной же религіи, и христіанская мораль есть религіозная мораль, всецѣло основанная на христіанской же религіи, слѣдовательно и христіанское нравственное воспитаніе воли имѣетъ свой корень, свою основу въ христіанской религіи.

Дѣло въ томъ, что нравственное совершенствованіе личности есть великій и трудный подвигъ, въ которомъ одно знаніе того, что хорошо и что дурно, вовсе не имѣетъ рѣшающаго значенія. Положеніе греч. философа Сократа, что „знаніе есть добродѣтель“, равно какъ и утвержденіе, вслѣдъ за нимъ, въ нравственной жизни пріоритета разума—въ этическихъ системахъ западныхъ философовъ, является глубокимъ заблужденіемъ. Развѣ не говоритъ опытъ міровой жизни, развѣ мы сами не наблюдаемъ въ своей ли личной

¹⁾ Теоретическія основы марксизма. Спб. 1906. стр. 113.

жизни, или въ жизни окружающихъ того простого и очевиднаго факта, что люди, зная, какъ должно жить, однако же не живутъ такъ и нарушаютъ Евангельскіе заветы нравственности? Въ тяжелой борьбѣ добра со зломъ въ душѣ человѣка недостаточно одного различенія ихъ душою, необходимы глубокія побужденія къ тому, чтобы творить именно добро, а такихъ побужденій не можетъ дать ни одно естественное ученіе нравственности, даетъ ихъ только религія.

Языческій міръ былъ возрожденъ къ жизни не тѣмъ только, что ему дано было совершенное ученіе нравственности, но тѣмъ, что дано было новое цѣльное христіанское міровоззрѣніе и благодатныя силы искупительнымъ подвигомъ Богочеловѣка, а это съ необходимостью ведетъ насъ къ признанію догматической и догматико-мистической сторонъ христіанства.

Двѣ основныя религіозныя идеи христіанскаго міровоззрѣнія, христіанской догматики, имѣютъ величайшее значеніе въ качествѣ побужденій и основъ нравственности—идея Личнаго Бога и идея личнаго безсмертія души человѣческой. Дм. Карамазовъ, въ извѣстномъ романѣ величайшаго религіознаго мыслителя Ѳ. М. Достоевскаго, говоритъ: „если Бога нѣтъ, то человѣкъ—шефъ земли, мірозданія“¹⁾. И это—позднѣйшая ницшеанская идея „человѣкобожества“. Дѣйствительно, если Бога, какъ Личнаго Существа, Основоположника и Высочайшаго Виновника добра и Мздовоздаятеля за него—нѣтъ, то человѣкъ самъ поставляетъ себя на мѣсто Бога, и возникаетъ идея человѣкобожества. Нравственныя заповѣди утрачиваютъ тогда Божескую, религіозную санкцію и получаютъ санкцію человѣческую, такъ же легко ниспровергаемую, какъ и утверждаемую; человѣкъ тогда самъ себѣ законъ, и никакими соображеніями о томъ, что нравственное чувство прирождено человѣку, а слѣдовательно и законно, вы не убѣдите слѣдовать этому чувству; ибо человѣкъ вполне резонно можетъ вамъ отвѣтить, что эгоизмъ и влеченіе ко злу также въ немъ естественны и даже болѣе могучи и заманчивы. „Какъ бы ни мудрены были пантеистическіе или эволюціонные софизмы современной морали, говоритъ одинъ іерархъ нашей Церкви, но,

¹⁾ Полное собр. соч. Изд. Маркса. Сиб. 1895. т. XII. стр. 701.

раздѣляя ихъ, я отлично понималъ бы, что я самъ баринъ надъ всѣми ними, и одно дуновение моего каприза можетъ разбросать эти карточные домики вынужденныхъ умствованій Толстого, Фуллъе, Спенсера, Циглера, Литтре, Конта и проч. и проч.¹⁾ Отрицая волю Божию, человѣкъ утверждаетъ „своеволие“, и тогда нравственность несомнѣнно теряетъ свою глубокую опору.

Нѣтъ, далѣе, основъ нравственности и при отрицаніи личнаго безсмертія. Если, дѣйствительно, личнаго безсмертія и будущей жизни нѣтъ, если для человѣка все оканчивается со смертью тѣла и изъ него, по выраженію Тургеневскаго Базарова, только „лопухъ расти будетъ“, то скажите, какой тогда смыслъ человѣку вести тяжелую нравственную борьбу съ самимъ собою, ограничивать себя въ желаніяхъ и стремленіяхъ, нести подвигъ самоотверженія? Не логичнѣе ли тогда—брать отъ жизни, что только можешь взять, поставить своимъ девизомъ девизъ языческаго міра: „станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 кор. XV, 32), или, какъ читаемъ въ языческихъ надгробныхъ надписяхъ: „друзья, будемте жить, пока живется“²⁾! У Ѳ. М. Достоевскаго Иванъ Карамазовъ говоритъ: „для каждаго частнаго лица, невѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и эгоизмъ, даже до злодѣйства, не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“³⁾. Логически это—такъ: отрицаніе личнаго безсмертія есть отрицаніе закона любви и самоотреченія и утвержденіе закона эгоизма и проповѣди аморализма, безнравственности. Далѣе. Если въ жестокой борьбѣ за личное земное счастье меня побѣдятъ сильнѣйшіе меня и на мою долю останутся одни страданія и тяжесть жизни, то къ чему мнѣ нести эти страданія, влачить жизнь, полную скорбей и лишеній, разъ я сознаю, что это бессмысленно, безцѣльно и поведетъ одинаково къ полному унич-

¹⁾ Еп. Антоній. Полное собраніе соч. Казань. 1900 г. III стр. 289.

²⁾ Буассе. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Москва. 1878. стр. 243.

³⁾ Op. cit. стр. 84.

тоженію? Къ чему ждать неизбежнаго конца, когда я самъ могу ускорить его и тѣмъ избавиться отъ страданій жизни. Такъ логически отрицаніе безсмертія ведетъ и къ самоубійству. Эта неизбежная логика атеизма ярко выражена въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго, въ предсмертныхъ словахъ атеиста Кириллова, совершающаго самоубійство, чтобы по ницшеански заявить „своеволие“. „Слушай, говоритъ онъ, большую идею. Былъ на землѣ одинъ день, и въ серединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣми, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ, Ему такого-же, никогда, даже до чуда. Въ томъ то и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. Если же законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ; стало быть, самыя законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. *Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?*“¹⁾

Только вѣра въ личное безсмертіе и загробное существованіе, вѣра въ то, что съ физической смертью тѣла человѣкъ переходитъ въ вѣчность, гдѣ долженъ будетъ дать отвѣтъ за всю свою земную жизнь, только эта глубокая вѣра содержитъ сильнѣйшія побужденія къ нравственности и оправдываетъ тяжелую нравственную борьбу, скорби, лишенія и страданія жизни. Глубокій въ этомъ отношеніи смыслъ заключается въ словахъ лучшаго женскаго образа въ творчествѣ Тургенева—Лизы Калитиной: „христіаниномъ, говоритъ она Лаврецкому, нужно быть для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“²⁾.

Скажутъ, однако, что вѣдь сколько есть людей невѣрующихъ, атеистовъ, которые въ жизни вовсе не были такъ ужь безнравственны и даже являли образцы добродѣтели

¹⁾ Op. cit. Т. VII, стр. 596.

²⁾ Полное собраніе сочиненій. Изданіе Маркса, С.-Петербургъ. 1898. Т. II. Стр. 875.

личной и общественной. Доказывать, сколько изъ людей невѣрующихъ бываетъ добродѣтельныхъ и сколько предпочитающихъ только личное счастье, эгоистовъ, доказывать это цифровымъ подсчетомъ, конечно, невозможно, но главное здѣсь вотъ въ чемъ. Мы указывали на практическій аморализмъ, даже до самоубійства, какъ на логическое слѣдствіе изъ атеистическаго міровоззрѣнія, т. е. каждый сознательный атеистъ, послѣдовательно руководствующійся доводами своего разсудка, неизбѣжно долженъ придти къ выводамъ, указаннымъ нами выше, а если онъ поступаетъ иначе, то это есть уже противорѣчіе его атеизму. Но въ томъ то и дѣло, что человѣкъ руководствуется въ жизни не одними доводами логики,—и, въ частности, нравственность атеиста, когда его атеизмъ не является праздною только болтовней, объясняется врожденностью естественнаго нравственнаго чувства, но еще болѣе тѣмъ же христіанствомъ, которое настолько вошло въ плоть міра, что часто сообщается атеистически, о чемъ невѣрующій человѣкъ и не думаетъ. О русской интеллигенціи, массовый атеизмъ которой не секретъ, справедливо говоритъ проф. Булгаковъ: „духовными навыками, воспитанными Церковью, объясняется не одна изъ лучшихъ чертъ русской интеллигенціи, которая она утрачиваетъ по мѣрѣ своего удаленія отъ Церкви, напр., нѣкоторый пуританизмъ, ригористическіе нравы, своеобразный аскетизмъ, вообще строгость личной жизни; такіе, напр., вожди русской интеллигенціи, какъ Добролюбовъ и Чернышевскій (оба семинаристы, воспитанные въ религіозныхъ семьяхъ духовныхъ лицъ), сохраняютъ почти нетроутымъ свой прежній нравственный обликъ, который, однако же, постепенно утрачиваютъ ихъ историческіе дѣти и внуки. Христіанскія черты, воспріятыя иногда помимо вѣдома и желанія, чрезъ посредство окружающей среды, изъ семьи, отъ няни, изъ духовной атмосферы, пропитанной церковностью просвѣчиваютъ въ духовномъ обликѣ лучшихъ и крупнѣйшихъ дѣятелей русской революціи“¹⁾. Такимъ образомъ, нравственность атеизма не своя, а въ существѣ дѣла заимствованная изъ христіанской атмосферы. Но чѣмъ далѣе идетъ время, умножается невѣріе и растетъ проповѣдь ате-

¹⁾ „Вѣхи“. Ор. cit. Стр. 29.

изма, тѣмъ болѣе опасеній за нравственные устои, которыхъ атеизмъ не имѣеть. Современность дала и даетъ намъ печальные факты подтвержденія этого положенія,—атеизмъ, переходя отъ теоріи къ практикѣ, влечетъ за собою не нравственное самоограниченіе, а все—позволяемость, смердяковщину. И атеистъ Иванъ Карамазовъ въ жизни далеко ужъ не безнравственный человѣкъ, но вотъ слуга Смердяковъ, всѣмъ нутромъ воспринявшій идеи Ивана, убиваетъ старика Карамазова и похищаетъ у убитаго три тысячи, а въ объясненіе своего преступленія говоритъ Ивану: „была такая прежняя мысль-съ, что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москвѣ, али пуще того за границей, такая мечта была-съ, а пуще все потому, что „все позволено“. Это вы вправду меня учили-съ, ибо много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо коли Бога безконечнаго нѣтъ, то и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и разсудилъ“¹⁾. И Смердяковъ кончаетъ самоубійствомъ...

Но скажутъ еще, быть можетъ, что указанная нами, какъ единственные основы нравственности, христіанскія истины бытія Божія и личнаго безсмертія съ успѣхомъ могутъ быть замѣнены идеей прогресса человѣчества, которую, какъ мы знаемъ, и выставляютъ въ качествѣ побужденія человѣка къ нравственной дѣятельности. Отмѣтимъ, прежде всего, что идея прогресса есть уже своего рода вѣра, а не *доказуемое знаніе*, ибо жизнь даетъ достаточно матеріала какъ для оптимистовъ, такъ и для пессимистовъ, т. е. какъ для утвержденія, такъ и для отрицанія того, что человѣчество прогрессируетъ. Но мы и здѣсь оставимъ цифровое вычисленіе суммы счастья и горя людского, а разсмотримъ данный вопросъ съ философской точки зрѣнія. И, прежде всего, идея человѣческаго прогресса, какъ безконечнаго, такъ и имѣющаго конечную стадію своего развитія, заключаетъ въ себѣ внутреннее логическое противорѣчіе. Если этотъ прогрессъ безконеченъ, то онъ не имѣеть никакой цѣнности въ отношеніи опредѣленія цѣли и смысла жизни, ибо сколько бы ни билось, ни прогрессировало человѣчество, оно сознавало бы, что зла и страданій жизни оконча-

¹⁾ Op. cit. Т. XII. Стр. 749.

тельно не уничтожить,—счастье и несчастье однихъ были бы основой дальнѣйшаго счастья и несчастья другихъ, въ какой бы мѣрѣ это ни было,—и безконечный процессъ прогресса получаетъ абстрактную форму безцѣльнаго движенія. Если же прогрессъ человѣчества имѣетъ конечную стадію своего развитія, т. е. наступитъ нѣкогда гармонія и всеобщее счастье, какъ, напр., социалистическое государство будущаго, то, во-первыхъ, подобное состояніе означало бы прекращеніе всякаго развитія, ибо чего же и достигать, разъ достигнуто совершенство, а при отсутствіи развитія мы не можемъ представить себѣ смысла, цѣли жизни человѣческаго общества; во-вторыхъ—подобное состояніе съ необходимостью предполагаетъ не только матеріальное счастье всѣхъ, но и общее нравственное совершенство,—и это послѣднее условіе, котораго не знаютъ исповѣдующіе вѣру въ самодовлѣющую прогрессъ, имѣетъ громадное значеніе, котораго и не сознаютъ адепты прогресса. У Ф. М. Достоевскаго весьма вѣдко говорить по этому поводу „человѣкъ изъ подполья“. „И, говоритъ онъ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія, возникнетъ какой нибудь джелътманъ съ благородной, или, лучше сказать, ретроградной и насмѣшливой фізіономіей, упретъ руки въ бока и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логарифмы отправить къ чорту и чтобы намъ опять *по своей глупой воли пожить!* Это бы еще ничего, но обидно то, что вездѣ непремѣнно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ“¹⁾. Но допустимъ, что Достоевскій зналъ природу человѣка хуже замѣняющихъ религіозную вѣру вѣрой въ прогрессъ, допустимъ, что многовѣковыми усилями человѣческихъ поколѣній въ корнѣ будетъ уничтожено зло и достигнуто общее нравственное совершенство. Тогда мы продолжимъ словами профессора Г. Зибекка: „въ такомъ случаѣ получилось бы представленіе о совершенствѣ, доставшемся людямъ будущаго золотого вѣка безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны, единственно благодаря предшествовавшему историческому

¹⁾ Op. cit. Т. III. Ч. II. Стр. 90.

развитію человѣчества... А подобное совершенство отнюдь нельзя назвать *нравственнымъ* совершенствомъ, такъ какъ состояніе, котораго не создалъ себѣ человѣкъ самъ, путемъ собственнаго развитія и личной борьбы за идеаль, не заслуживаетъ названія нравственнаго состоянія. Всякая предшествовавшая эпоха, въ которую нравственность создавалась въ процессъ борьбы и развитія, какъ бы ни была она несовершенна, стояла бы въ этическомъ отношеніи выше такого конечнаго идеальнаго состоянія“ ¹⁾.

Такъ получаютъ логическіе круги, изъ которыхъ не выпутаться вѣрѣ въ прогрессъ, какъ въ цѣль и смыслъ жизни человѣка. Эта же вѣра не выдерживаетъ никакой критики и съ этической точки зрѣнія, ибо совершенно неудовлетворительно рѣшаетъ вопросъ о значеніи личной жизни каждаго человѣка, и тѣ, кто ратуетъ за личность, обезцѣниваютъ ее въ этомъ пунктѣ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Дѣйствительно, можно ли болѣе обезцѣнить личность человѣка, какъ обречь цѣлыя поколѣнія, народы, многовѣковую исторію человѣчества съ его великими страданіями, ужасами, кровью,—обречь на службу нѣсколькимъ будущимъ поколѣніямъ, представить въ качествѣ матеріала для унавоживанія будущей проблематической гармоніи?! „При такомъ взглядѣ на прогрессъ, говоритъ проф. Зибекъ, ходъ развитія человѣчества не можетъ имѣть больше цѣнности, чѣмъ ходъ развитія отдѣльнаго человѣка, который, пользуясь чужими трудами, эксплуатируя и всячески притѣсняя другихъ людей втеченіе первой половины своей жизни, успѣлъ обезпечить, по крайней мѣрѣ, себѣ и своимъ близкимъ, пріятное существованіе втеченіи второй половины жизни; что оказали бы мы, если бы этотъ человѣкъ вздумалъ вдругъ требовать, чтобы личности, которыми онъ пользовался какъ средствомъ для достиженія своей цѣли, которыхъ онъ обездолилъ, которымъ онъ причинилъ массу страданій, находили себѣ утѣщеніе въ сознаніи, что, бѣдствуя и страдая, онѣ способствовали созданію и упроченію счастья хоть для нѣсколькихъ другихъ личностей?“ ²⁾.

Послѣ всего сказаннаго полагаемъ, что на вопросъ,

¹⁾ Прогрессъ, какъ нравственная задача. Кіевъ. 1903. Стр. 26.

²⁾ Op. cit. Стр. 25—26.

может ли вѣра въ прогрессъ дать личности побужденія къ нравственности, отвѣтъ ясенъ, и отвѣтъ отрицательный.

Да не подумаютъ, что христіанство отрицаетъ самый прогрессъ,—нѣтъ, христіанство то и создало прогрессъ, и историческое его значеніе въ дѣлѣ развитія человѣчества громадно и неоцѣнимо. Христіанство утверждаетъ прогрессъ, когда рассматриваетъ его не какъ самодавляющую цѣль жизни, а какъ нравственную задачу каждаго человѣка; другими словами, въ дѣлѣ истиннаго прогресса, понимаемаго какъ постепенное всестороннее совершенствованіе личное, общественное, вселенское, человѣкъ долженъ принимать участіе, такъ какъ это—исполненіе его земного назначенія, его христіанскій долгъ,—и степень совершенствованія личнаго и участія въ совершенствованіи общемъ, какъ осуществленіе закона любви къ ближнимъ, есть именно то, съ чѣмъ бессмертная душа человѣка переходитъ въ вѣчность и въ чемъ она должна будетъ дать отчетъ.

Только въ этомъ ученіи—глубокое утвержденіе цѣнности личности и залогъ, побужденіе къ служенію общественному благу, залогъ истиннаго прогресса человѣчества.

Такимъ образомъ, только христіанское міровоззрѣніе разрѣшаетъ великіе вопросы о цѣли, смыслѣ жизни; и если разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо, чтобы человѣкъ имѣлъ нравственный идеалъ жизни, опору своей нравственной дѣятельности, то значитъ только христіанское міровоззрѣніе даетъ глубокую основу этики. А если послѣдняя, по выраженію проф. Юркевича, есть голова педагогики, то христіанское міровоззрѣніе, христіанская религія является глубокой и неопровержимой основой этического воспитанія.

Великая сила христіанства заключается, далѣе, не въ томъ только, что оно есть истинное міровоззрѣніе, но и въ томъ, что оно даетъ благодатныя силы въ достиженіи нравственнаго идеала. Грѣхъ настолько вкоренился въ природѣ человѣка, неопровержимый фактъ—мучительное раздвоеніе личности настолько сильно, что даже и вѣра въ Личнаго Бога, въ личное безсмертіе не предрѣшаетъ еще нравственнаго совершенствованія личности. Классически выражено это мучительное состояніе въ словахъ ап. Павла: „желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу,

дѣлаю“ (Римл. VII, 18—19). Свидѣтельствуемъ объ этомъ же и языческій писатель Овидій Назонъ: „вижу лучшее и одобряю, а слѣдую худшему“¹⁾. Если такъ, если человѣкъ, даже при истинномъ міровоззрѣніи, бываетъ безсильнъ, изнемогаетъ въ нравственной борьбѣ, то необходима высшая Божественная помощь,—и она дана была языческому міру, какъ мы говорили, и теперь подается человечеству искупительнымъ подвигомъ Богочеловѣка Господа Иисуса Христа. Здѣсь, очевидно, мы вступаемъ въ область глубокой вѣры въ догматико-мистическую сторону христіанства, вѣры въ благодатныя силы, хранительницей которыхъ въ св. таинствахъ является Церковь. Несомнѣнно, что христіанство только и можетъ быть принято все, цѣликомъ, а не въ отдѣльной только части,—и руководство въ христіанскомъ воспитаніи поколѣній должно имѣть въ виду не моральное только ученіе христіанства, но и догматическую его сторону.

Если, наконецъ, вспомнимъ основное требованіе педагогики—наглядности въ воспитаніи, указаніе примѣра, то въ христіанствѣ Величайшимъ Образомъ нравственности, воплощеніемъ нравственнаго идеала является историческая Личность Богочеловѣка Иисуса Христа, предъ величіемъ и нравственнымъ обаяніемъ которой не можетъ не преклониться и умъ невѣрующій, и которая, какъ свѣтъ міру, всегда будетъ освѣщать тяжелый путь нравственной борьбы человѣка, а въ дѣлѣ воспитанія всегда останется примѣромъ сіяющей добродѣтели и правды, образцомъ, зовущимъ къ подражанію.

Итакъ.—христіанская религія есть основа воспитанія, и вспомнить эту основу зоветъ насъ современность. Атеизмъ русской интеллигенціи, поверхностно усвоенный съ Запада еще отъ эпохи „просвѣтительства“ (XVIII в.), есть большой историческій грѣхъ, за который она и теперь уже платится, горькіе плоды котораго достанутся и на долю грядущихъ поколѣній. Современная задача воспитанія есть религіозно-этическая, воспитаніе „человѣка-христіанина“. Необходимо вспомнить проникновенныя слова знаменитаго русскаго педагога К. Д. Ушинскаго: „все, чѣмъ человѣкъ, какъ чело-

¹⁾ Метаморф. VII, 20—21.

вѣкъ, можетъ и долженъ быть, говоритъ онъ, выражено вполне въ Божественномъ ученіи, и воспитанію остается только прежде всего и въ основу всего вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль всякому воспитанію; оно же и должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины. Это—неугасающій свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человека и народовъ; за нимъ должно стремиться всякое воспитаніе ¹⁾.

II.

Человѣкъ, принадлежа великой семьѣ человѣчества, въ то же время принадлежитъ, въ условіяхъ своего земного существованія, какъ болѣе близкому къ нему объекту, извѣстной націи, отдѣльному народу, все равно какъ принадлежитъ и еще болѣе близкой къ нему—родной семьѣ; и принадлежность человека къ извѣстной націи, этому могучему фактору въ исторіи и жизни, психическая наличность въ человѣкѣ національнаго чувства имѣетъ такое существенно-жизненное значеніе въ развитіи и дѣятельности человека, что всякая серьезная педагогика необходимо должна имѣть въ виду это жизненное явленіе и многое въ воспитаніи на немъ основывать.

Подъ понятіемъ „народности“ разумѣется совокупность тѣхъ отличительныхъ свойствъ извѣстнаго народа, которыя опредѣляютъ его характеръ и направленіе дѣятельности, налагаемая тѣмъ самымъ отпечатокъ индивидуальности, утверждающей отличіе даннаго народа отъ другихъ націй. Конечно, каждому народу, какъ и каждому человеку, присущи общечеловѣческія идеи—религіозныя, этическія, эстетическія, научныя, политическія, социальныя, но не всѣ онѣ получаютъ у каждаго народа одинаковое развитіе; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ преобладающее значеніе и цѣнность въ характерѣ и дѣятельности народа и, выдвигаемая на первый планъ, онѣ и сообщаютъ народу индивидуальную окраску. Чѣмъ далѣе въ глубь исторіи восходитъ существованіе и дѣятельность народа, тѣмъ яснѣе для насъ его національная физи-

¹⁾ Собраніе педагогическихъ соч. СІВ. 1875. Стр. 112—113.

ономія. Міръ грека, какъ міръ красоты, господство эстетическихъ идей, и міръ римлянина, какъ міръ практической дѣятельности, господство политическихъ, правовыхъ идей—являются отличительными особенностями характера этихъ народовъ, установленными исторической наукой.

Мы не знаемъ и не можемъ, конечно, предрѣшать того, въ какой мѣрѣ національный факторъ сохранить свое значеніе въ будущемъ развитіи человѣчества, не можемъ предрѣшать, пойдетъ ли человѣчество по пути сглаживанія, nivelлировки национальныхъ отличій, или, быть можетъ, национальное самоуглубленіе достигнетъ большей степени, будутъ, можетъ быть, и эпохи господства одной націи и подавленія другихъ, но для даннаго состоянія ясно, что національныя отличія народовъ, опирающіяся на этнографическія особенности и историческія условія жизни извѣстнаго народа, являются могучимъ орудіемъ прогресса человѣчества. Образно говоря, какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ быть знатокомъ и работникомъ во всей многообразной духовной жизни и дѣятельности человѣчества, такъ и отдѣльный народъ, въ силу своего особеннаго индивидуальнаго характера, сосредоточиваетъ свое вниманіе на одной какой-либо сторонѣ творческой дѣятельности человѣчества,—и эта сосредоточенность обуславливаетъ, несомнѣнно, глубину, основательность рѣшенія народомъ поставленныхъ предъ нимъ общечеловѣческихъ проблемъ. Въ то же время народный характеръ кладетъ свой особенный отпечатокъ въ рѣшеніи общечеловѣческихъ идей, а это ведетъ къ великому разнообразію въ освѣщеніи этихъ идей разными народами. Обмѣнъ между народами культуръ, какъ внѣшней, такъ и внутренней—культуры духа, т. е. обмѣнъ тѣмъ, что каждый народъ вырабатываетъ въ своемъ національномъ самоопредѣленіи, и является необходимымъ условіемъ и глубокой основой прогресса. Существуютъ, конечно, гении, принадлежащіе міровой исторіи, но и ихъ сила и основа въ народной почвѣ, тѣмъ болѣе—правильный духовный ростъ и продуктивная дѣятельность обыкновенной личности необходимо обуславливаются не только физическимъ, но и духовнымъ средствомъ ея со своимъ народомъ, и оторванность отъ народной почвы, покупаемая дорогою цѣною омертвѣнія цѣлой стороны души, создаетъ вѣчныхъ скитальцевъ, вродѣ Алеко

„лишнихъ людей“, типами которыхъ, начиная съ Евгенія Овѣгина, такъ богата наша литература, богата особенно и современная жизнь, или же, наконецъ, „пролетаріевъ всѣхъ странъ“, которые дальше матеріальныхъ потребностей ничего не видятъ.

Вотъ почему и серьезное воспитаніе должно опираться на народность, какъ на одну изъ своихъ основъ. Воспитаніе врожденнаго національнаго чувства, любви къ своему народу, покоящейся на кровной и духовной связи съ нимъ, есть необходимое условіе здороваго духовнаго роста личности. И это не противорѣчитъ идеалу любви ко всему человѣчеству, потому что только чрезъ любовь къ своему народу, какъ болѣе близкому, конкретному объекту для любви, человѣкъ переходитъ къ любви ко всему человѣчеству, и утвержденіе человѣка, отвергающаго народъ свой, что онъ любить за то все человѣчество, подобно утвержденію человека не любящаго ближняго, что онъ любитъ зато Бога, а ап. Іоаннъ Богословъ говоритъ о подобномъ человѣкѣ, что онъ — ложь. (1 посл. VI, 21). Только любящій и уважающій свою народность и ея самостоятельность въ состояніи понять и уважать другія народности и ихъ самостоятельность, и правильно понимаемый принципъ народности несомнѣнно обосновываетъ идею братства народовъ.

Если попытаться теперь дать опредѣленіе того, каково же положительное содержаніе индивидуальнаго характера нашей русской народности, то, какъ ни трудно это опредѣленіе, но кажется, что отличительной чертой нашей народности является господство религіозно-этическихъ идей. Проф. Н. Гротъ говоритъ: „мы русскіе, если судить по прежней исторіи нашего самосознанія, повидимому склонны давать въ своемъ міровоззрѣніи перевѣсъ элементу религіозно-этическому. Нашему народному міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни“¹⁾. Дѣйствительно, въ нашемъ народномъ міровоззрѣніи, насколько оно отпечатлѣвалось въ народной поэзіи, въ художественной литературѣ, въ ученіяхъ русскихъ мыслителей и въ фактахъ нашего историческаго прошлаго, всегда видно недовѣріе къ исключительному господству разсудка и чисто-

¹⁾ Вопросы философіи и психологіи. 1889 г. кн. 1 стр. XVІІІ.

раціональныхъ началъ въ жизни, всегда звучать нравственно-религіозные мотивы. „Даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нашу русскую литературу, говоритъ одинъ видный литературный критикъ, сразу бросается въ глаза и ея преобладающій проповѣдническій характеръ, и первенствующая роль мотивовъ совѣсти и покаянія... и такая, лишь съ виду незначительная, но въ сущности серьезная и характернѣйшая особенность, какъ возведеніе въ перлъ созданія „божьихъ людей и юродивыхъ“¹⁾. Нельзя сказать, чтобы религіозно-этическія проблемы рѣшались у насъ не разнообразно, нѣтъ, онѣ рѣшаются иногда и неправильно, какъ это случилось съ Л. Толстымъ, но существенно отмѣтить, что именно эти проблемы образуютъ жезненный нервъ нашей индивидуальности. Насколько нравственные задачи сильны въ нашемъ раціональномъ организмѣ, показываетъ тотъ фактъ историческаго прошлаго, что русская интеллигенція, оторванная отъ религіозной души народа, при своемъ атеизмѣ, въ практической дѣятельности ставила своимъ идеаломъ служеніе народному благу, хотя бы оно иногда и понималось неправильно, т. е. дѣлала то, что противорѣчило предпосылкамъ ея атеистическаго міровоззрѣнія, и шла за свой идеаль на страданія. Мы не должны здѣсь упустить изъ вниманія и того явленія, что господство нравственныхъ идей вызывало у насъ даже отрицаніе культуры и проповѣдь „опрощенія“. (Толстовство). „Этическіе интересы, говоритъ проф. Н. Гротъ, ведутъ насъ иногда къ отрицанію искусства и науки, какъ самостоятельныхъ областей дѣятельности человѣческаго духа“²⁾. Н. В. Гоголь и Л. Толстой—сначала великіе художники, а потомъ моралисты ярко подтверждаютъ сказанное; извѣстно еще, какой непопулярностью пользовались у насъ поэты такъ называемаго „чистаго искусства“, не затрагивавшіе въ своихъ произведеніяхъ общественныхъ вопросовъ,—но цѣнно отмѣтить здѣсь то, что и эти поэты преимущественно брали религіозные сюжеты или сюжеты изъ прошлаго народной жизни. (А. Толстой, А. Майковъ и др.). Въ области философіи нашему духовному укладу повидимому чуждо построеніе философ-

¹⁾ Е. Соловьѣвъ. (Андреевичъ) Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. СПБ. 1907 г., стр. XVI.

²⁾ Op. cit.

ских системъ на чисто-раціональныхъ началахъ; нравственно-религіозные вопросы, примиреніе вѣры и знанія, проблемы нравственной философіи—область нашего философскаго творчества, какъ это видно въ ученіяхъ нашихъ русскихъ мыслителей, напр., А. Хомякова и др. славянофиловъ, С. Трубецкого и особенно—В. С. Соловьева; задачами нравственной философіи повидимому опредѣляется и дальнѣйшій путь самостоятельнаго развитія русской философской мысли.

Не въ силу ли указанныхъ свойствъ нашего народнаго характера мы такъ слабы въ успѣхахъ внѣшней культуры и вынуждены всегда обращаться за ней на Западъ? Но при оцѣнкѣ этого явленія необходимо помнить, что внѣшняя культура не имѣетъ абсолютной цѣнности, мертва безъ культуры внутренней, культуры духа. Здѣсь уясняется глубокій смыслъ приведенныхъ выше словъ Н. И. Пирогова, что намъ нужны „не негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а люди“. Цѣнность человѣческой личности и здѣсь, и въ безсмертіи ея утверждается не успѣхами во внѣшней культурѣ, а степенью духовно-нравственнаго совершенствованія. Отрицаніе самостоятельной цѣнности внѣшней культуры особенно сильно сказалось въ ученіи нашихъ славянофиловъ,—разумѣемъ ихъ вѣру въ провиденціальную миссію народовъ славянскаго племени, миссію спасенія этими народами народовъ Запада нравственно-братскимъ единеніемъ на религіозной основѣ. Ө. М. Достоевскій говоритъ: „не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается социализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христова. Вотъ нашъ русскій социализмъ“¹⁾. Не предвѣщая дальнѣйшихъ путей духовнаго развитія человѣчества, мы опять подчеркиваемъ, что путь одной внѣшней культуры безъ внутренней, культуры духа—не имѣетъ абсолютной цѣнности. Если такъ, то обладаніе глубокими задатками къ внутренней культурѣ, каковыя задатки отпечатлѣны въ указанномъ индивидуальномъ характерѣ нашей народности,—есть великое благо, и если ранѣе мы указывали на христіанскую религію, какъ на основу воспитанія, то въ другой

¹⁾ Op. cit. т. XI, стр. 492.

основѣ, въ нашей народности—мы почерпнемъ тѣ же могучія силы къ воспитанію человѣка-христіанина, религіознаго гуманиста.

Атеизмъ русской интеллигенціи, на который мы указывали, какъ на великій историческій грѣхъ, приводитъ ее и къ другому историческому грѣху,—оторванности отъ народа, къ неощущаемому на Западѣ, дутому космополитизму. Эта оторванность отъ народа есть неоспоримый фактъ, ибо она основывается на противоположности двухъ вѣръ, религіозной вѣры народа и атеистической вѣры интеллигенціи. Последнія событія русской жизни не только не спаяли народъ и интеллигенцію, а вырыли, быть можетъ, между ними большую пропасть, какъ сказывается это, напр., въ наши дни, въ *недовѣрїи* народа къ интеллигентнымъ силамъ, идущимъ на борьбу съ эпидеміей. И даже во дни недавняго прошлаго народъ въ существѣ дѣла не былъ заодно съ интеллигенціей, такъ какъ его движеніе было неосознаннымъ, исходило не отъ религіозной природы народной души, а отъ пробужденныхъ въ ней низшихъ инстинктовъ, ибо, по выраженію проф. С. Булгакова, „въ исторической душѣ русскаго народа всегда боролись завѣты обители преп. Сергія и Запорожской Сѣчи или вольницы, наполнявшей полки самозванцевъ, Разина и Пугачева“ ¹⁾. Народъ, конечно, не совершенство, и въ немъ много грѣха, но цѣнно и плодотворно въ немъ, какъ свойство той же религіозной природы, постоянное сознаніе своей грѣховности, настроеніе покаянія, котораго такъ чужда интеллигенція, способная обсуждать въ своемъ катехизисѣ только тактическія ошибки. „Боже, кто говоритъ, писалъ Ф. М. Достоевскій, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія умножается видно, ежечасно, сверху идегь... Но спасетъ Богъ Россію, ибо хотъ и развратенъ престолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ во смрадномъ грѣхѣ, но все же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша... Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно, во что народъ вѣритъ, какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что воз-

¹⁾ „Вѣхи“. Оп. cit., стр. 64.

любилъ, чего просить у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеаль народа—Христось. А со Христомъ, конечно, и просвѣщеніе" ¹⁾...

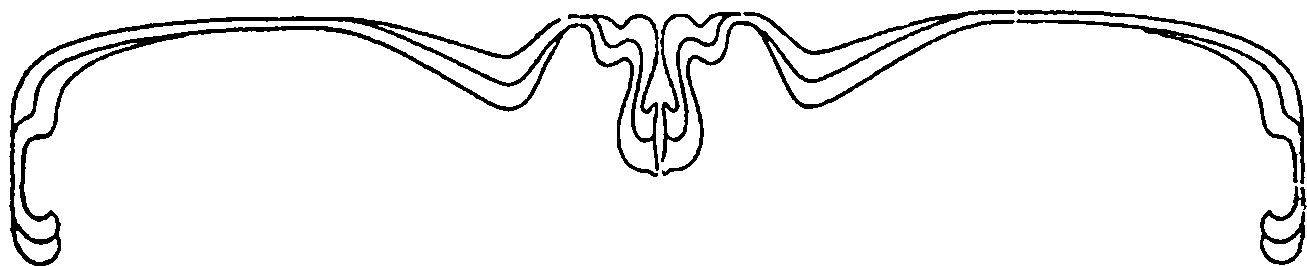
Выше мы указали на тѣ гибельные плоды, которые приносить и принесетъ еще атеизмъ русской интеллигенціи, теперь необходимо указать на всю гибельность оторванности ея отъ народа. Народная почва дала намъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого и др. великихъ писателей, интеллигенція прошлаго дала Успенскаго, Гаршина, Чехова, Короленко, а современная интеллигенція даетъ преобладающіе типы писателей вродѣ Арцыбашева, Соллогуба et cetera. Да не будетъ этого и въ другихъ областяхъ жизни и творчества! Мы не можемъ сказать, въ какую сторону направится современный намъ кризисъ русской интеллигенціи, но должно желать и всячески содѣйствовать тому, чтобы онъ направился въ сторону искупленія историческихъ грѣховъ интеллигенціи и пріобрѣтенія, тѣмъ самымъ, новаго положительнаго содержанія. Современная задача семьи, школы—созданіе религіозной интеллигенціи, для которой родина будетъ не только мѣстомъ рожденія, но и родиной духа,—созданіе интеллигенціи религіозно-народной. Отсюда и современную задачу воспитанія новыхъ поколѣній мы должны формулировать, какъ задачу воспитанія „человѣка-христіанина“, сына русскаго народа, родной земли, той земли, идеаль которой, какъ идеаль Христовъ, поэтъ Тютчевъ выразилъ въ словахъ:

„Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

И. Власовскій.

¹⁾ Op. cit. т. XII, стр. 374—375.

ТЕОСОФІЯ-РЕЛИГІОЗНАЯ ФИЛОСОФІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(Продолженіе) *).

Какъ человѣкъ, по ученію теософовъ, является въ астральный міръ и что онъ ощущаетъ?

Когда физическое тѣло, говоритъ теософія, сражено смертію, эфирное тѣло отдѣляется отъ него, унося съ собою всѣ остальные начала человѣка. Выдѣленіе эфирнаго тѣла, т. е. жизни, выражается оцѣпенѣніемъ физическаго тѣла со всѣми его органами чувствъ. Послѣдніе еще невредимы и физически цѣлы, но „внутренній повелитель“ ушелъ, тотъ, который чрезъ нихъ видѣлъ, слышалъ, обонялъ, вкушалъ, осязалъ, а безъ него, сами по себѣ, они не болѣе, какъ агрегаты матеріи, не лишены жизни, но неспособны къ воспріятію. Медленно „повелитель“ тѣла удаляется изъ него, облеченный въ сѣро-лиловое эфирное тѣло и занятый созерцаніемъ панорамы всей своей жизни, которая въ смертный часъ развертывается предъ нимъ во всѣхъ пережитыхъ подробностяхъ. Въ этой картинѣ жизни запечатлѣны всѣ событія его земнаго существованія, и великія и малыя. Онъ видитъ все, чего домогался въ жизни: и свои обманутыя ожиданія, и усилія свои, и торжества, и неудачи, и свои привязанности и антипатіи. Преобладающій смыслъ *всей* жизни, какъ равнодѣйствующая, выступаетъ опредѣленно, указывая ту область, гдѣ будетъ протекать большая часть загробной жизни умершаго. Но вотъ порывается послѣдняя магнетическая связь между физическимъ и эфирнымъ тѣломъ, товарищи земной жизни расстаются и, кромѣ исключитель-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1911 годъ.

ныхъ случаевъ, человѣкъ на время погружается въ мирное безсознательное состояніе.

Тихо и благоговѣнно должны держать себя всѣ, кто собрались вокругъ умирающаго, и торжественное молчаніе не должно нарушаться, чтобы не отвлекать отходящаго отъ обзора проносящейся предъ его внутреннимъ взоромъ истекающей жизни.

Громкій плачь можетъ потревожить умирающаго и нарушить сосредоточенное вниманіе его души и потому, врываясь со своимъ личнымъ огорченіемъ въ тишину, которая успокаиваетъ отходящаго, и грубо и эгоистично. Религія обнаружила мудрую предусмотрительность, предписавъ читать отходныя молитвы надъ умирающими; благодаря такимъ молитвамъ, сохраняется тишина и въ окружающихъ вызывается стремленіе помочь отходящему, что, какъ и всякая мысль любви, защищаетъ и ограждаетъ того, къ кому она направляется:

Черезъ нѣкоторое время послѣ смерти, обыкновенно по истеченіи тридцати шести часовъ, человѣкъ выходитъ изъ своего эфирнаго тѣла, покидая и его въ свою очередь, какъ безчувственный трупъ. Если тѣло опускается въ могилу, эфирный двойникъ витаетъ надъ ней, медленно распадаясь на составныя части; если-же тѣло сжигается, то онъ распадается очень быстро, благодаря тому, что теряетъ свой физическій центръ притяженія,—и въ этомъ одна изъ многихъ причинъ, почему сжиганіе труповъ, предпочтительнѣе погребенія.

Съ отдѣленіемъ эфирнаго двойника происходитъ нѣкоторое измѣненіе въ астральномъ тѣлѣ, которое должно приспособиться къ очистительному процессу, необходимому для освобожденія внутренняго человѣка. Во время земной жизни человѣка различнаго рода астральныя матеріи проникаютъ въ составъ его астральнаго тѣла такъ-же, какъ частицы твердыя, жидкія, газообразныя и эфирныя проникаютъ въ физическое тѣло. Измѣненія, происходящія послѣ смерти въ астральномъ тѣлѣ, и состоятъ въ раздѣленіи этихъ матеріаловъ, сообразно ихъ относительной плотности, на цѣлый рядъ концентрическихъ оболочекъ или „скорлупъ“, при чемъ самая тонкая располагается внутри, а самая плотная снаружи, образуясь изъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ со-

отвѣтствующихъ подраздѣленій астральной сферы. Это тѣло также должно постепенно распасться и этотъ процессъ совершается тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ менѣе астральное тѣло устойчиво и грубо. При этомъ чрезвычайно важно слѣдующее обстоятельство. Сила, съ которой сознательность человѣка дѣйствовала въ каждомъ изъ видовъ астральной матеріи, рѣшаетъ, пройдетъ-ли онъ чрезъ данную область сознательно, или безсознательно, т. е. человѣкъ можетъ сознавать только дѣйствіе однородной среды и если поэтому онъ жилъ, напр., высоконравственно, и чрезъ это еще на землѣ утончилъ свою астральную природу, то въ астральномъ мірѣ онъ пройдетъ безсознательно области болѣе грубыя, не имѣющія соотвѣтственной матеріи въ его природѣ. Такъ праведники, проходя тѣмъ-же путемъ, не знаютъ мученій, которыя переносятъ грѣшники! Человѣкъ самъ себѣ создаетъ свое будущее и въ буквальномъ смыслѣ получаетъ „свое мѣсто“ въ загробномъ мірѣ.

Первая, низшая область астральнаго міра мрачна, тяжела, печальна и подавляюща въ необычайной степени. Она кажется наполненной испареніями всевозможныхъ злыхъ проявленій, враждебныхъ добру. Всѣ желанія и чувства, которыя способны вызвать содроганіе, находятъ здѣсь матеріалы для своего выраженія. Это—самая мрачная изъ трущобъ со всѣми ея ужасами, скрытая отъ физическаго зрѣнія и выставленная здѣсь на показъ во всей своей обнаженной мерзости. Ея отталкивающій видъ усугубляется еще и тѣмъ, что въ астральномъ мірѣ характеръ выражается и внѣшнимъ образомъ, и человѣкъ, полный дурныхъ страстей, олицетворяетъ ихъ всею своей наружной формой. Въ астральномъ мірѣ нельзя быть лицомъ-ромъ и облекать грязныя мысли покровомъ кажущейся добродѣтели. Каковъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ, такимъ онъ и является во внѣшнемъ своемъ обликѣ, или сіяя красотой, если душа его возвышенна, или-же отталкивая своимъ безобразіемъ, если природа его была нечистая. Красота земная здѣсь часто превращается въ безобразіе, а безобразіе—въ красоту. Причина этого въ тонкости астральной матеріи, рельефно отображающей всякое душевное состояніе. Здѣсь видъ человѣка является въ буквальномъ смыслѣ зеркаломъ души. Населеніе этой низшей области состоитъ изъ самыхъ подонковъ чело-

вѣчества, изъ убійць, разбойниковъ, жестокихъ преступниковъ всякихъ типовъ, пьяницъ, развратниковъ, отбросовъ челоуѣчества. Ни въ чемъ неизмѣнившіеся кромѣ потери физическаго тѣла, люди здѣсь выставляють на показъ свои страсти во всей ихъ наготѣ, и полные лютыхъ, неудовлетворенныхъ стремленій, кипящіе местію и ненавистію, жаждущіе физическихъ удовольреній, которыми, потерявъ физическое тѣло, они уже не могутъ наслаждаться, они рыщутъ разъяренные и алчные по этой мрачной области, толпясь вокругъ притоновъ страстей и разврата на землѣ, подстрекая ихъ завсегдатаевъ къ постыднымъ дѣламъ и вселяясь въ нихъ, чтобы вовлечь ихъ во всевозможныя излишества. Они наиболѣе часто являются вдохновителями медумовъ спиритизма.

Не нужно забывать, что здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ наказаній, налагаемыхъ извнѣ,—каждый пожинаетъ то, что онъ самъ посѣялъ. Такъ-же неизбежно, какъ пьяница долженъ жить въ своемъ отталкивающемъ и отравленномъ тѣлѣ здѣсь на землѣ, такъ-же долженъ онъ жить въ своемъ не менѣе отталкивающемъ астральномъ тѣлѣ и тамъ до тѣхъ поръ, пока не исправится.

Вторая область астральнаго міра можетъ быть названа астральнымъ двойникомъ физическаго міра, потому что астральныя тѣла всѣхъ вещей и многихъ людей состоятъ главнымъ образомъ изъ матеріи, принадлежащей именно этому отдѣлу астральной сферы. Большинство умирающихъ людей задерживается на нѣкоторое время здѣсь, сохраняя полное сознаніе. Это все люди, интересы которыхъ были связаны съ тривиальными и мелочными объектами жизни, а также и тѣ, которые были въ рабствѣ у своей низшей природы и умерли, не угасивъ своихъ стремленій къ физическимъ наслажденіямъ. Такъ называемые „безпокойные духи“, заявляющіе о себѣ стуками и шумомъ, большею частію—обитатели этой области. Понятно, что мудрость ихъ не можетъ перейти за предѣлы той ограниченности, которая характеризовала ихъ на землѣ.

Вѣрная своему основному принципу о *семиричной* основѣ міра, теософія трактуеть о третьей, четвертой, пятой, шестой и седьмой области астральнаго міра.

Третья и четвертая область мало отличаются отъ вто-

рой и могутъ быть названы болѣе утонченными копіями ея; пятое-же подраздѣленіе представляетъ много новыхъ чертъ. Оно является уже свѣтящимся и чрезвычайно привлека-тельнымъ для привыкшихъ къ темнымъ земнымъ оттѣн-камъ, оправдывая названіе астральнаго, даннаго всей этой сферѣ. Здѣсь сфера наиболѣе тонкихъ чувствъ земныхъ лю-дей, реальный міръ всевозможныхъ фантазій. Здѣсь витаютъ всѣ мечты всѣхъ людей, здѣсь буквально сказочное цар-ство съ воздушными замками, храмами, дворцами; здѣсь то, въ чемъ витаетъ фантазія поэта, мечта юноши, бредъ по-мѣшаннаго; здѣсь—материализованное небо всѣхъ вѣрова-ній,—просторные луга для охоты краснокожихъ индѣйцевъ; наполненный гуріями рай мусульманъ; золотовратый, укра-шенный жемчугомъ, новый Іерусалимъ христіанъ. Здѣсь каждый пріятно живетъ въ мірѣ своей фантазіи, поскольку фантазія сродна его душѣ.

Шестая область астральной сферы сходна съ пятой, отличаясь отъ нея лишь большей утонченностью. Это сфера себялюбія подчиняющаго себѣ мысль, талантъ и способно-сти человѣка. Витающія здѣсь формы—продукты творче-ской мысли—наиболѣе красивы.

Седьмая, послѣдняя область астральнаго міра есть почти исключительно область ума, интеллекта не признающаго ни-какихъ, кромѣ своихъ, путей познанія. Здѣсь обитаютъ тѣ, которые были материалистами на землѣ. Здѣсь политическіе дѣятели, государственные люди, люди науки дѣлаютъ уси-лія, чтобы въ астральномъ мірѣ достигнуть торжества тѣхъ плановъ, отъ которыхъ ихъ оторвала смерть ранѣе, тѣмъ они достигли своей цѣли... Но, рано или поздно, для тѣхъ и другихъ, для всѣхъ наступаетъ „вторая смерть“: „повели-тель“ оставляетъ и это тѣло, какъ ранѣе онъ, оставилъ тѣло физическое. Внутренній человѣкъ на короткое время впа-даетъ въ состояніе безсознательности относительно всего окружающаго съ тѣмъ, чтобы родиться для новой высшей жизни въ сферѣ *ментальной* ¹⁾.

Мы говорили, что человѣкъ болѣе или менѣе, одновре-менно живетъ во всѣхъ семи планахъ, или мірахъ, въ томъ

¹⁾ Объ астральномъ мірѣ см. Безантъ: „Древняя Мудрость“, стр. 42—77. „Вѣстникъ Теософіи“, 1910 г. № 9, 7, 1. Брамана Чат-терджи: „Сокров. рел. филос. Индіи“, стр. 9 и др.

чистѣ и въ мірѣ ментальномъ, но эта жизнь совѣмъ не то, что жизнь дважды умершаго (на землѣ и въ астральномъ мірѣ). Земной человекъ сознаетъ высшіе міры чрезъ посредство мозга, т. е. только то изъ нихъ, на что мозгъ его можетъ отвѣчать гармоничными колебаніями; умершій же для земного и астрального міра сознаетъ ментальный міръ не черезъ мозгъ, а непосредственно, хотя и не всякій — все, — принципъ — подобное воспринимается подобнымъ — и здѣсь остается во всей своей силѣ. Отсюда — и здѣсь теософія трактуетъ о разныхъ областяхъ ментальной сферы, которыя рѣзко распадаются на двѣ болѣе типичныя: Рура (имѣющая форму) и Агура (безъ формы). Первая — родина разсудка (низшій Манасъ); вторая — родина разума (высшій Манасъ) съ его центромъ въ „Я“.

Чтобы нагляднѣе представить себѣ, въ чемъ здѣсь дѣло, воспользуемся примѣрами.

Возьмите двѣ струны одинаковой длины и заставьте звучать одну; тогда другая отвѣтитъ тою же нотой, т. е. тѣмъ же числомъ колебаній, но она останется нѣмой среди цѣлаго хора нотъ, произведенныхъ несоотвѣтствующими струнами. Изъ этого примѣра видно, почему не всякое сознаніе воспринимаетъ все.

Возьмите абстрактную мысль о треугольникѣ; она не будетъ имѣть формы, но будетъ заключать въ себѣ всѣ фигуры, ограниченныя тремя прямыми линиями, углы которыхъ составляютъ два прямыхъ угла. Такая идея съ заключенными въ ней условіями, но безъ формы, брошенная въ низшій міръ, можетъ дать жизнь обширному разнообразію фигуръ — прямоугольныхъ, равнобедренныхъ, разностороннихъ, всевозможныхъ размѣровъ и цвѣтовъ.

Изъ этого видно, что такое область Рура (форма) и Агура (безъ формы).

Объ отношеніи ментального міра къ астральному нужно сказать тоже, что объ отношеніи астрального къ земному, т. е. что жизнь въ ментальной сферѣ болѣе дѣятельна, чѣмъ въ астральной и формы ея болѣе пластичны. „Матерія мысли“, какъ ее называютъ, гораздо сильнѣе оживотворена и болѣе утончена, чѣмъ наивысшая „матерія чувства“. Последняя, по сравненію съ первой, представляется неуклюжей, тяжелой и тусклой, хотя по сравненію съ земной ма-

теріей она казалась столь волшебной-прозрачной и свѣтлой. Правда, и здѣсь царство субъективности, и здѣсь каждый живетъ въ своей ментальной энергіи, но „вещь въ себѣ“, чуждая всякой иллюзіи реальность уже закрыта меньшимъ числомъ покрывалъ, отчего и проявляетъ себя въ неописуемой прелести... Ясновидцы всѣхъ религій, говоритъ теософія, будетъ ли то индусъ, буддистъ или христіанинъ, согласно свидѣтельству о томъ, что на языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ, чтобы хотя приблизительно изобразить то, что происходитъ въ этомъ чудномъ мірѣ мысли; поэтому, оставляя въ сторонѣ полныя красивыхъ символовъ, но все же малопонятныя описанія теософами разныхъ областей ментальной сферы, мы остановимся нѣсколько только на послѣдней, высшей области Агир, истинной родиной чело-вѣка, въ которой онъ рождается, какъ дѣтская душа, какъ младенецъ Его, какъ зачатокъ индивидуальности, когда начинается его эволюція.

Здѣсь царство безсмертныхъ; по теософской терминологіи, царство Учителей, Посвященныхъ. Если въ низшихъ сферахъ—земной, астральной и низшихъ областяхъ ментальной—человѣкъ живетъ, какъ исчезающая личность, здѣсь онъ пребываетъ, какъ вѣчная индивидуальность.

Теософія не отождествляетъ понятія личности и индивидуальности и, исходя изъ идеи перевоплощенія, учитъ, что личности такъ же относятся къ индивидуальности, какъ листья дерева, къ самому дереву. Индивидуальность это—дерево; она—вѣчна; личности это—листья этого дерева, онѣ—преходящи. По закону эволюціи, индивидуальность съ-цѣлю саморазвитія, обогащенія себя содержаніемъ, проявляетъ себя въ формѣ личности въ земной сферѣ, астральной и ментальной. Высшее, единое „я“ проявляетъ себя въ цѣлой серіи низшихъ „я“, или личностей. Какъ безсмертный актеръ, единое „я“ многократно выступаетъ на подмостки жизни, въ одеждѣ сотканной изъ матеріи той сферы, гдѣ выступаетъ и черезъ это раскрываетъ свои потенциальныя силы и совершенствуется, обучаясь въ школѣ жизни. Будучи живымъ лучемъ Единого Свѣта и Единой Жизни—Бога, это высшее „Я“, получая жизнь и силу жизни свыше изъ царства духа, путемъ непосредственнаго единенія съ Богомъ, какъ дерево корнями изъ почвы, содержаніе жизни,

оно получаетъ снизу путемъ собственныхъ усилій въ низшихъ сферахъ. Какъ дерево, претворяя все, что воспринимаетъ въ себя, въ сокъ, циркулирующій по венамъ, осенью собираетъ сокъ въ свой стволъ, сбрасывая листья, такъ и высшее „Я“, обогащаясь чрезъ серію своихъ личностей содержаніемъ, слагаетъ все это въ своей сокровищницѣ, сбрасывая свои оболочки по мѣрѣ того, какъ онѣ изнашиваются. Это содержаніе высшаго „Я“ называется „тѣломъ причинности“, не въ томъ смыслѣ, что оно представляетъ тѣло, а въ томъ, что въ немъ, какъ въ суммѣ результатовъ всѣхъ пережитыхъ опытовъ, заключаются причины—въ формѣ такъ называемыхъ врожденныхъ способностей—всѣхъ послѣдующихъ дѣятельностей при новыхъ воплощеніяхъ.

Теософія учитъ, что именно изъ этой высшей сферы высшихъ „Я“ изливаются въ міръ потоки возвышенныхъ идей, вдохновенныхъ мыслей, воспринимаемыхъ въ формѣ озареній и откровеній въ нашемъ мірѣ. Когда новое открытіе внезапно озаряетъ мысль терпѣливаго изслѣдователя; когда новая мелодія, неожиданно рождаясь, восхищаетъ слухъ великаго музыканта; когда отвѣтъ на казавшійся неразрѣшимымъ вопросъ освѣщаетъ разумъ философа; когда новая энергія надежды и любви проникаетъ въ сердце безкорыстнаго дѣятеля; когда поэтъ не можетъ выразить въ словахъ, а художникъ въ краскахъ то, что они чувствуютъ;—во всѣхъ этихъ случаяхъ таинственно заявляетъ о себѣ высшее „Я“, тотъ глубочайшій центръ каждаго человѣка, котораго человѣкъ не сознаетъ, но въ постоянномъ внутреннемъ общеніи съ которымъ находится.

Если ментальная сфера является собственно сферою „Душъ человѣческихъ“ то слѣдующая сфера „Будди“ есть міръ „Духовныхъ Душъ“, а послѣдняя, высшая—„Нирвана“ сфера Духа,

Душа человѣческая, Душа Духовная и Духъ, учитъ теософія, нераздѣльны между собою и составляютъ всегда единицу, или Монаду, которая соотвѣтственно тремъ атрибутамъ Божественной Жизни—бытіе, блаженство, разумъ—проявляетъ себя въ трехъ аспектахъ. Монада эта Божественна по природѣ и представляетъ совершенный образъ Божій. Въ ней Божественная Сущность проявляетъ себя изъ скрытаго состоянія въ активное. Сфера ментальная есть

аспектъ разума, проявляющаго себя, какъ Высшій Монахъ. Это начало совершенное, но все-же начало противоположенія, раздѣленія, ибо интеллектъ можетъ сознавать себя по противоположенію „Я“ и „не Я“. Сфера Будди, въ отличіе отъ этой, есть сфера совершеннаго единенія и полнаго блаженства. Это міръ, въ которомъ каждый остается самимъ собою, съ ясностію и яркой интенсивностію, которая недоступна въ низшихъ мірахъ, и въ то-же время каждый чувствуетъ, что всѣ остальные заключены въ немъ, нераздѣльно и нераздѣлимо. Это міръ любви, гдѣ нѣтъ ни „моего“, ни „твоего“, гдѣ полное единство мыслей и желаній, гдѣ одна любовь и ничего другого. Какъ существо, находящееся на солнцѣ, проникнутое его свѣтомъ и само изливающее этотъ свѣтъ, не могло-бы чувствовать различія между однимъ лучемъ и другимъ и совершенно одинаково посылало-бы свѣтовые токи по всѣмъ направленіямъ; то-же и съ человѣкомъ, который сознательно достигъ сферы Будди: онъ чувствуетъ братство, о которомъ другіе говорятъ лишь какъ объ идеалѣ, и онъ изливаетъ свою силу въ пользу каждаго кто нуждается въ его помощи. Онъ видитъ во всѣхъ существахъ, какъ-бы, себя самого, и все, что онъ имѣетъ, считаетъ принадлежащимъ столько-же имъ, сколько и себѣ, болѣе того,—скорѣе имъ, потому что нуждаются они больше, а силъ у нихъ меньше, чѣмъ у него.

Послѣдняя, высшая сфера—Нирвана, представляетъ собою сердце вселенной, откуда истекаютъ всѣ жизненные токи. Отсюда исходитъ Великое Дыханіе, жизненное начало всего, и сюда же оно возвращается, когда проявленная вселенная достигаетъ своего предѣла. Тамъ пребываетъ Слава безъ покрова, Высочайшая Цѣль бытія.

Нирвана, говоритъ теософія, не есть уничтоженіе личной жизни, какъ ее представляютъ себѣ многіе на западѣ: наоборотъ, это полнота жизни, слившейся съ жизнью Вселенной. Нирваническое сознаніе представляетъ собою антитезу уничтоженію. Это—бытіе повышенное до такой высокой степени жизненности и интенсивности, которая невообразима для тѣхъ, кто знаетъ лишь жизнь чувствъ и земнаго разума. Какъ еле тлѣющій ночникъ по сравненію съ сіяніемъ полуденнаго солнца, такъ-же темно и наше прикосновенное къ землѣ сознаніе по сравненію съ сознаніемъ Нир-

ваны, и смотрѣть на него, какъ на уничтоженіе только потому, что границы земного сознанія исчезли, похоже на то, какъ если-бы человѣкъ, не выдавшій ничего, кромѣ ночника, сталъ утверждать, что свѣтъ не можетъ существовать безъ свѣтильни, погруженной въ масло ¹⁾).

Итакъ, говорить теософія, величайшее изъ страшилищъ для большинства людей—смерть оказывается въ дѣйствительности величайшей изъ земныхъ иллюзій; смерти нѣтъ, а есть безконечный процессъ все большаго и большаго оживленія. И умершіе, наши родные не гдѣ-либо въ безконечно отдаленномъ пространствѣ, а здѣсь, съ нами, вокругъ насъ и въ насъ, и помогаютъ намъ, и получаютъ помощь отъ насъ; но это не достигаетъ до нашего чувственного сознанія по грубости аппарата его мозга. Тѣ, которыхъ мы называемъ мертвецами, существуютъ, живутъ болѣе полною жизнію, чѣмъ мы, но живутъ, какъ проводники болѣе тонкихъ колебаній. Мы не можемъ отвѣчать на *такія* колебанія, вотъ почему ихъ существованіе ускользаетъ отъ насъ. Такъ ускользаетъ отъ нашего воспріятія невидимый эфиръ, не смотря на то, что мы погружены въ него, купаемся въ океанѣ его: не смотря на то, что онъ находится въ каждой частицѣ нашего существа, во всякой клѣточкѣ нашего мозга!..

IV. Происхожденіе міра и человѣка.

Мы обозрѣли теософическое ученіе о природѣ человѣка и вселенной,—космосъ оказался грандіознымъ образомъ микрокосма. Но откуда все это возникло, каково происхожденіе міра и человѣка?

На этотъ вопросъ теософія отвѣчаетъ ученіемъ объ *инволюціи* и *эволюціи*. Подъ первой разумѣется проявленіе Бога, какъ говорятъ индійцы, выдыханіе божества; подъ последней—процессъ обратнаго порядка, вдыханіе, возвращеніе реального міра въ прежнее потенциальное состояніе. Все-же вмѣстѣ носитъ названіе цикла.

Согласно съ индусской философіей, теософія учитъ о вѣчномъ творествѣ божества и о постоянномъ чередованіи міровъ появляющихся и исчезающихъ. Міры мѣняются, воз-

¹⁾ О ментальной и высшихъ сферахъ см. Безантъ: „Др. Мудр.“. С. 77—126; Чаттерджи: „Сокр. реп. фил. Индіи“ с. 16—23.

никая по равнодѣйствующей предшествовавшихъ міровъ, но производящая ихъ *Единая Сила* всегда остается неизмѣнной,—она становится всѣмъ, не переставая быть собою.

Когда мы говорили о физическомъ мірѣ, мы установили теософическій взглядъ на міръ, какъ на сумму бесконечно разнообразныхъ движеній; разнообразіемъ вибрацій, видѣли мы, теософія объясняетъ и всѣ другіе міры. Итакъ, въ вибраціи, въ движеніи божественной мысли, разума—сущность міра и причина разнообразія всѣхъ міровъ.

По ученію теософіи, эту идею проводитъ и христіанство, когда говоритъ, что все произошло чрезъ Божественный Разумъ, Логосъ.

Чтобы представить себѣ идею проявленія, можно воспользоваться такимъ примѣромъ. Возьмемъ раскаленный уголь, прикрѣпимъ его къ желѣзной проволоцѣ и будемъ быстро вращать его. Мы увидимъ огненный кругъ. Этотъ кругъ существуетъ только въ нашемъ сознаніи; онъ произведенъ кусочкомъ угля, при чемъ послѣдній не подвергся ни малѣйшему измѣненію. Такъ и Богъ, проявляя себя въ мірѣ, остается вѣчно неизмѣннымъ, единымъ и всегда тождественнымъ себѣ.

Если первый кругъ взять за единицу и вращать его вокругъ новаго центра, то получится новая фигура, болѣе сложная,—а причина все одна—одинъ кусочекъ раскаленнаго угля. Полученную фигуру можно опять вращать около новаго центра и опять получится фигура еще болѣе сложная и т. д. до бесконечности. Такъ единое можетъ быть причиной бесконечнаго разнообразія и бесконечное разнообразіе возвращается въ первоначальное единство.

Кромѣ движенія въ дѣлѣ образованія иллюзіи міра имѣетъ огромное значеніе пространство и время.

Не нужно забывать, учитъ теософія, что пространство и время только *способы нашего воспріятія*, существуютъ только для насъ и ихъ нѣтъ и не можетъ быть для существа абсолютнаго. Подъ временемъ мы разумѣемъ прошедшее, настоящее и будущее, т. е. три вида нашего знанія фактовъ. Подъ пространствомъ разумѣемъ: „здѣсь, тамъ, въ этомъ направленіи, въ томъ направленіи“. Не трудно видѣть, что эти понятія измѣняются, смотря по тому, кто воспринимаетъ. Глядя на солнце, мы говоримъ: оно „здѣсь“

или „тамъ“; но если-бы мы находились на солнцѣ, то для насъ было-бы одно „здѣсь“. Для насъ, обитателей земли, земля всегда „здѣсь“, но для обитателей другой планеты она будетъ „тамъ“. То-же и относительно времени. Наше настоящее для обитателей другой планеты является будущимъ (поскольку свѣтъ нуждается во времени для своего прохожденія) и видимое нами, какъ настоящее, на другой планетѣ является уже прошедшимъ для обитателей той планеты; т. е. пространство и время условны и существуютъ для лицъ, какъ способы ихъ воспріятія единой Сущности, для которой онѣ не существуютъ.

Простой чертежъ дастъ наглядное представленіе этой мысли.

Начертите нѣсколько концентрическихъ круговъ. Центральная точка представитъ собой божественную Сущность или Мышленіе, какъ-бы какое солнце, посылающее лучи во всѣхъ направленіяхъ. Если мы вообразимъ теперь мыслящее существо въ центрѣ, т. е. представимъ себѣ, что его самосознаніе слилось съ Божественнымъ Сознаніемъ, тогда оно восприметъ одновременно образъ всей вселенной; для него не будетъ ни направленія, ни послѣдующаго, ни пространства, ни времени; все для него „здѣсь“ и все въ „настоящемъ“. Предположимъ затѣмъ, что сознаніе находится въ какой-либо точкѣ А перваго внутренняго круга. Оттуда оно увидитъ (какъ ограниченное) въ опредѣленномъ направленіи нѣкоторую часть панорамы божественнаго творчества. Если сознаніе перемѣнитъ положеніе и будетъ находиться въ другой точкѣ (Б) круга, оно увидитъ въ новомъ направленіи часть божественнаго творчества. И оно не только получитъ понятіе о пространствѣ, благодаря перемѣнѣ направленія, но одновременно начнетъ сознавать и время: оно отдастъ себѣ отчетъ въ томъ фактѣ, что *послѣ* воспріятія извѣстной совокупности объектовъ, *теперь* оно воспринимаетъ другіе объекты. Такимъ образомъ, сознаніе, о которомъ идетъ рѣчь, узнаетъ божественное творчество уже не *одновременно*, но въ *послѣдовательности*. Въ третьемъ положеніи (какая либо точка В), оно воспринимаетъ новую часть вселенной въ новомъ направленіи и т. д. Предположите, что со временемъ оно обойдетъ весь центральный кругъ, т. е. всю панораму божественнаго Мышленія. Но и Богъ, находящійся въ центрѣ,

не видитъ ничего иного; только онъ видитъ *все* одновременно, сразу, безъ направленія и послѣдованія. Вотъ почему та-же идея, которую развивающееся существо воспринимаетъ, какъ *кругъ*, центральной Сущностию воспринимается, какъ *точка*. Кругъ и точка тождественны; они представляютъ собой *одну и ту-же идею*, воспринимаемую при различныхъ условіяхъ.

Предположимъ далѣе, что другое сознание двигается по второму кругу, болѣе удаленному отъ центра. Оно также видитъ центральную точку *послѣдовательно*, въ различныхъ *направленіяхъ*. Окончивъ полный оборотъ, оно также восприметъ все, представляющееся въ центральномъ кругѣ. Предположимъ, что это второе сознание движется съ тою-же быстротою, что и первое. Такъ какъ кругъ, обѣгаемый имъ, обширнѣе перваго, то для него то-же воспріятіе центральной идеи потребуеть болѣе продолжительнаго времени. Но въ результатѣ знаніе обоихъ сознаний тождественно: оба видѣли одно и то-же. И такъ какъ для того и другого объекты явились въ одной и той-же *послѣдовательности*, у обоихъ появится одно и то-же понятіе объ истекшемъ времени, тогда какъ намъ, наблюдающимъ за ними, это время представляется, какъ весьма различное для перваго и для второго.

Третій наблюдатель, находящійся на самомъ отдаленномъ отъ центра кругѣ, обойдетъ этотъ кругъ въ безконечно болѣе долгій срокъ, чѣмъ наблюдатель, находящійся въ разстояніи, ближайшемъ отъ центра. И, тѣмъ не менѣе, совершивъ полный оборотъ, онъ увидитъ то-же, что и первый, ту-же центральную идею, но подъ видомъ круга огромной величины, слѣдовательно, и этотъ кругъ, какъ и всѣ остальные, равнозначущи (эквивалентны) съ центральной точкой. Тоже самое и дальше: безконечная орбита, вѣчность, подлежащая прохожденію, все приходитъ къ одному и тому-же.

Еще разъ психологъ и математикъ приходятъ къ однимъ и тѣмъ-же выводамъ.

Физическія аналогіи подтверждаютъ эту мысль, ибо всѣ законы природы въ основѣ одни и тѣ-же; что вѣрно для атома, то-же вѣрно и для вселенной, различаются только условія. Такъ, въ нашей солнечной системѣ мы находимъ центральное солнце, вокругъ котораго вращаются планеты.

Ихъ годъ есть время, употребленное для того, чтобы описать полный кругъ около солнца. Это время *по существу* тождественно для всѣхъ планетъ, такъ какъ оно образовалось послѣдовательной смѣной однѣхъ и тѣхъ-же фазъ; но если мы возьмемъ срокъ для сравненія, напр., земной годъ, мы увидимъ, какъ это время измѣняется соотвѣтственно *условіямъ* (разстоянія), въ которыхъ пробѣгается орбита.

Существенная подробность заключается въ томъ, что чѣмъ болѣе сознаніе удалено отъ центрального начала, тѣмъ воспріятіе его становится все болѣе и болѣе неяснымъ и смутнымъ. Планеты, наиболѣе удаленныя отъ солнца, получаютъ отъ него только смутный отблескъ. Точно также и мы, находящіеся на физическомъ планѣ, видимъ только тѣни и смутные образы Реального ¹⁾.

Такимъ образомъ, говорить теософія, какъ лучи свѣта, мы также приходимъ изъ единого центра. Пока мы—въ центра, на одной изъ окружностей, мы сознаемъ себя отдѣльнымъ лучемъ и чѣмъ далѣе отъ центра, тѣмъ болѣе, но если мы захотимъ достигнуть центра мы *должны* отказаться отъ всякой розни, потому что какъ лучи сходятся въ одной центральной точкѣ, такъ и всѣ живыя существа соединятся въ центрѣ въ Одно.

Итакъ, все отъ Бога и въ Немъ—все. Нѣтъ жизни, которая не была-бы Его жизнию; нѣтъ силы, которая не была-бы Его силой; нѣтъ энергіи, которая не была-бы Его энергіей; нѣтъ формы, которая не была-бы Его формой. Все—результатъ Его мыслей, Его вѣчнаго творчества.

Въ вопросѣ объ эволюціи человѣка теософія развиваетъ ученіе о такъ называемомъ предсуществованіи душъ и о душепереселеніи, или перевоплощеніи въ той его формѣ, что человѣкъ, какъ существо индивидуальное, никогда не былъ животнымъ.

Философія этого ученія однородна съ развитіемъ его въ философіи спиритизма, посему, не желая повторяться, мы отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ нашему труду: „Спиритизмъ“ ²⁾. Переходимъ къ морали теософіи.

¹⁾ См. Брамана Чаттерджи: „Сокров. религіозная философія Индіи“. С. 36—47.

²⁾ См. „Вѣра и Разумъ“ 1910 г.

V. Добро и зло.

Что такое добро и зло? Если міръ есть проявленіе Бога, а Богъ есть абсолютное всесовершенство, то какъ смотрѣть на зло, которое всюду разлито въ міръ?

Рѣшеніе этого вопроса въ теософiи можетъ быть формулировано въ такомъ видѣ.

Необходимымъ условіемъ проявленія является ограниченіе; ибо не могло-бы быть никакого проявленія вселенной, никакой множественности, ни различія, если бы Абсолютное Единство всегда пребывало таковымъ. Только устанавливая внутреннее ограниченіе въ самомъ себѣ, Единство можетъ дать начало множественности.

Абсолютное Единство ни сознательно, ни бессознательно и только въ актѣ проявленія, самоограниченія оно становится сознательнымъ. Почему? Потому, что сознаніе заключаетъ въ себѣ начало двойственности, различія; въ немъ два понятія: нѣчто сознающее и нѣчто сознаваемое.

Въ Абсолютномъ Единствѣ нѣтъ возможности мышленія, ибо актъ мышленія есть актъ не единства, а двойственности,—мысль включаетъ въ себѣ воспріятіе и предметъ воспріятія, мыслить нельзя ни о немъ, а о чемъ-либо другомъ.

Итакъ, гдѣ проявленіе, тамъ и ограниченіе. Ограниченіе находится въ самомъ фактѣ существованія вселенной. Это существованіе условно и потому ограниченіе нераздѣльно со вселенной.

Съ другой стороны, всякое различіе, всякое ограниченіе заключаетъ въ себѣ несовершенство. Совершенство неограниченно; ограниченное-же — несовершенство. Такимъ образомъ, несовершенство должно являться результатомъ ограниченія, т. е. чѣмъ болѣе ограниченія, тѣмъ болѣе и несовершенства.

Въ цѣломъ вы можете найти совершенство,—въ цѣломъ, но не въ частяхъ его. Съ того момента, какъ являются части, множественность, различные предметы, каждый изъ нихъ въ отдѣльности несовершененъ, потому что онъ меньше цѣлаго. Самый тотъ фактъ, что данная вещь есть часть, а не цѣлое, доказываетъ ея несовершенство. Такимъ образомъ,

самый фактъ существованія вселенной, какъ бытія ограниченнаго заключаетъ въ себѣ необходимость ея несовершенства, или, такъ называемаго, *зла* въ ней.

Проявленное бытіе и его ограниченіе, добро и зло родились одновременно, какъ пара противоположностей обуславливающихъ другъ друга, какъ два полюса бытія. Отсюда видна ихъ реальность, но отсюда-же видна и ихъ относительность. Нельзя приложить къ чему-бы то ни-было слово „добро“, не представляя себѣ въ то-же время понятія о злѣ, о „не добрѣ“, ибо добро и зло суть термины взаимно связанные. „Добро“ и „не добро“ есть, слѣдовательно, пара противоположностей и каждое изъ нихъ можетъ существовать лишь при условіи существованія другого. Подобнымъ образомъ вы можете взять другую пару противоположностей. Сравните свѣтъ и тьму. Слово „свѣтъ“ ничего-бы не значило для мысли, не будь мрака или „не свѣта“. Мысль познаетъ „свѣтъ“ лишь въ силу отличія его отъ „не свѣта“. Мысль признаетъ извѣстныя тѣла свѣтящимися лишь потому, что остальные тѣла не свѣтятся—и это настолько вѣрно, что присутствіе не дающихъ отъ себя свѣта, темныхъ тѣлъ необходимо для проявленія свѣта. Астрономы говорятъ намъ, высказывая это научное положеніе, что въ безднахъ небеснаго пространства не свѣтъ, а тьма, хотя бездны эти полны тѣхъ самыхъ эфирныхъ вибрацій, которыя мы на землѣ называемъ свѣтомъ. Почему-же это такъ? Потому что тамъ, въ неизмѣримыхъ пространствахъ вселенной, нѣтъ тѣхъ свѣтоотражающихъ, но самихъ по себѣ темныхъ тѣлъ, а за неимѣніемъ этихъ темныхъ тѣлъ, не можетъ отражаться, отбрасываться свѣтъ.

Итакъ, *добро* и *зло* по существу *относительно*. Не существуетъ ничего абсолютно добраго и ничего абсолютно злого, ибо идея абсолютнаго исключаетъ *всякій* предикатъ. Выраженіе „абсолютное добро“, или „абсолютное зло“ имѣетъ не болѣе смысла чѣмъ „абсолютное движеніе“, или „абсолютная теплота“. Въ абсолютномъ добро и зло, какъ и все остальное, составляетъ *одно*.

Что добро и зло относительны, т. е. существуютъ только въ отношеніяхъ предметовъ между собой, это, говоритъ теософія, очевидно. Возьмемъ одну изъ формъ зла—боль. Что

такое боль? Какъ и все въ мірѣ, тѣло человѣка есть сумма вибрацій, все въ немъ въ движеніи. Но само по себѣ оно не заключаетъ въ себѣ ни боли, ни удовольствія. Совсѣмъ другое дѣло, когда оно становится въ соотношеніе, соприкасается съ другимъ вибрирующимъ тѣломъ, если оно способно гармонически выбрировать на это соприкосновеніе, на этотъ толчекъ, человѣкъ чувствуетъ удовольствіе: если нѣтъ, то—боль. Такимъ образомъ, боль есть лишь ощущаемый субъектомъ результатъ соприкосновенія двухъ предметовъ, безвредныхъ въ отдѣльности, и лишь дисгармоничныхъ въ совокупности, Это то-же, что диссонансъ въ музыкѣ, тьма—въ оптикѣ. Она есть слѣдствіе несовершенства предметовъ.

Но то, что составляетъ удовольствіе для одного, можетъ быть истиннымъ страданіемъ для другого. Болѣе того, то, что считается добромъ въ одно время и у одного народа, то-же самое является зломъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Были дикари у которыхъ считалось религіознымъ подвигомъ съ умершимъ мужемъ хоронитъ его любимую, живую жену. Для насъ—это страшное варварство. Людоѣдъ ѣсть съ покойною совѣстію человѣка, а вегетеріанецъ содрогается при видѣ мяса животнаго... Краснокожій индеецъ измѣряетъ величіе человѣка количествомъ скальповъ на его поясѣ, а христіанинъ временъ гоненій—смирненнымъ пожертвованіемъ своей жизни. У однихъ мечь—порокъ, у другихъ—добродѣтель и т. д., т. е. зло бываетъ добромъ и добро—зломъ, въ зависимости не отъ существа дѣла, а отъ той или иной степени нравственнаго совершенства. И это вполне понятно. Добро есть то, что содѣйствуетъ эволюціи, и зло—то, что задерживаетъ ее. Твердый гранитъ требуетъ стали для своей обработки, а тонкій мыльный пузырь лопается даже отъ дуновенія. Топоръ—добро, когда имъ рубятъ дрова, но онъ будетъ зломъ, если имъ брить бороду. Въ величественномъ возвращеніи вселенной (эволюція) къ первоначальному единству царитъ та-же постепенность, что и въ торжественномъ шествіи ея по пути дифференціаціи (инволюція). Только въ первомъ процессѣ добромъ является то, что ведетъ къ единству, зломъ-же, что препятствуетъ атому единству; въ послѣднемъ-же наоборотъ; но въ томъ и другомъ случаѣ, добро есть всегда то, что соотвѣтствуетъ

волю Бога, а зло то, что по природѣ не отвѣчаетъ ей и является лишь необходимымъ условіемъ ограниченія.

А если зло въ одномъ отношеніи является добромъ въ другомъ, то уже теряетъ свой смыслъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ зло можетъ быть проявленіемъ Абсолютнаго. Зла нѣтъ, какъ нѣтъ и добра, а есть только безконечно разнообразныя отношенія, *всѣ благія* съ точки зрѣнія высшаго проявляющагося Разума и лишь для близорукости людской представляющіяся то добрыми, то злыми. Основной законъ жизни, законъ развитія состоитъ въ томъ, чтобы преодолѣвать препятствія. Вы имѣете мускулы и желаете развить ихъ. Для этого нѣтъ другого пути, кромѣ упражненія. Вамъ нужны гири, массивная палка или вообще что-либо тяжелое, чтобы вращать имъ, двигать, поднимать; словомъ, силою мускуловъ преодолѣвать тяжесть этихъ предметовъ. Вы поднимаете тяжесть съ земли, а она васъ тянетъ къ землѣ, и вотъ, слѣдствіемъ столкновенія двухъ силъ является развитіе мускульной энергіи. Что-же, скажемъ-ли, что тяжесть—зло для мускуловъ, потому что она не пріятна?

Никкимъ образомъ, ибо борьба съ нею даетъ жизнь и крѣпость мускуламъ, вливаетъ въ нихъ новую силу и новую жизнь.

Въ этомъ состоитъ польза, такъ называемаго, зла. Жизнь находящаяся въ насъ не можетъ проявить высшихъ своихъ свойствъ, пока мы не будемъ окружены условіями, при которыхъ для нея путемъ борьбы съ сопротивленіемъ, станетъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе. Зло выполняетъ роль тяжести, преодолѣваемой напряженіемъ мускуловъ и, подобно тому, какъ борьба съ сопротивленіемъ виѣшней тяжести развиваетъ виѣшній организмъ, борьба со зломъ—противовѣсомъ добродѣтели—развиваетъ моральный характеръ. Каждая добродѣтель имѣетъ соотвѣтственно противоположное ей дурное качество. Правдивость и лживость, храбрость и трусость, состраданіе и ненависть, смиреніе и гордость—все это пары противоположностей. Кто хочетъ быть правдивымъ, тотъ долженъ бороться съ лживостію; кто ищетъ смиренія, тотъ побѣди въ себѣ гордость, иного пути быть, не можетъ. Вотъ въ чемъ смыслъ зла! Оно дѣйствуетъ, какъ противовѣсъ стремленію къ совершенству и этимъ раз-

виваетъ силу, искореняющую въ человѣкѣ желаніе обладать временнымъ, тѣмъ, что обречено на разрушеніе. Не будь зла, не было-бы и силы необходимой для эволюціи совершенства. Присутствіе зла во вселенной даетъ добру возможность расти, а совершенству возможность побѣждать.

И самая способность хотѣнія, выбора есть не что иное, какъ результатъ различенія добра и зла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы могли-бы познать истину, если-бы не представляли ее себѣ, какъ нѣчто отличное отъ не истиннаго? И какъ поняли-бы ея значеніе, цѣнность, если-бы по опыту не знали разрушительныхъ послѣдствій зла для жизни? Такимъ образомъ, и захотѣть добра можно лишь послѣ опытнаго знакомства со зломъ.

Зло является добромъ и въ томъ смыслѣ, говоритъ теософія, что оно служитъ бичемъ, заставляющимъ насъ стремиться къ добру. Какъ дисгармонія, зло само въ себѣ несетъ наказаніе себѣ, не какъ произвольную кару, а какъ естественную необходимость, ибо вызываемое зломъ страданіе есть не что иное, какъ давленіе на насъ силы закона, когда мы идемъ противъ его теченія. Какъ приставленный къ намъ учитель, зло указываетъ намъ нашъ путь, когда мы по легкомыслію съ него сворачиваемъ. Не порицать, поэтому, мы его должны, а привѣтствовать, не отвергать, его, а при помощи его учиться. Все, что кажется зломъ для формы, является добромъ для жизни; все совершающееся совершается къ лучшему.

Что касается до такъ называемыхъ, невинныхъ страданій, то, говоритъ теософія, онѣ намъ только кажутся такими. Кто вспомнить, что мы живемъ не со дня только рожденія, а много разъ рождались, жили и умирали, тотъ не можетъ не допустить, что кромѣ грѣховъ, какъ сознательныхъ фактовъ послѣдней нашей жизни, у насъ должны быть грѣховныя склонности, какъ результатъ нашихъ прежнихъ уклоненій отъ исполненія воли Единого. Безумно было-бы утверждать, что страданія могутъ быть случайными!

Нѣтъ ничего случайнаго и быть не можетъ! Все, что представляетъ собою человѣкъ въ настоящемъ, все, что онъ имѣетъ, все, что человѣкъ представитъ изъ себя въ будущемъ или что онъ будетъ имѣть, все это только послѣд-

ствія того, что онъ дѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать. Наше настоящее всегда—плодъ нашего прошлаго. Мы сами творимъ свою судьбу и жизнь наша развертывается на ткани, сотканной нашими собственными руками.

Человѣкъ, какъ лучъ Единого Солнца, свободенъ потенциально, учитъ теософія, но реально степень этой свободы можетъ быть безконечно разнообразна. Существуетъ абсолютная свобода, но только для того, кто *позналъ Истину* (или живетъ сознательно по закону); существуетъ относительная свобода для того, кто развилъ свою волю до известной степени и, наконецъ, существуетъ неизбежная судьба, которая связываетъ всѣхъ тѣхъ, кто не проявляетъ своей воли.

Освобождаетъ человѣка Истина, т. е. Богъ, какъ объ этомъ и сказалъ Христосъ: „познайте Истину и Истина освободитъ васъ“; освобождаетъ путемъ единенія съ собою, когда человѣкъ осуществляетъ это соединеніе *въ себѣ*, становясь единымъ съ источникомъ своего бытія, по сказанному: „Отецъ мой и Я—Мы едины“.

Путь освобожденія указываетъ человѣку мудрость, не мудрость ума, ибо всѣ человѣческія знанія, которыя исходятъ изъ однихъ только умственныхъ усилій, тщетны, а мудрость всего существа, которая раскрываетъ въ человѣкѣ ощущеніе и сознаніе своего божественнаго происхожденія и рождаетъ стремленіе къ единенію съ Богомъ.

Эта мудрость говоритъ человѣку, что главное его несчастіе *въ обособленіи*, въ утвержденіи правъ своей личности; въ томъ, что онъ считаетъ себя за „я“, путемъ *желаній* приковывая себя къ міру тѣней и забывая о своемъ дѣйствительномъ отечествѣ.

Эта мудрость скажетъ ему: желать можно только то, что отличается отъ меня, что внѣ моей сущности, но если я познаю, что объекты моего сознанія во мнѣ, что *во мнѣ* сущность всѣхъ вещей, то уже и желать мнѣ нечего.

Она, эта мудрость, осудитъ въ немъ эгоизмъ и научитъ безкорыстію, отвергнетъ зависть, гордость, ревность, ненависть, изгонитъ гнѣвъ, честолюбіе, какъ плоды *невѣдѣнія*, невѣжества, постепенно *расширяя его сознаніе* и черезъ то способствуя его духовному росту и онъ *силою вещей* поднимется въ высшую сферу. Такъ рыба, измѣняя свой

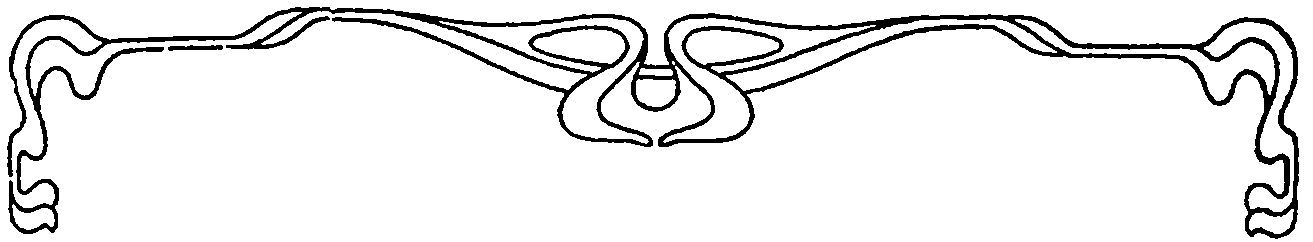
воздухоносный пузырь соответственно глубинѣ, въ которую стремится, роковымъ образомъ, *силою вещей* уносится въ эту новую глубину!

Только чистые сердцемъ могутъ узрѣть Бога, только добродѣтель открываетъ свѣтъ знанія! И если кто-либо, говоритъ теософъ, предложитъ вамъ пріобрѣсти истинное знаніе раньше добродѣтели и обѣщаетъ вамъ могущество раньше, чѣмъ вы достигнете совершенства, будьте увѣрены, что онъ или обманываетъ васъ, или что предъ вами—полнѣйшій невѣжда.

Свящ. Иоаннъ Дмитревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Натуралистическій монизмъ Геккеля.

Критическое изслѣдованіе степени научной состоятельности враждебной христіанству монистической философіи.

(Продолженіе) *).

II. Три религіозныхъ идеала.

Истина, добро и красота—вотъ троица монистической религіи, служеніе которой въ состояніи дать удовлетвореніе человѣку, такъ какъ эти три идеала исчерпываютъ все содержаніе высшихъ потребностей человѣческаго духа. Новая религія, которую предлагаетъ человѣчеству Геккель, должна замѣнить собою доселѣ существовавшія религіозныя формы, должна примирить науку и религію. Разсмотримъ каждый изъ этихъ идеаловъ.

1. Идеаль истины.

Истины въ умѣ человѣка возникаютъ вслѣдствіе воздѣйствія внѣшней природы на органы его чувствъ, благодаря чему человѣкъ испытываетъ тѣ или другія ощущенія, изъ которыхъ потомъ вырабатываются представленія, понятія и т. д. Вотъ единственный источникъ истины. Истина въ природѣ, а не внѣ ея. Наблюденіе и рефлексія единственные пути къ познанію природы и дѣйствующихъ въ ней законовъ.

Но добываемая такимъ путемъ истина становится религіей человѣка, ибо она указываетъ его положеніе въ природѣ, задачи и цѣли, къ которымъ онъ долженъ и можетъ стремиться, словомъ, даетъ человѣку жизненное содержаніе.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 8 за 1911 годъ.

Поэтому-то она дѣйствуетъ на человѣка, какъ сила властная, какъ нѣчто принудительное, обязывающее къ принятию. „Научное изслѣдованіе, говоритъ Геккель вмѣстѣ съ Брентано, знаетъ только одну цѣль—познаніе истины. Нѣтъ алтаря болѣе священнаго, чѣмъ алтарь истины. Во все должно проникать: ничто не должно задерживать и останавливать ея испытывающаго анализа, будь то любовь, благоговѣніе, религія, интересы партіи, чувство лояльности и т. п. Нисколько не задумываясь, изслѣдователь долженъ высказывать всѣ получаемые имъ результаты изслѣдованій, не принимая въ соображеніе такихъ мотивовъ, какъ выгода, или матеріальный ущербъ, зависть, или расположеніе другихъ, порицаніе, или похвала и т. п.“¹⁾

Такимъ образомъ, истина есть знаніе, наука; она вмѣстѣ съ тѣмъ то же, что познавательная дѣятельность. Истина есть важнѣйшій идеаль религіи, предметъ особой заботливости и вниманія.

Припомнимъ, однако же, тѣ выводы, къ которымъ мы пришли при разборѣ монистической теоріи познанія. Мы видѣли тамъ, что познаніе есть результатъ дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ и сѣраго вещества мозга; оно, стало быть, обусловлено опредѣленной организаціей познающаго. Будь эта организація иная, результаты познанія были бы, вѣроятно, также другіе: быть можетъ, при извѣстной организаціи мы обоняли бы звуки, а не слышали ихъ, а цвѣтовъ не видѣли бы, а слышали ихъ и т. п. Итакъ, истина—вещь *условная, относительная*. Затѣмъ, она не есть нѣчто разъ на всегда данное, а есть непрестанное *становленіе, развитіе*; она такой же переходящей феноменъ, какъ и самъ человѣкъ. То, что сегодня считается за несомнѣнную истину, завтра можетъ стать заблужденіемъ, и наоборотъ.

Если это такъ, то какимъ образомъ истина можетъ стать идеаломъ человѣка, требующимъ посвященія себя всѣхъ силъ человѣка? Какимъ образомъ онъ настолько подчиняетъ себя человѣка, что тотъ въ погонѣ за нимъ забываетъ всѣ свои самые существенные интересы, готовъ бывать ради него жертвовать матеріальными выгодами, здоровьемъ, терпѣвать всевозможныя лишенія, готовъ даже жертвовать

¹⁾ Welträts., s. 337.

жизнію? Какъ это было бы возможно, если бы истина была именно только феноменомъ, чѣмъ-то субъективнымъ, а не самостоятельной цѣнностію, возвышающейя надъ всѣми человѣческими условностями, не была бы замкнутымъ въ себѣ единствомъ, котораго значимость зависитъ не отъ воспринимающаго человѣка, а напротивъ, человѣкъ, воспринимающій его, чрезъ это самое возвышается, пріобрѣтаетъ духовное содержаніе и цѣнность? Только въ томъ случаѣ, если истина есть нѣчто объективное, есть сущее, а не феноменъ, она можетъ быть идеаломъ, можетъ быть предметомъ стремленія человѣка. А такую истина можетъ быть только во вѣвременномъ и вѣпространственномъ духѣ, въ актѣ его духовной дѣятельности. Такимъ образомъ, идеаль истины съ силой неизбежности выводитъ насъ изъ круга монистическихъ идей, гдѣ для него собственно нѣтъ мѣста, и ведетъ въ область истинной религіи, которая идеаль истины видитъ въ вѣчномъ и совершеннѣйшемъ духовномъ Существовѣ—Богѣ. Только въ этомъ случаѣ идеаль истины становится чисто религіознымъ идеаломъ. Только въ этомъ случаѣ онъ дѣлается прочнымъ базисомъ науки и культуры. Только если существуетъ самостоятельная жизнь духа, возможна наука, возможна жизнь человѣческаго духа; только если истина есть объективная реальность, возможна культура. Когда истина не есть переходящій моментъ въ ряду прочихъ такихъ же моментовъ монистической міроосновы, а есть самодавлѣющая, полная и совершенная жизнь; когда истина не есть переходящее явленіе, а есть нѣчто пребывающее въ вѣчной и сознательной дѣятельности мысли и воли: тогда для ищущаго разума человѣка есть истина въ собственномъ смыслѣ, для стремящагося духа есть идеаль, достаточный для насыщенія его жаждущей души. Нѣтъ мысли безъ мыслящаго. Нѣтъ истины, вѣчной, пребывающей истины безъ вѣчнаго Духа, котораго мысль и воля имѣютъ эту истину своимъ содержаніемъ.

2. Идеаль добра.

Философское ученіе Канта, въ которомъ теоретическій разумъ противоплагается практическому, вноситъ въ жизнь человѣка нежелательный, съ монистической точки зрѣнія, дуализмъ. Область теоретическаго разума—познаніе чувствен-

ное, даваемое въ опытѣ, и обработка его по категоріямъ разума: категоріямъ причинности, модальности, субстанціональности и т. д. Область разума практическаго—Богъ, свобода, безсмертіе души—вопросы, стоящіе внѣ всякой связи и зависимости съ первой областью, составляющіе въ то же время необходимыя предпосылки нравственности. Отсюда видно, что понятіе о нравственномъ у Канта совершенно не зависигь отъ нашихъ понятій теоретическихъ; Кантовскій категорическій императивъ ставигь нравственную жизнь внѣ всякой зависимости отъ науки и міросозерцанія.

Такой дуализмъ науки и нравственности, по мнѣнію натуралистическаго монизма, есть явленіе ненормальное. Наше поведеніе, наша нравственная жизнь должна стоять въ полной гармоніи съ нашимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ. Не можетъ и не должно быть никакого дуализма между наукой и культурой, съ одной стороны, и этикой съ другой стороны. Человѣкъ представляетъ собою частичку космоса и подлежитъ тѣмъ же желѣзнымъ законамъ, какіе являются дѣйствительными въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ. Этическія воззрѣнія человѣка, какъ и его теоретическія представленія и понятія, а равно всѣ вообще явленія жизни—суть модусы, въ которыхъ являетъ себя міровая субстанція.

Какъ же натуралистическій монизмъ объясняетъ происхожденіе нравственныхъ понятій?

Основной законъ природы, основное стремленіе всякаго индивидуальнаго бытія, въ томъ числѣ и человѣка, есть стремленіе къ самосохраненію. Отсюда забота живого существа о питаніи, о защитѣ отъ враговъ, отъ вредныхъ вліяній окружающей природы и т. д. Первобытный дикарь, вѣроятно, велъ въ началѣ изолированную жизнь, укрываясь гдѣ-нибудь въ пещерѣ, или дуплѣ большого дерева, питаясь кореньями, а также животными, которыхъ онъ въ состояніи былъ изловить и убить, имѣя въ своихъ рукахъ для этого примитивныя приспособленія для охоты, какія могъ изобрѣсти его малоразвитой умъ. При такихъ условіяхъ человѣку выгодно было быть именно одинокимъ, такъ какъ нахожденіе въ одномъ и томъ же мѣстѣ другихъ такихъ же людей уменьшало его собственные шансы на достаточную добычу продовольствія. Такая изолированная жизнь, разу-

имѣется, могла питать въ немъ только эгоистическія чувствованія. Но затѣмъ, когда человѣкъ научился добывать себѣ пищу, обрабатывая для этого землю, тогда гораздо выгоднѣе стало вести жизнь обществами, родами, семьями, такъ какъ сообща стало выгоднѣе работать, чѣмъ порознь. Ведя общественную жизнь, человѣкъ долженъ былъ поступаться собственными, личными интересами въ пользу другихъ, въ пользу семьи, корпораціи, общества. Отсюда ведетъ свое начало альтруизмъ—въ собственномъ смыслѣ нравственное начало поведенія. Какъ эгоизмъ, такъ и альтруизмъ вполнѣ естественныя и закономѣрныя явленія. Фундаментальный принципъ монистической этики—возстановленіе равновѣсія между эгоизмомъ и альтруизмомъ, между личнымъ и общественнымъ интересомъ. „Дѣлай другимъ то, чего ты желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали“—вотъ основное требованіе монистической морали.

Этика натуралистическаго монизма систематически обработана Спенсеромъ. Конечная цѣль дѣятельности и воли человѣка есть самосохраненіе. Поведеніе въ широкомъ смыслѣ есть приспособленіе къ цѣли. Поведеніе, достигающее цѣли, способствующее самосохраненію и сохраненію жизни другихъ, мы считаемъ хорошимъ; поведеніе, обладающее тенденціей сокращать жизнь, мы называемъ дурнымъ. Такъ, напр., мы называемъ хорошимъ поведеніе родителей, если оно способствуетъ продолженію рода чрезъ выращиваніе дѣтей, и наоборотъ. А особенно хорошимъ мы называемъ поведеніе, которое не только имѣетъ тенденцію возводить на возможно высокую ступень совершенства собственную жизнь и жизнь своихъ потомковъ, но и въ то-же время не препятствуетъ подобному же совершенствованію жизни ближнихъ и даже активно способствуетъ этому. Хорошее поведеніе становится наилучшимъ, если оно одновременно имѣетъ слѣдствіемъ высшую цѣльность и содержательность жизни самого себя, потомковъ и ближнихъ.

Основныя моральныя начала—долгъ, совѣсть, чувство виновности и отвѣтственности—Спенсеръ объясняетъ вполнѣ естественными причинами; эти начала—результатъ опыта, унаслѣдованнаго отъ цѣлаго рода. Въ понятіяхъ „хорошій“ и „дурной“ сказывается, по его мнѣнію, незабываемый опытъ не отдѣльныхъ индивидуумовъ, а всего человѣчества отно-

сительно полезнаго—цѣлесообразнаго и вреднаго—нецѣлесообразнаго. „Совѣсть—не иное что, какъ организованный опытъ. Свѣдѣнія о полезномъ—цѣлесообразномъ, организованныя и упроченныя всѣмъ прежнимъ опытомъ человѣческихъ расъ, произвели соответствующія измѣненія въ нервной системѣ, которая въ силу постояннаго наслѣдованія и накопленія создали предрасположеніе къ извѣстнымъ нравственнымъ воззрѣніямъ и породили особыя чувствованія, соответствующія хорошимъ и дурнымъ поступкамъ; но измѣненія эти не имѣютъ, повидимому, основанія въ индивидуальномъ опытѣ о полезномъ“.

По поводу изложенной теоріи происхожденія нравственныхъ понятій замѣтимъ прежде всего, что необходимой предпосылкой нравственнаго дѣянія является сознаніе свободы, сознаніе того, что поступокъ не вынужденъ какими-либо внѣшними, посторонними человѣку силами, а именно есть актъ произвольный. Безъ этого основнаго условія поступокъ человѣка не можетъ трактоваться, какъ нравственный, или безнравственный. Когда на поведеніе человѣка оказываетъ вліяніе какой-либо внѣшній мотивъ, то этотъ внѣшній мотивъ первоначально вавѣшивается и оцѣнивается самимъ человѣкомъ и тогда уже становится причиной такого или иного поступка. При этомъ человѣкъ сознаетъ, что, дѣйствуя извѣстнымъ образомъ въ согласіи съ внѣшнимъ мотивомъ, онъ дѣйствуетъ не несвободно: онъ могъ бы дѣйствовать совершенно иначе наперекоръ внѣшнему мотиву. Встрѣча съ непріятнымъ человѣкомъ могла побудить меня перейти на другую сторону улицы, однако, я въ то же время буду сознавать, что могъ бы дѣйствовать и иначе. Такимъ образомъ, въ основѣ нравственнаго поведенія лежитъ не законъ причинности, понимаемый въ моническомъ смыслѣ, а законъ причинности внутренней, законъ свободы. Черезъ это самое понятіе о нравственномъ уже выступаетъ изъ круга монистическаго міровоззрѣнія, которое знаетъ лишь причинную зависимость и не признаетъ свободы человѣческой воли.

Понятіе добра выходитъ за предѣлы Спенсеровскаго „приспособленія къ цѣли“. Если поступокъ ведетъ къ достиженію цѣли, то онъ хорошъ; въ противномъ случаѣ онъ дуренъ. Это совершенно несправедливо. Я вижу утопающаго

и, не смотря на грозящую мнѣ опасность, бросаюсь въ холодную воду, чтобы спасти несчастнаго. Попытка моя кончилась неудачей: утопающій пошелъ ко дну раньше, чѣмъ я успѣлъ къ нему приблизиться, и я самъ схватилъ серьезную простуду. Цѣль, такимъ образомъ, не достигнута. Что же, мой поступокъ слѣдуетъ поэтому отнести въ разрядъ безнравственныхъ дѣйствій? Едва ли кто-нибудь станетъ это утверждать. Не достигнутый результатъ опредѣляетъ нравственное достоинство поступка, а то намѣреніе, какимъ руководился человѣкъ, при его совершеніи. Именно тѣ поступки, которые, наяснѣйшимъ образомъ подлежатъ нравственной оцѣнкѣ, въ силу того, что они встрѣчаются очень рѣдко, исключаютъ всякую возможность быть признанными за результатъ привычки, или какого-нибудь эгоистическаго побужденія. Дѣйствія привычныя поэтому и не подлежатъ нравственной оцѣнкѣ.

Гдѣ же искать источника нравственной идеи, идеи о нравственномъ и безнравственномъ?

Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы прежде всего должны сказать, что такимъ источникомъ не можетъ быть ни внѣшній міръ, природа, въ которой царствуютъ законы желѣзной необходимости, ни человѣкъ, который, съ монастической точки зрѣнія, есть вѣдь лишь осколокъ этой природы. Впечатлѣнія, идущія отъ внѣшняго міра, могутъ вызывать въ человѣкѣ идею пріятнаго и непріятнаго. Но нравственный законъ требуетъ отъ насъ иногда именно того, чтобы мы отказались отъ пріятнаго, отреклись отъ собственного удовольствія, какъ бы тяжело и мучительно это ни было для насъ; и если мы этого требованія не исполняемъ, если, подчиняясь требованію чувственности, не исполняемъ нравственнаго долга, то нравственное сознаніе рѣшительно осуждаетъ насъ за это. По какому праву? Очевидно, право это заимствовано не изъ природы, ибо нравственное осужденіе относится къ поступкамъ, совершеннымъ нами въ согласіи съ требованіями природы. Не можетъ же природа противорѣчить себѣ самой: ставить требованіе и осуждать за его исполненіе.

Другое, что не позволяетъ намъ считать источникомъ нравственной идеи внѣшнюю природу и человѣка—это всеобщность и безусловность нравственнаго закона. Никакіе

другіе законы не всеобщі и не безусловны. Такъ, напр., правила и законы архитектуры, безъ сомнѣнія, могутъ подвергнуться измѣненіямъ, если бы пришлось примѣнять ихъ не на землѣ, а на какой-либо другой планетѣ: даже на землѣ правила эти не абсолютны: стиль постройки, вполне годный для жителей Исландіи, едва ли годился бы для жителей тропиковъ. Правила реторики, пригодныя при условіяхъ извѣстной степени культуры, могутъ оказаться неудовлетворительными, если ими приходится пользоваться, имѣя дѣло съ людьми другой культуры: рѣчь оратора, способная вызвать энтузіазмъ восточнаго народа, можетъ возбудить смѣхъ европейца и т. д. Затѣмъ, и правила архитектуры, живописи, реторики и проч. обязательны лишь для тѣхъ, кто желаетъ строить дома, рисовать, красиво говорить и т. д., т. е., ихъ обязательность условная, а не безусловная. Иное дѣло требованія нравственныя. Нравственный законъ общеобязателенъ. Если бы какое-либо существо явилось къ намъ изъ другой планеты, существо, о которомъ мы не знали бы, что ему покажется горькимъ или кислымъ, холоднымъ, или теплымъ, какъ оно воспринимало бы звукъ, цвѣтъ, запахъ и т. п., то и о такомъ существѣ мы могли бы сказать, что оно не должно, хотя и могло бы ни легкомысленно разрушать чужую жизнь, чужое счастье, ни быть безчестнымъ, лживымъ и т. п. Нравственный законъ повелѣваетъ безусловно. Если бы добродѣтель постоянно была соединена съ несчастьемъ и страданіемъ, а порокъ такъ же неразрывно былъ соединенъ съ благополучіемъ и счастьемъ, то и это не оправдывало бы уклоненія отъ нравственныхъ требованій, хотя разумѣется, такія уклоненія всегда возможны въ дѣйствительности. Такая всеобщность и безусловность нравственнаго закона рѣшительно не позволяетъ видѣть его источникъ во внѣшней природѣ, въ условіяхъ жизни человѣка. Эти природныя условія крайне измѣнчивы и непостоянны: одни условія жизни на холодномъ сѣверѣ, другія на жаркомъ югѣ, при однихъ условіяхъ жилъ человѣкъ въ доисторическія времена, при совершенно другихъ условіяхъ живетъ современный европеецъ. Если бы понятія о добромъ и зломъ, нравственномъ и безнравственномъ складывались подъ вліяніемъ различныхъ климатическихъ, географическихъ, историческихъ условій жизни че-

ловѣка, то необходимо было бы ожидать крайняго разнообразія нравственнаго сознанія. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ самая сущность нравственнаго закона всегда и вездѣ остается одинаковой: всегда человѣкъ нравственное цѣнитъ именно, какъ нравственное, не смѣшивая нравственнаго съ пріятнымъ и полезнымъ, а безнравственнаго съ непріятнымъ и вреднымъ. Если бы нравственный законъ былъ продуктомъ естественной природы человѣка, то при разнообразіи и измѣнчивости этой природы человѣкъ считалъ бы законнымъ и нравственнымъ то, къ чему располагаетъ его индивидуальная, физическая организація. Человѣкъ, на примѣръ, чувственный по природѣ считалъ бы удовлетвореніе своихъ чувственныхъ потребностей явленіемъ законнымъ и нормальнымъ.

Но допустимъ все-таки, что человѣкъ самъ создалъ для себя нравственный законъ и сдѣлалъ его обязательнымъ. Поставимъ теперь на ряду съ этимъ предположеніемъ слѣдующій фактъ. Нравственный идеалъ человѣка, по крайней мѣрѣ, лучшихъ представителей человѣчества, настолько высокъ и безграниченъ, что ни одинъ человѣкъ, какой бы высоты и нравственнаго совершенства онъ ни достигъ, никогда не скажетъ о себѣ, что онъ выполнилъ все, что онъ долженъ былъ выполнить, что идти выше по пути нравственнаго совершенства ему уже некуда. Спрашивается теперь: если самъ человѣкъ создавалъ для себя законъ, то ради чего онъ наложилъ на себя слишкомъ тяжкое и непосильное бремя? Ради чего самъ себѣ поставилъ такія высокія и широкія требованія, что выполнить ихъ рѣшительно не въ состояніи?

„Если такимъ образомъ, говоритъ Кудрявцевъ, нравственный законъ не можетъ произойти путемъ эмпирическимъ и быть результатомъ воздѣйствія на насъ окружающаго насъ физическаго міра; если онъ не можетъ быть ни закономъ нашей низшей, чувственной природы, ни автономнымъ закономъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ самой разумно-свободной природѣ человѣка, то очевидно, онъ можетъ быть только закономъ, даннымъ человѣку отъ высшаго существа, высшимъ природы и человѣческаго духа“¹⁾.

1) Собр. соч., т. 2-й, стр. 405

Но быть можетъ, вопросъ о происхожденіи нравственнаго закона—не существенный вопросъ: быть можетъ, безразлично, въ чемъ бы ни видѣть источникъ его, лишь бы человѣкъ повиновался требованіямъ нравственнаго долга? На этотъ вопросъ мы должны дать отвѣтъ отрицательный: нѣтъ, не безразлично такое или иное рѣшеніе вопроса объ источникѣ нравственнаго закона, не безразлично для нравственнаго поведенія. Нравственный законъ не можетъ быть дѣйствительнымъ, если онъ не внушаетъ чувства почтенія къ самому себѣ, а это чувство почтенія не можетъ стоять внѣ зависимости отъ вопроса о происхожденіи нравственнаго закона.

Основное стремленіе каждаго живого существа есть стремленіе къ самосохраненію, есть эгоизмъ. Безъ этого стремленія, безъ эгоизма была бы совершенно невозможной жизнь индивидуума. Слѣдовательно, эгоизмъ—благодѣтельное стремленіе, онъ—полезный факторъ въ борьбѣ за существованіе; стало быть, естественный отборъ долженъ былъ содѣйствовать укрѣпленію этого стремленія. Затѣмъ, какъ мы видѣли, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни первобытнаго дикаря, когда онъ перешелъ отъ одинокаго существованія къ семейной и общественной жизни, для человѣка стали полезными чувства альтруистическія. Этого было достаточно, чтобы естественный отборъ взялъ подъ свою защиту эти чувства, давая преимущество въ борьбѣ за существованіе тѣмъ индивидуумамъ, у которыхъ преобладали эти альтруистическія чувства. Первоначально естественный отборъ покровительствовалъ физической силѣ и ловкости, затѣмъ такимъ покровительствомъ сталъ также пользоваться умъ, хитрость, находчивость, наконецъ, еще болѣе выгоднымъ факторомъ въ борьбѣ за существованіе является чувство симпатіи, нравственное чувство и естественный отборъ содѣйствуетъ развитію человѣчества въ этомъ направленіи. Умный, но безсердечный человѣкъ имѣетъ менѣе шансовъ на окончательный успѣхъ и возможность оставить потомство, чѣмъ человѣкъ менѣе умный, но одаренный тѣми свойствами, съ помощью которыхъ пріобрѣтаются друзья, завоевывается преданность жены и вызываются счастливыя семейныя привязанности. Нравственный инстинктъ по существу ничѣмъ не отличается отъ другихъ инстинктовъ, ка-

ковы: половой, чувство голода, чувство боли и т. п. Всѣ они имѣютъ цѣлью самосохраненіе организма, а равно сохраненіе рода. Въ этомъ только ихъ смыслъ и значеніе. Поэтому только природа и позаботилась о томъ, чтобы привить эти инстинкты живымъ существамъ. Она привила муравью инстинктъ необыкновеннаго трудолюбія, паука научила выплетать искусныя сѣти и т. д. По отношенію къ человѣку, чтобы привить ему нравственный инстинктъ, природа должна была употребить довольно хитрыя и сложныя средства. Дѣло вѣдь въ томъ, что по большей части нравственные чувства, выгодныя для общества, для рода, оказываются невыгодными для индивида. Слѣдовательно, дѣйствіе естественнаго отбора этимъ самымъ не мало затрудняется. И вотъ природа прибѣгаетъ къ хитрости, чтобы альтруистическимъ чувствамъ дать перевѣсъ надъ противоположными—эгоистическими. Природа ставитъ альтруистическія чувства выше другихъ инстинктовъ, окружаетъ ихъ особымъ ореоломъ, особымъ блескомъ. Посмотрите, какъ въ груди юноши запикаетъ кровь при рассказѣ о какомъ-либо самоотверженномъ подвигѣ, о героической отвагѣ, самопожертвованіи! Посмотрите, какъ онъ возмущенъ, какъ искренне негодуетъ, когда видитъ низкій эгоизмъ, коварство, подлость! Все возвышенное, благородное приводитъ его въ восторгъ, зоветъ къ подражанію; наоборотъ, все низкое, пошлое, злое вызываетъ въ немъ ненависть, негодованіе, презрѣніе. Это свойство нравственно-высокихъ и благородныхъ поступковъ возбуждать восторгъ и преклоненіе—не больше, какъ хитрость, уловка природы: она надѣлила этимъ свойствомъ нравственные поступки потому, во-первыхъ, что альтруистическія чувства въ борьбѣ за существованіе выгодны для семьи, для рода, хотя не всегда для индивида; потому, во-вторыхъ, что человѣкъ является въ міръ съ богатымъ запасомъ эгоистическихъ свойствъ, которыя были для него необходимы на самой низкой, животной ступени развитія, и со скуднымъ запасомъ альтруистическихъ свойствъ; потому, наконецъ, что инымъ путемъ эгоистическія склонности не могутъ быть вытѣснены противоположными, появившимися позднѣе. Вотъ по какимъ причинамъ понадобилось окружить безкорыстныя альтруистическія добродѣтели тѣмъ бле-

скѣмъ, который прееущъ специфически нравственнымъ чувствамъ; и этого природа достигла при помощи естественнаго отбора. Мандевилль, авторъ извѣстной „Басни о пчелахъ“, уже въ началѣ XVIII в. утверждалъ, что понятія о благородствѣ, о честности и безчестности выдуманы хитроумными мудрецами со спеціальной цѣлью заставить простодушныхъ людей отказываться отъ своего личнаго благополучія въ пользу цѣлаго общества. Въ новѣйшее время мысль Мандевиля развита Фр. Ницше. По мнѣнію этого послѣдняго, „добродѣтели (прилежаніе, послушаніе, цѣломудріе, справедливость) большею частію вредны ихъ обладателямъ“. Кто обладаетъ добродѣтелью, тотъ ея жертва. Но добродѣтель, вредная для отдѣльнаго лица, полезна для общества. Вотъ почему добродѣтель превозносятся, хвалятъ. По мнѣнію Ренана, міръ, какъ цѣлое, имѣетъ какую-то таинственную божественную цѣль и, стремясь къ своей цѣли, эксплуатируетъ все частное, въ томъ числѣ и человекъ. Природа заставляетъ насъ служить своимъ собственнымъ цѣлямъ, но дѣлаетъ это такъ искусно, съ такимъ макиавелизмомъ, что мы не догадываемся о подчиненности своей роли; мы—игрушки въ рукахъ высшаго эгоизма, эгоизма природы. Такъ, напр., забота о своихъ собственныхъ личныхъ интересахъ, несомнѣнно, разумна, но, повинуюсь голосу природы, которой нужно самопожертвованіе индивидуумовъ, мы презираемъ эгоизмъ, стыдимся его.

Если это такъ, если таково происхожденіе нравственнаго чувства, если по существу оно ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ инстинктовъ, часто грубыхъ и изменныхъ, если только благодаря уловкѣ природы это чувство поставлено такъ высоко, то спрашивается, что же можетъ заставить насъ, послѣ того какъ мы, такъ сказать, прозрѣли и узнали родословную нравственнаго чувства, заставить смотрѣть на нравственныя чувства и дѣянія такъ, какъ смотрятъ тѣ простодушные люди, которые относительно низменнаго происхожденія этихъ чувствъ еще не освѣдомлены? Что заставить насъ благоговѣть предъ ними и исполнять требованія нравственнаго долга даже тогда, когда это не только не выгодно и не пріятно для насъ, а прямо губительно?

Развѣ не благоразумнѣе было бы тогда съ нашей стороны путемъ настойчивой борьбы искоренить въ себѣ ин-

стинкты, вложенные въ насъ природою не только не въ нашихъ интересахъ, а именно наперекоръ имъ? И если мы не дѣйствуемъ въ этомъ направленіи, то именно потому, что вѣримъ въ иное, высшее происхожденіе нравственнаго закона, вѣримъ, что источникъ его—верховный законодатель Богъ, который самъ есть высочайшее нравственное совершенство.

Можетъ ли, спрашиваетъ Энгертъ добро само въ себѣ (an sich) и истина сама въ себѣ стать для насъ реальною, если они прежде этого не суть реальности въ силу своей собственной внѣ-временной и внѣ-пространственной активности? Можетъ ли для насъ имѣть значеніе совершенство, которое бы стало нашимъ собственнымъ совершенствомъ чрезъ сознательную дѣятельность, въ которомъ мы сознавали бы себя обязанными участвовать, если это совершенство является только въ потокѣ быванія и мірового развитія въ теченіи безконечнаго періода времени?

То, что мы раньше сказали относительно идеала истины, то самое теперь относимъ къ идеалу добра. И тотъ и другой идеалъ выходятъ изъ круга монистическаго мировоззрѣнія. Добро само въ себѣ (an sich), какъ и истина, существуетъ въ вѣчной активности внѣ-временнаго и внѣ-пространственнаго Духа раньше, чѣмъ они восприняты въ сферу человѣческой активности; только въ такомъ случаѣ добродѣтель становится религіознымъ идеаломъ. Только тогда идеалъ добра можетъ удовлетворить нашу душу, ищущую совершенства, стремленіе и обладаніе которымъ въ состояніи успокоить нашу волю и сердце, когда идеалъ этотъ уже самъ въ себѣ есть такое совершенство чрезъ сознательную дѣятельность мысли и воли, какъ для насъ онъ становится совершенствомъ чрезъ наше сознательное усвоеніе его въ теченіе нашего временнаго существованія, чтобы и въ насъ обосновать внѣ-временную, пребывающую самость духовнаго порядка, при всей измѣнчивости нашего матеріальнаго субстрата“¹⁾).

3. Идеалъ красоты.

По представленію натуралистическаго монизма, красота есть лишь въ природѣ и настолько же изначальна, какъ и

¹⁾ Natur. Monismus S. 283.

сама природа. Она здѣсь обнаруживается, во-первыхъ, въ красотѣ формы и, во-вторыхъ, въ болѣе субъективномъ смыслѣ, въ красотѣ умственной рефлексіи.

Когда предъ нашимъ взоромъ разстилается пышный коверъ зеленаго луга, на которомъ пестрѣютъ и благоухаютъ мириады яркихъ, блестящихъ на солнцѣ цвѣтовъ, и стаи рѣзвыхъ птичекъ, купающихся въ тепломъ воздухѣ, оглашаютъ окрестность веселой, не смолкающей пѣсней, а вдали блеститъ серебристая струйка журчащаго ручья; тогда въ душѣ у насъ невольно возникаетъ свѣтлое, радостное чувство, вызванное прекраснымъ видомъ природы и называемое эстетическимъ чувствомъ, или чувствомъ красоты. Когда, слушая игру скрипача-артиста, мы съ замираніемъ сердца слѣдимъ за переливами звуковъ, въ которыхъ слышатся то бурные восторги дикой страсти, то жгучая боль, тоска, отчаяніе, то пробуждающаяся трепетная надежда; тогда опять мы испытываемъ чувство того же порядка, т. е., эстетическое. То же чувство вызывается у насъ созерцаніемъ художественно написанной картины, статуи, чтеніемъ поэтическаго произведенія и т. п.

Что же такое *прекрасное*?

Если мраморъ, изъ котораго сдѣлана художественная статуя, разбить на куски и сложить ихъ въ беспорядочную кучу, то эта куча не будетъ уже представлять собою ничего прекраснаго. Если взять всѣ слова, изъ которыхъ состоитъ стихотвореніе, поэма и проч., и написать ихъ, не придерживаясь какого-либо плана, а комбинируя ихъ какъ-нибудь, случайно, то такая случайная комбинація словъ также не составитъ художественнаго произведенія. То же нужно сказать о краскахъ, изъ которыхъ состоитъ картина, о звукахъ, изъ которыхъ составлена музыкальная пьеса и н т. д. Изъ этого слѣдуетъ, что не матерія сама по себѣ составляетъ прекрасное, а форма, благодаря которой матерія, такъ сказать, одухотворяется, выражаетъ ту или другую идею. Итакъ, сущность прекраснаго есть идея, выраженная въ той или иной чувственной формѣ. Идея молодости, здоровья, физической силы, стройности и гармонической соразмѣрности органовъ тѣла, воплощенная въ статую Аполлона, дѣлаетъ эту статую художественнымъ произведеніемъ: статуя прекрасна; идея мощныхъ порывовъ духа человѣче-

скаго къ горнему, къ небу, къ Богу, воплощенная въ художественной архитектурѣ храма, также прекрасна; точно также прекрасенъ видъ природы, если онъ гармонируетъ съ какой-либо нашей идеей, напр., идеей о силѣ и разнообразіи жизни природы, пробудившейся послѣ зимней спячки, или идеей о безконечномъ всемогуществѣ, благодати Творца и т. п.

Эстетическое чувство, по мнѣнію Геккеля, въ высшей степени благотворно дѣйствуетъ на душу человѣка. Оно вызываетъ въ его душѣ нѣкоторое особое впечатлѣніе глубокаго восхищенія и изумленія, когда человѣкъ видитъ предъ собою, напр., ночное небо, усѣянное мириадами звѣздъ, или же наблюдаетъ мириады живыхъ существъ въ водяной каплѣ; оно вызываетъ нѣчто похожее на благоговѣніе, когда человѣкъ наблюдаетъ удивительныя, прямо чудесныя проявленія энергіи въ движущихся частичкахъ матеріи; наконецъ, оно сопровождается нѣкоторымъ молитвеннымъ экстазомъ, когда мы наблюдаемъ всеобщность и непреложность закона субстанціи.

Идеаль красоты стоитъ въ строгомъ согласіи съ идеалами истины и добра и потому не нарушаетъ единства монистическаго міросозерцанія. Познаніе природы, открывая въ ней стройность и гармонію, ясность и простоту при кажущейся сложности и беспорядочности, этимъ самымъ питаетъ эстетическое чувство. Это послѣднее, въ свою очередь, какъ показываетъ опытъ, помогаетъ иногда проникнуть въ тайны природы: художники и поэты иногда предвосхищаютъ истину раньше ученыхъ. Съ другой стороны, эстетическое чувство служитъ также и цѣлямъ нравственнымъ. Оно въ высшей степени безкорыстно, чуждо всякаго эгоизма: наше эстетическое наслажденіе красивымъ видомъ природы отнюдь не уменьшается оттого, что вмѣстѣ съ нами этимъ видомъ любуется и еще кто-нибудь другой, кромѣ насъ; оно учитъ насъ скромности, когда мы съ изумленіемъ останавливаемся предъ богатствомъ и разнообразіемъ произведеній природы; оно воспитываетъ въ насъ великодушіе и благородство души, когда мы восхищаемся возвышенными и благородными движеніями человѣческаго сердца, наблюдая ихъ въ дѣйствительности, или въ художественномъ произведеніи.

Міръ, какъ безконечная красота, возвышаетъ и расши-

ряетъ взоръ человѣка, проясняетъ его, заставляетъ забывать все мелкое и пошлое. Каждушему сердцу человѣка онъ даетъ по истинѣ великое и благородное удовлетвореніе, его творческой фантазіи—по истинѣ величественные образы. Красота поэтому есть также существенный элементъ въ душевной жизни и дѣятельности; служеніе красотѣ есть именно богослуженіе и художникъ есть священнослужитель въ божьемъ храмѣ природы. Такъ красота—третьей изъ великихъ идеаловъ—входитъ въ сферу идей монистической религіи.

Итакъ, по представленію натуралистическаго монизма, красота тамъ, гдѣ природа; она повсюду разлита во всѣхъ произведеніяхъ природы, великихъ и малыхъ, благодѣтельныхъ и страшныхъ для человѣка. Вотъ почему древніе греки называли вселенную „κόσμος“, т. е., красота. Эд. ф. Гартманъ находитъ въ природѣ нѣкоторое безсознательное стремленіе, порывъ къ красотѣ, проникающій собою все цѣлое природы, всюду вынуждающій ее проявлять себя въ прекрасныхъ формахъ, какъ только среди данныхъ условій встрѣтится подходящій матеріалъ и высшая цѣль проявленія реальной силы жизни.

Однако, вотъ что заслуживаетъ вниманія. Всѣ тѣ явленія природы, въ которыхъ обнаруживается красота, суть результатъ механической причинности. Красота обуславливается этой механической причинностью, но сама не является звеномъ въ цѣпи этой причинности. Красота горной вершины, наводящая ужасъ картина бушующаго моря вовсе не являются причинами послѣдующихъ звеньевъ причиннаго ряда. Красота является какъ-бы безцѣльнымъ придаткомъ къ причиннымъ явленіямъ природы. Нравственныя чувствованія оказываются полезными для индивида, или же для вида и потому понятно, почему эти чувствованія взяты естественнымъ отборомъ, такъ сказать, подъ свое покровительство. Красота, какъ красота, такой роли не играетъ и потому естественному отбору до нея нѣтъ дѣла.

Красота природы есть нѣчто до того своеобразное, что она смѣется надъ всякой попыткой свести ее на одни механическіе процессы. Пусть, напр., намъ подробно опишутъ всѣ тѣ физическіе и физиологическіе процессы, которые совершаются въ нашемъ мозгу, когда мы глядимъ на пре-

красную картину; пусть опредѣлять и вычислять, какое количество эфирныхъ волнъ падаетъ въ секунду на стѣчатку нашего глаза отъ этой, другой, третьей краски; отъ всего этого анализа, будь онъ самый точный и подробный, красота картины не станетъ намъ понятной. Красота существуетъ на ряду и вмѣстѣ съ механической причинностію, но сама она не есть результатъ этой причинности. Фактъ этотъ настолько характеренъ, что Гартманъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ: „одна только красота природы достаточна для того, чтобы непосредственно засвидѣтельствовать намъ о той идеѣ, которая въ ней себя обнаруживаетъ, и чтобы навсегда избавить насъ отъ заблужденія, будто природу можно объяснить лишь мертвымъ механизмомъ“¹⁾.

Сама природа къ красотѣ совершенно равнодушна, нисколько въ ней не нуждается и съ такимъ же безсердечіемъ пожираетъ и истребляетъ прекрасныя свои созданія, какъ и безобразныя. Тѣмъ не менѣе красота возможна только въ природѣ. Будучи самостоятельной идеальной цѣнностію, будучи свободной богиней, дочерью неба, а не земли, какъ говорятъ поэты, красота въ то же время въ рабствѣ у природы, такъ какъ не можетъ иначе проявить себя, какъ только въ чувственныхъ образахъ, въ матеріальной формѣ.

Чѣмъ объяснить эту самостоятельность и свободу и въ то же время рабство красоты?

Сущность прекраснаго, какъ мы уже сказали, есть форма, въ которой воплощаетъ себя идея. Ее воспринимаетъ созерцающій глазъ и мыслящій духъ. Прекрасное родственно истинѣ и добру, ибо какъ то, такъ и другое и третье есть идея. То же самое, какъ мы видѣли, говоритъ Геккель. Если такъ, то о красотѣ мы должны сказать то же, что говорили объ истинѣ и добрѣ. Красота не существуетъ безъ мыслящаго духа, который только и можетъ воспринимать идею, воплотившуюся въ вещахъ. Тамъ, гдѣ есть идея, долженъ быть носитель этой идеи, который имѣетъ ее въ своемъ мыслящемъ духѣ прежде, чѣмъ воплотитъ ее во внѣшнихъ формахъ. „Мы должны вѣрить, говоритъ А. Д. Бальфуръ послѣ разбора натуралистическихъ теорій о происхожденіи идеи прекраснаго, что гдѣ-то и для кого-то сіяетъ неиз-

¹⁾ Darwinismus, S. 137.

мѣнный свѣтъ красоты, случайныя отраженія и мимолетныя лучи которой въ природѣ и искусствѣ каждый изъ насъ видитъ съ своей особой точки зрѣнія, которой различныя положенія мы не можемъ теперь координировать, которой значенія не можемъ вполнѣ понять, но которая, по крайней мѣрѣ, есть нѣчто иное, чѣмъ случайная игра субъективной чувствительности, или отдаленный отголосокъ атавистическихъ вождедѣній“¹⁾).

III. Неудовлетворительность монистической религiи.

„Монистическое изслѣдованіе природы, какъ познаніе истины, монистическая этика, какъ ученіе о добродѣтели, монистическая эстетика, какъ культъ красоты,—вотъ три главныхъ области нашего монизма, чрезъ гармоническое сочетаніе которыхъ мы достигаемъ счастливаго союза между вѣрою и знаніемъ“. Этими словами закончилъ Геккель свою Альтенбургскую рѣчь. „Истина, добро и красота—вотъ три божества, предъ которыми мы благоговѣнно преклоняемъ колѣна; въ ихъ единствѣ и взаимномъ восполненіи одного другимъ мы приобрѣтаемъ чистое понятіе о Богѣ,“²⁾. Этому тріединному божественному идеалу, этой тройцѣ монизма наступающее двадцатое столѣтіе будетъ воздвигать алтари“³⁾).

Приведенныя выдержки достаточны для того, чтобы показать, въ чемъ видитъ Геккель сущность религiи. Наука, этика и эстетика—вотъ въ чемъ эта сущность. Познаніе истины, осуществленіе добра, служеніе красотѣ—вотъ религiозный идеалъ монизма, достаточно широкій и возвышенный, чтобы удовлетворить и умъ, и волю, и сердце человѣка. Эта-то новая религiя монизма должна водвориться на развалинахъ отживающаго дуализма и своимъ культомъ истины, добра и красоты замѣнить антропоморфистическіе идеалы Бога, свободы и безсмертія.

Христіанство, по мнѣнію Геккеля, вмѣсто свободнаго познанія истины, требуетъ порабощенія ума авторитету, проповѣдуетъ суевѣрія, антропоморфистическую миѣологию, вѣру въ чудеса, извращаетъ понятіе о нравственности, относится

¹⁾ Основанія вѣры, переводъ В. Соловьева, стр. 54.

²⁾ Monismus, S. 35.

³⁾ Weltrats., S. 440, 464.

съ презрѣніемъ къ естественной красотѣ природы и ея созданій. Но въ то же время, какъ глубокій мыслитель, Геккель понимаетъ, что безъ идеала человѣкъ жить не можетъ, и потому на мѣсто отвергаемыхъ имъ христіанскихъ идеаловъ онъ ставитъ свои идеалы, свои качественныя цѣнности, нѣчто самоцѣнное, имѣющее цѣль въ себѣ самомъ, нѣчто такое, что для человѣка должно выступать, какъ обязательное, къ чему онъ долженъ стремиться, ради чего онъ всѣмъ, даже самымъ дорогимъ для себя, долженъ быть готовъ попожертвовать. Такими цѣнностями являются: истина, добро и красота.

Но спрашивается: эти идеальныя цѣнности, которыя должны быть предметомъ стремленія человѣка, эти качества, въ самихъ себѣ имѣющія цѣль, какъ они мирятся съ міровоззрѣніемъ, гдѣ все совершается по неизбѣжнымъ механическимъ законамъ, гдѣ отрицаются всякія *causae finales*, гдѣ само познаніе человѣка, его воля и стремленія суть механическіе процессы въ нервно-мозговомъ веществѣ? Человѣкъ, который нѣкогда смотрѣлъ на себя, какъ на центръ міроизданія, считалъ себя сыномъ боговъ, низведенъ теперь на степень случайнаго явленія природы на ряду съ прочими такими же явленіями. Въ теченіе ряда вѣковъ мелькаютъ, проходя одно за другимъ, поколѣнія человѣчества и исчезаютъ, какъ волны на поверхности океана. Пройдетъ еще рядъ вѣковъ, потухнетъ энергія солнца и земной шаръ опустѣетъ и перестанетъ носить на себѣ человѣческую расу, которая погибнетъ безслѣдно со всѣми своими, такъ называемыми „безсмертными“ дѣянiями. Быть можетъ, гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ мірового пространства зажжется новое солнце, вокругъ котораго забѣгаетъ новый земной шаръ, на которомъ повторится та же исторія, и такъ далѣе безъ конца.

При такомъ міровоззрѣніи можетъ ли быть рѣчь о какихъ-бы то ни было самодавлѣющихъ цѣнностяхъ? Какое значеніе могутъ имѣть истина, добро и красота, если онѣ лишь эфемерныя и случайныя явленія на лонѣ слѣпой, безсознательной міро-основы? Какое значеніе могутъ имѣть культура и гуманность, если само человѣчество, его многовѣковая жизнь на земномъ шарѣ есть лишь мимолетная вспышка, блескъ молніи, на секунду освѣтившей окружаю-

щую тьму, чтобы тотчасъ погаснуть и не нарушать мертваго покоя и тишины ночи?

Одно изъ двухъ: или наша душевная жизнь съ наукой и культурой, а равно со всѣми другими продуктами своей дѣятельности является звеномъ въ ряду другихъ механическихъ процессовъ, и тогда она не болѣе, какъ игра мозговыхъ атомовъ, не болѣе, какъ феноменъ, который не можетъ претендовать на какое-то особое значеніе—быть чѣмъ-то самоцѣльнымъ, быть цѣлью для себя самого. Или же жизнь нашего духа есть отраженіе выше насъ стоящей духовной сущности,—тогда истина, добро и красота, наука и культура получаютъ то особое значеніе, которое тщетно старается придать имъ натуралистическій монизмъ; тогда эти идеалы приобрѣтаютъ объективное содержаніе въ вѣчной дѣятельности внѣ-временнаго и внѣ-пространственнаго Духа.

То, къ чему стремится Геккель всѣми силами своей души, есть только истина, говоритъ Г. Шмидтъ о своемъ учителѣ. Будучи по природѣ глубокою натурою, Геккель большую часть своей жизни посвятилъ тому, чтобы очистить драгоцѣнное зерно религій: истину, добро и красоту и сдѣлать ихъ достойными предметами религіознаго почитанія. Геккель хочетъ обосновать религію на твердомъ базисѣ научныхъ данныхъ. Онъ врагъ всякой двойственности, всякихъ компромиссовъ: или религія есть истина,—и тогда она обязательна; или она—вымысль,—и тогда она должна пасть. Въ истинности своей религій Геккель глубоко убѣжденъ и считаетъ ее достаточной для того, чтобы удовлетворить всѣ высшія потребности человѣка и указать достойныя нашего стремленія цѣли.

Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ; то, что претендуетъ стать жизненнымъ содержаніемъ человѣка, должно быть непременно объективной истиной.

Но тутъ является вопросъ: имѣетъ ли право натуралистическій монизмъ говорить объ истинѣ въ собственномъ смыслѣ? Тамъ, гдѣ основа всякаго бытія есть законъ субстанции, или что то же, законъ развитія, который о себѣ самомъ ничего не знаетъ; гдѣ все есть только непрерывный потокъ, непрерывное становленіе, тамъ мы не можемъ найти той силы, которая могла бы въ результатъ длиннаго ряда смѣняющихся другъ друга процессовъ дать намъ жизнь въ

собственномъ смыслѣ, которая была бы истиной для нашего разума, совершенствомъ для нашей воли, которая бы насъ обязывала къ тому, чтобы мы сдѣлали ее своимъ жизненнымъ содержаніемъ. Только то, что сознаетъ себя и имѣетъ, какъ жизненное содержаніе, что не только есть истина и знаніе, но въ то же время носитель и источникъ истины, только то можетъ насъ обязывать стремиться къ нему.

Ни одна изъ языческихъ естественныхъ религій не обязывала своихъ послѣдователей къ какому-либо исповѣданію опредѣленныхъ религіозныхъ понятій: требовалась только вѣра, а во что,—объ этомъ никто не спрашивалъ. Римскій пантеонъ, какъ раньше вавилонскій, давалъ у себя мѣсто всякимъ богамъ и всѣ они были почитаемы. Но вотъ на сцену выступаетъ іудейство и, удивительно! Этотъ жалкій, ничтожный народецъ осмѣливается всѣхъ объявить идолопоклонниками и язычниками, а себя только истинно вѣрующими. Затѣмъ такую же смѣлость беретъ на себя христіанство, проповѣдуя вѣру въ Распятаго Бога, объявляя всѣхъ другихъ боговъ идолами, требуя, чтобы христіанская истина была принята, какъ единственная, обязательная для мысли и воли.

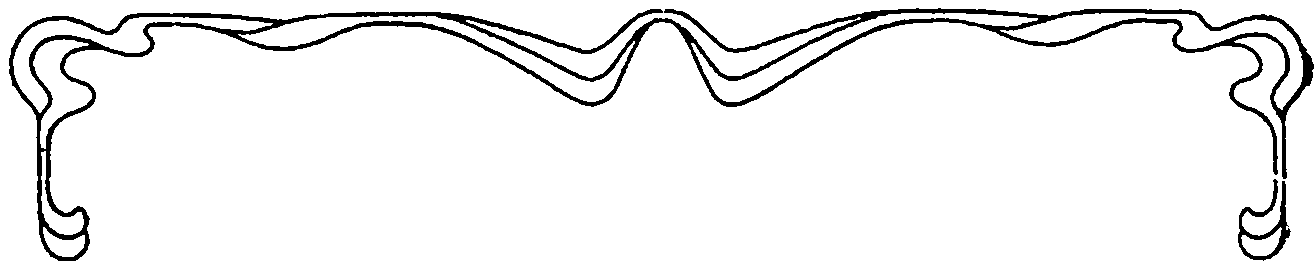
Такая же вѣра въ истину заставляетъ и Геккеля бороться за истину со всей пылкостью его души. Однако, его старанія и борьба рѣшительно безнадежны: онъ не можетъ доказать ни одной изъ тѣхъ истинъ, за которыя борется, потому что отбросивъ вѣру въ трансцендентальное, онъ этимъ самымъ перерѣзалъ свой жизненный нервъ.

Только въ томъ случаѣ, если истина есть нѣчто объективно существующее въ Богѣ, личномъ и совершеннѣйшемъ Существоѣ, только тогда она можетъ стать обязательно-принудительной для человѣка, тогда она въ состояніи удовлетворить его разумъ. Только абсолютно совершеннѣйшее Существо способно быть достаточнымъ идеаломъ для ума, сердца и воли человѣка.

Свящ. Николай Липскій.

(Продолженіе будетъ)

Замѣна въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ инспекціи институтомъ классныхъ воспитателей.

По имѣющемуся даннымъ, новымъ семинарскимъ и училищнымъ уставомъ предположено почти полное уничтоженіе существующаго нынѣ въ Семинаріяхъ и Училищахъ штата инспекціи, съ возложеніемъ воспитательныхъ функцій, а отчасти и внѣшняго надзора, на классныхъ воспитателей. Специально для внѣшняго надзора будетъ—какъ слышно—оставлено въ Семинаріяхъ и Училищахъ лишь по одному помощнику воспитателя¹⁾.

Очевидно, предполагается, что съ усиленіемъ чисто воспитательной стороны въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ устранится или почти устранится необходимость внѣшняго надзора. Предполагается, что если дѣйствія и поступки ученика проистекаютъ изъ его внутренняго настроенія, внутреннихъ побужденій и склонностей, то непосредственное воздѣйствіе на эти настроенія, побужденія и склонности измѣнить и характеръ внѣшнихъ дѣйствій ученика, устранить неформальности и направить поступки и дѣйствія ученика по правильному пути.

Неизвѣстно, какъ дѣйствительность оправдаетъ эти предположенія и надежды, но уже сейчасъ можно предвидѣть затрудненія, каковыя возникнутъ при осуществленіи на дѣлѣ проекта, объ измѣненіи воспитательскаго надзора въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Чтобы ослабить внѣшній надзоръ въ дух. Семинаріяхъ и Училищахъ, необходимо имѣть полную увѣренность, что

¹⁾ „Церковный Вѣстникъ“ 1911 г. № 8. „Дух.-школьное воспитаніе въ реформированной духовной школѣ“.

чисто воспитательныя мѣры непременно и на всѣхъ учениковъ окажутъ соотвѣтствующее воздѣйствіе, что не найдется или очень мало найдется такихъ учениковъ, которые лишь съ большимъ трудомъ поддаются или даже совсѣмъ не поддаются кроткимъ увѣщаніямъ и внушеніямъ и которые нуждаются въ мѣрахъ строгости и наказанія.

Однако, позволительно усумниться, чтобы въ каждомъ среднемъ или низшемъ учебномъ заведеніи не было или было очень мало такихъ учениковъ, которые—или по своей личной душевной организаціи, или вслѣдствіе запущеннаго домашняго воспитанія—не являлись бы крайне нечувствительными къ мѣрамъ чисто воспитательнаго характера, которые не готовы были бы при каждомъ удобномъ случаѣ обмануть своего воспитателя и совершить такіе поступки, кои соотвѣтствовали бы ихъ характеру и настроенію, но кой рѣзко шли бы вразрѣзъ съ задачами и цѣлями учебнаго заведенія, нарушали бы необходимую въ учебномъ заведеніи дисциплину.

Между тѣмъ, вредное вліяніе такихъ шаловливыхъ и испорченныхъ учениковъ на товарищей и другихъ учениковъ весьма велико: дѣти вообще отличаются способностью и стремленіемъ къ подражанію въ дѣйствіяхъ другихъ—будутъ ли то взрослые или сверстники. Особенно это слѣдуетъ сказать о воспитанникахъ духовныхъ училищъ, какъ еще маловозрастныхъ и легче поддающихся постороннимъ вліяніямъ. Сила дурнаго примѣра особенно велика и опасна—и безъ преувеличенія можно сказать, что достаточно трехъ—пяти испорченныхъ и недисциплинированныхъ дѣтей на классъ,—дѣтей, которые бы, при недостаткѣ внѣшняго надзора, могли свободно проявлять свои дурныя привычки и склонности, какъ они сведутъ почти къ нулю всѣ результаты воспитательныхъ мѣръ.

Итакъ, не отрицая вообще значенія воспитательнаго воздѣйствія въ школѣ и признавая всю цѣнность и желательность усиленія и увеличенія мѣръ воспитательнаго характера въ преобразованныхъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, въ то же время мы должны констатировать необходимость внѣшняго надзора въ той же мѣрѣ, въ какой эта необходимость чувствовалась понынѣ. Сокращеніе до minimum'a состава лицъ внѣшняго надзора (нынѣшней инспек-

ціи) можетъ грозить неблагопріятными послѣдствіями для будущей внѣшней и внутренней жизни духовныхъ школъ.

Возразятъ, что тѣ же классные воспитатели будутъ замѣнять собою нынѣ существующихъ членовъ инспекціи, что они распредѣлятъ между собою и обязанности внѣшняго надзора, такъ что недостатка во внѣшнемъ присмотрѣ за учениками во всякомъ случаѣ не будетъ.

Пусть—такъ, но вопросъ—будутъ ли въ состояніи классные воспитатели дѣйствительно въ полной мѣрѣ замѣнять собою нынѣ существующую инспекцію?

Свободные или почти свободные отъ постороннихъ занятій и обязанностей нынѣшніе помощники инспектора и надзиратели все свое вниманіе и всѣ свои силы и способности устремляютъ на исполненіе своихъ обязанностей по внѣшнему надзору за учениками. Хорошо ли, дурно ли они себя при этомъ чувствуютъ—это другой вопросъ, но только въ силу уже своего положенія они являются достаточно бдительными и достаточно опытными и способными къ примѣненію мѣрѣ внѣшняго воздѣйствія и къ устраненію того вреднаго вліянія, какое могли бы оказывать ученики своими грубыми шалостями, рѣзкими выходками и вообще внѣшнимъ нарушеніемъ школьной дисциплины.

Что касается классныхъ воспитателей, которые одновременно являются и преподавателями съ значительнымъ числомъ уроковъ, то они врядъ ли будутъ вполне исполнительными и способными при выполненіи мѣрѣ чисто внѣшняго надзора.

Даже и, противъ воспитательной дѣятельности преподавателей Церковный Вѣстникъ находитъ справедливыя возраженія. „Въ чемъ можетъ выразиться воспитательство преподавателя у насъ? Задается вопросомъ Церковный Вѣстникъ: „въ утренніе часы преподаватель занятъ, да и ученики, заняты; слѣдовательно, тутъ, какъ и теперь, воспитательному воздѣйствію не мѣсто. Въ послѣ-урочное время преподаватель, конечно, долженъ отдохнуть и онъ уходитъ изъ учебнаго заведенія домой. Поздній вечеръ и ночь, разумѣется, преподаватель-воспитатель тоже будетъ у себя дома. Остается единственно, что онъ будетъ съ ввѣреннымъ ему классомъ проводить часы такъ называемыхъ вечернихъ занятій, т. е. 2—3 часа, время отъ вечерняго чая до ужина. Но и тутъ

его роль довольно ограничена“¹⁾... На основаніи приведенныхъ соображеній Церковный Вѣстникъ считаетъ возможнымъ сдѣлать заключеніе, что „преподаватель никогда не можетъ быть, при существующихъ условіяхъ, хорошимъ воспитателемъ“²⁾.

Но если, какъ замѣчаетъ Церковный Вѣстникъ, такъ трудно преподавателямъ быть хорошими воспитателями, то еще труднѣе имъ быть въ то же время и хорошими членами инспекціи. Наоборотъ, можно сказать, что даже хорошіе преподаватели-воспитатели врядъ ли будутъ достаточно способными къ исполненію инспекціонныхъ обязанностей.

Хотя въ дѣлѣ воспитанія предполагается и внѣшній надзоръ за воспитанниками, а внѣшній надзоръ заключаетъ въ себѣ и элементы воспитательнаго характера, однако дѣятельность классныхъ воспитателей нѣсколько отличается и должна отличаться отъ дѣятельности инспекціи. Инспекція, конечно, должна слѣдить не только за внѣшними дѣйствіями учениковъ, но и за ихъ настроеніемъ и, по мѣрѣ возможности, должна пресѣкать обнаруженіе тѣхъ или иныхъ проступковъ, такъ сказать, въ самомъ корнѣ, но все же это наблюденіе за внутреннею жизнью каждаго отдѣльнаго ученика, отодвигается у членовъ инспекціи на второй планъ. Одному или очень немногимъ членамъ инспекціи приходится имѣть дѣло съ цѣлою массою учениковъ—и естественно потому—у нихъ остается возможность и время слѣдить болѣе всего за внѣшнею жизнью массы учениковъ и лишь отчасти—за душевнымъ состояніемъ того или другого ученика въ отдѣльности. Ввиду такого характера своей дѣятельности, члены инспекціи принуждены бывають очень часто прибѣгать къ внѣшнимъ мѣрамъ взыскаія и наказанія, чтобы заставить всю массу учениковъ, подлежащую надзору, подчиняться школьнымъ порядкамъ и школьной дисциплинѣ.

Что касается теперь классныхъ воспитателей, то они, конечно, прежде всего обязаны слѣдить именно за внутреннею, такъ сказать—интимною жизнью учениковъ, дѣйствуя путемъ убѣжденія на отдѣльную личность и указывая путь правильной школьной и внѣ школьной жизни. И хотя, ко-

¹⁾ „Церковный Вѣстникъ“ 1911 г. № 8. „Дух. школьное воспитаніе въ реформ. духовной школѣ“. Стр. 228.

²⁾ Тамъ-же.

нечно, и классный воспитатель долженъ чувствовать себя правымъ, если иногда пришлось бы прибѣгнуть къ внѣшнимъ мѣрамъ воздѣйствія по отношенію къ одному или нѣсколькимъ ученикамъ, но все же онъ долженъ употреблять мѣры наказанія лишь съ особою осмотрительностью и осторожностью, чтобы въ среду воспитанниковъ не вкралось недоувѣріе къ воспитательнымъ мѣрамъ и не развилась скрытность, при опасеніи подвергнуться наказаніямъ. Вообще кажется столь же неестественнымъ употребленіе строгихъ мѣръ наказанія и взысканія со стороны класснаго воспитателя, сколь представляется неестественнымъ, напр., для священника употребленіе полицейскихъ мѣръ или занятіе сыскомъ по отношенію къ своимъ духовнымъ чадамъ.

Но какъ же, скажутъ—вѣдь родители употребляютъ же по отношенію къ своимъ дѣтямъ не только мѣры кротости, но и мѣры строгости и наказанія, а между тѣмъ, именно, родители являются лучшими воспитателями своихъ дѣтей, а не приставленные къ дѣтямъ сторонніе воспитатели? Это—правда. Но не надо забывать, что родители дѣйствуютъ лишь въ очень ограниченномъ кругу дѣтей и при томъ связанныхъ съ ними особыми отношеніями близости и родства, тогда какъ классные воспитатели принуждены будутъ воздѣйствовать сразу на значительное число дѣтей и—при томъ—дѣтей для нихъ постороннихъ, въ обращеніи съ которыми, поэтому, требуется особенная внимательность и осторожность.

И прекрасно—скажутъ, если замѣстители членовъ нынѣшней инспекціи будутъ какъ можно меньше прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ, по отношенію къ ученикамъ, а будутъ воздѣйствовать лишь увѣщаніями и кроткимъ обращеніемъ.

Можетъ быть и не приходилось бы,—скажемъ мы въ отвѣтъ,—поддерживать школьную дисциплину такими средствами, кои теперь употребляются членами школьной инспекціи, если бы каждая небольшая группа учащихся (5—10 человѣкъ) находилась подъ постояннымъ и неослабнымъ присмотромъ одного и того же воспитателя. Но вѣдь объ этомъ пока нечего и думать. Въ реформированной духовной школѣ предполагается не только поручить весьма значительное количество учащихся (30—40 чел.) вниманію во-

спитателя, но и заставить послѣдняго въ то или другое время слѣдить и за тою массою учениковъ, которые совсѣмъ не поручены его ближайшему воспитательному воздѣйствію. И если воспитатель одною силою своего вліянія могъ бы воздѣйствовать на внѣшнее поведеніе своихъ воспитанниковъ, то какъ онъ обойдется безъ внѣшнихъ мѣръ къ тѣмъ ученикамъ, для которыхъ онъ не воспитатель, а лишь—въ сущности—внѣшній наблюдатель ихъ жизни и ихъ дѣйствій.

Итакъ, несомнѣнно, и воспитателямъ придется прибѣгать нерѣдко къ крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя бывають положительно необходимы по отношенію къ тѣмъ ученикамъ, которые своими шалостями и выходками способны оказать вредное вліяніе на цѣлый классъ.

Теперь спросимъ: всякій ли преподаватель, будучи даже хорошимъ воспитателемъ, одновременно будетъ и хорошимъ членомъ инспекціи, т. е. способнымъ къ чисто внѣшнему надзору за учениками и готовымъ прибѣгать къ крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ? Не будетъ ли, наоборотъ, преподаватель, полюбившій и усвоившій обязанности чисто воспитательнаго характера, тяготиться тою дѣятельностью по части внѣшняго надзора за массою учениковъ, которая по необходимости должна сопровождаться приемами и мѣрами, совершенно отличными, быть можетъ, отъ тѣхъ, которыя преподаватель-воспитатель привыкъ принимать въ отношеніи своихъ ближайшихъ питомцевъ.

Но помимо этой—такъ сказать—психологической трудности для одного и того-же преподавателя быть одновременно и прекраснымъ воспитателемъ въ отношеніи извѣстной небольшой группы учениковъ, и умѣлымъ, и твердымъ въ несеніи обязанностей внѣшняго надзора за учащимися всего учебнаго заведенія, слѣдуетъ имѣть въ виду и то внѣшнее неудобство, каковое возникаетъ вслѣдствіе совмѣщенія нѣсколькихъ обязанностей и отсюда—обремененія массою дѣлъ. Если для преподавателя, имѣющаго значительное количество уроковъ не совсѣмъ удобно, по недостатку времени, исполнять обязанности класснаго воспитателя, то что сказать о положеніи такового преподавателя-воспитателя, взявшаго на себя еще обязанности внѣшняго надзора за учениками. Если, какъ классный воспитатель, преподаватель можетъ быть со своими учениками въ часы

вечернихъ занятій, то, какъ членъ инспекціи, онъ долженъ быть при ученикахъ цѣлаго учебнаго заведенія во всякое время: и утромъ, когда ученики оставляютъ свои постели, и за утренней и вечерней молитвой, и во время обѣда, ужина и чая, и въ послѣобѣденное время, а также послѣ ужина, и долженъ даже спать въ помещеніи учениковъ.

Правда, нести инспекціонныя обязанности классные воспитатели будутъ, конечно, не ежедневно и не всѣ одновременно, а по известной очереди, но и въ такомъ случаѣ, не устраняется тревожный вопросъ: да найдетъ ли время и будетъ ли имѣть физическую возможность тотъ или другой преподаватель, живущій при томъ часто не близко отъ учебнаго заведенія, успѣшно справляться со своими многосложными обязанностями?

И всего вѣроятнѣе, что при отсутствіи спеціального института инспекціи внѣшній надзоръ за учениками сдѣлается болѣе слабымъ; неподатливымъ къ мѣрамъ увѣщанія и краткаго воздѣйствія ученикамъ откроется возможность болѣе смѣло и рѣшительно обнаруживать свои дурныя привычки и наклонности и служить дурнымъ примѣромъ для другихъ учениковъ, а отсюда можетъ возникнуть то печальное явленіе, что будутъ сглаживаться и даже уничтожаться добрые результаты, каковыя ожидаются въ дѣлѣ воспитанія учениковъ отъ классныхъ воспитателей.

Итакъ, изъ всего сказаннаго вытекаетъ тотъ общій выводъ, что врядъ-ли, безъ ущерба для благополучія духовныхъ школъ, возможно уничтожить существующую здѣсь для внѣшняго надзора за учащимися инспекцію, замѣнивъ ее институтомъ классныхъ воспитателей, выбираемыхъ изъ среды преподавателей.

Другое, конечно, было бы дѣло, если бы институтъ классныхъ воспитателей былъ учрежденъ самостоятельно отъ института инспекціи и существовалъ-бы—такъ сказать—параллельно съ послѣднимъ. Можно сказать съ увѣренностью, что дѣла хватило-бы и для особыхъ воспитателей, и для членовъ инспекціи, а между тѣмъ устранялась бы возможность возникновенія такихъ неудобствъ, кои могутъ нарушать правильное теченіе школьной жизни.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Мая

№ 9

1911 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1909—1910 учебный годъ. (Окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Воззваніе.—Правила для экскурсантовъ-паломниковъ, прибывающихъ въ г. Кіевъ въ Кіево-Печерскую Успенскую Лавру и Златоверхій Михайловскій монастырь.

I.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1909—1910 учебный годъ.

(Окончаніе) *).

і) Обстоятельства, благопріятствовавшія и пренятствовавшія успешному веденію учебно-воспитательнаго дѣла. Мѣры прінятыя и предполагаемыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполнѣ согласно съ § 83 Училищнаго Устава.

Къ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успешному веденію учебнаго дѣла, надо отнести то, что преподаватели, обладая педагогическимъ опытомъ, относились къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно и исполняли ихъ съ надлежащимъ усердіемъ. Классныя воспитательницы и ихъ помощницы усердно содѣйствовали веденію учебно-воспитательнаго дѣла, присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями способствовали успешному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку или руководѣніемъ.

*) См. ж. „В. и Р.“, отд. Извѣстій и Замятокъ № 8 за 1911 г.

Изъ мѣрѣ, принятыхъ для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла въ отчетномъ году, заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

1) Какъ и въ прежніе годы, чрезъ каждые два мѣсяца Инспекторъ классовъ вносилъ въ Совѣтъ вѣдомость объ успѣхахъ воспитанницъ, составленную на основаніи общихъ отмѣтокъ преподавателей. Эта вѣдомость разсматривалась въ Совѣтъ при участіи всѣхъ преподавателей и преподавательницъ, при чемъ выяснялись причины неуспѣшности ученицъ и указывались мѣры для ихъ исправленія. Малоспособныя и недостаточно развитыя ученицы подвергались особому вниманію учащихъ во время классныхъ уроковъ и воспитательницъ во время вечернихъ занятій, а невнимательныя и нерадивыя подвергались взысканію. Иногда Совѣтъ Училища признавалъ необходимымъ войти въ сношенія съ родителями малоуспѣвавшихъ воспитанницъ по вопросу о принятіи мѣрѣ къ возвышенію успѣховъ ихъ дочерей.

2) Вѣдомость о числѣ малоуспѣвающихъ воспитанницъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ представлялась Совѣтомъ при журналахъ Его Высокопреосвященству.

3) Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницъ, Совѣтъ Училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами. Съ тою-же цѣлью при отпускахъ воспитанницъ въ дома родителей ихъ баллы по успѣхамъ и поведенію выставлялись въ отпускныхъ билетахъ, а послѣ каждой недѣли списокъ воспитанницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы, представлялся Начальницѣ Училища, которая дѣлала означеннымъ воспитанницамъ внушенія и подвергала ихъ извѣстному взысканію.

Инспекторъ классовъ съ своей стороны при удобномъ случаѣ побуждалъ ихъ къ усердному отношенію къ дѣлу.

4) Для поднятія уровня развитія воспитанницъ Инспекторомъ классовъ и преподавателями обращалось вниманіе на внѣклассное чтеніе воспитанницами книгъ, съ цѣлью развитія и обогащенія свѣдѣніями, помимо класснаго преподаванія. Совѣтъ Училища озаботился пополненіемъ бібліотеки изданіями религіозно-нравственнаго и литературнаго содержанія, которыя одобрены для внѣкласснаго чтенія учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ отчетномъ году практиковались общія для всего класса чтенія, особенно во время механическихъ занятій руководѣліемъ. Въ великій постъ, особенно во дни говѣнія, ученицамъ выдавались книги для чтенія религіозно-назидательнаго содержанія. Ближайшее наблюденіе за внѣкласснымъ чтеніемъ имѣли воспитательницы подъ руко-

водствомъ инспектора классовъ и при содѣйствіи преподавателей. Съ цѣлью способствовать уметвенному развитію воспитанницъ, въ отчетномъ году были устраиваемы преподавателями чтенія съ туманными картинами или безъ оныхъ. Всѣхъ такихъ чтевій было 9.

Законоучителемъ было предложено чтеніе „о жизни и трудахъ Святителя Димитрія Ростовскаго, по случаю исполнившагося 28-го октября 200-лѣтія со дня его кончины. Преподаватель М. И. Титовъ читалъ „о Колумбѣ“ съ туманными картинами и „объ Индіи“, преподаватель В. А. Тихомировъ—„о постановкѣ практическихъ занятій въ школѣ“ и на тему: „Отчего зависитъ наше представленіе о счастья?“ Преподаватель С. И. Чистосердовъ читалъ „о развитіи памяти“.

Кромѣ сего, чтенія по классамъ въ праздничные дни съ туманными картинами подъ руководствомъ воспитательницъ происходили въ продолженіе почти всего учебнаго года.

5) Для развитія литературнаго вкуса воспитанницъ, для пріученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія. иногда устраивались въ присутствіи близкихъ Училищу лицъ литературно-вокальные вечера, на которыхъ воспитанницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленныя пьесы. Вокально-музыкальный вечеръ, устроенный 21-го феврала, доставилъ воспитанницамъ и всѣмъ присутствовавшимъ большое удовольствіе. Исполнителями его были преподаватели—свящ. В. Яновскій (на віолончели), М. И. Титовъ и М. А. Павленко—игравшіе на скрипкѣ, а исполнительницами бывшія воспитанницы—А. Вербицкая, исполнившая нѣкоторыя пьесы, и А. Посельская—игравшая на рояли.

Литературно-вокальный вечеръ религіознаго содержанія 6-го апрѣля, устроенный воспитанницами старшихъ классовъ, по своему художественному исполненію и разнообразію содержанія также заслуживаетъ вниманія. Программа его была слѣдующая: 1) „Отшельникъ“ стих. Алмазова, 2) „Не унывай“—Арх. Иннокентія (Борисова) муз. еписк. Петра (Лосева), 3) „Бесѣда Іоанна Злотоуста съ паствою“; 4) „Любовь“ муз. Россини; 5) Бесѣда Іоанна Злотоуста „о сынѣ Наинской вдовы“; 6) „Не долго жила я“... Арх. Амвросія (Ключарова), муз. свящ. І. Петровскаго; 7) „Житейское море“ Еп. Гермогена; 8) „Вѣра“ музыка Россини; 9) „Въ темницѣ былъ и вы пришли ко Мнѣ“ Арх. Арсенія; 10) „Crucifix“ муз. Фора; 11) Бесѣда Іоанна Злотоуста „о разбойникѣ“; 12) „Разбойника благора-

зумнаго“, муз. Воротникова; 13) „Слово на Пасху“ Высокопр. Арх. Арсеvія; 14) „Снизшелъ еси“ ирмосъ Кіевскаго распѣва, „Достоино есть“. Чтеніе сопровождалось соответствующими туманными картинами.

Устройство чтеній и литературно-музыкальныхъ вечеровъ вносило большое оживленіе въ однообразную ученическую жизнь воспитанницъ. Особенно интересовались воспитанницы приготовленіями къ тѣмъ чтеніямъ, въ которыхъ приходилось имъ самимъ участвовать. Такія чтенія и вокально-музыкальные вечера не только давали прекрасное высокое развитіе воспитанницамъ, но главнымъ образомъ содѣйствовали ихъ общему развитію.

Въ отчетномъ году съ образовательною цѣлью воспитанницы 7-го класса ходили два раза въ Университетскій художественный музей, гдѣ преподаватель исторіи Е. П. Трифильевъ (завѣдующій музеемъ) знакомилъ ихъ со всѣми рѣдкостями музея, а преподаватель естествовѣдѣнія В. Е. Геркевичъ знакомилъ ихъ преимущественно съ естественнымъ отдѣленіемъ его.

б) Въ старшихъ классахъ весьма много способствовало развитію педагогическихъ способностей воспитанницъ ихъ практическія занятія въ образцовой церковно-приходской школѣ при Училищѣ.

Особыхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, въ отчетномъ году не было.

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

Библіотека раздѣляется на 1) фундаментальную, 2) ученическую и 3) музыкальную.

1) Въ фундаментальной библіотекѣ къ началу отчетнаго года числилось 5136 томовъ, въ 1980 наименованіяхъ. Въ теченіе года приобрѣтено 106 томовъ въ 51 наименованіи, такъ что къ началу настоящаго 1910—1911 учебнаго года всѣхъ книгъ въ фундаментальной библіотекѣ было 5242 тома въ 2031 названіи.

2) Въ ученической библіотекѣ состояло названій книгъ 2735, томовъ—5166, поступило 1000 томовъ въ 538 названіяхъ.

3) Въ музыкальной библіотекѣ къ концу отчетнаго года состояло 916 тетрадокъ нотъ, приобрѣтено въ теченіе года 94 экземпляра нотъ, такъ что всѣхъ тетрадей стало 1010.

Изъ періодическихъ изданій Совѣтомъ Училища выписывались слѣдующія: въ фундаментальную библіотеку: „Церковныя Вѣдомости“, „Вѣра и Разумъ“, „Вѣра и Церковь“, „Народное Образованіе“, „Педагогическій Сборникъ“, „Странникъ“ съ приложеніемъ

„Общественной Богословской Библіотеки“ и „новой серіи богословско-апологическихъ трактатовъ“, „Труды Кіевской Духовной Академіи“, „Богословскій Вѣстникъ“—съ приложеніемъ твореній Блаженнаго Теодорита, изд. при Московской Духовной Академіи“, „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ Читеніемъ“ и съ твореніями Св. Теодора Студита, изд. при С.-Петербургской Духовн. Академіи, „Русская Старина“, „Историческій Вѣстникъ“, „Мирный Трудъ“, „Миссіонерское Обзорѣніе“, „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“.

Въ ученическую бібліотеку: „Душеполезное Читеніе“, „Русскій Паломникъ“, „Кормчій“, „Отдыхъ Христіанина“, „Родникъ“ (безъ педагогическаго отдѣла), „Дѣтское Читеніе“, „Природа и Люди“, „Нива“, „Музыка и Пѣніе“ и „Мірокъ“.

Въ теченіе года воспитанницами всѣхъ классовъ Училища взято было для чтенія изъ ученической бібліотеки книгъ 5560. Книги изъ ученической бібліотеки выдавались воспитанницамъ ежедневно, при чемъ каждому классу былъ назначенъ опредѣленный день для полученія и возвращенія книгъ. Въ выборѣ книгъ для чтенія воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ ученической бібліотеки, назначенные для каждаго класса въ отдѣльности. При бібліотекѣ имѣются: 1) Каталогъ хронологическій и систематическій, 2) Матеріальная книга, 3) Справочная книга и 4) Правила о порядкѣ храненія и выдачи книгъ.

Въ физическомъ кабинетѣ имѣется до 120 названій существенно-необходимыхъ приборовъ, изъ которыхъ 23 пожертвованы, а 97 приобрѣтены на училищныя средства въ разное время, предметовъ 176.

Въ отчетномъ году приобрѣтено 2 новыхъ прибора.

На приобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ, одному изъ преподавателей отпускается 25 р. въ годъ.

Въ географическомъ кабинетѣ числилось до 162 предметовъ, большею частью пожертвованныхъ, въ числѣ которыхъ имѣются разнообразныя коллекціи.

На бібліотеку, учебники, учебныя пособія и учебныя принадлежности ассигновано по смѣтѣ 2402 р.

5. Средства Училища.

По дѣйствующей въ 1909 экономическомъ году смѣтѣ Училище на свое содержаніе должно было получить 117935 р. 32 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго капитала Училища	3483 р. 90 к.
б) Первоначальный взносъ за вновь поступающихъ воспитанницъ	2500 „ — „
в) Плата за содержаніе и обученіе воспитанницъ	57195 „ — „
г) Обще-Епархіальный взносъ отъ Церквей	35184 „ 22 „
д) Отъ Епархіальнаго Свѣчнаго завода	12749 „ 98 „
е) Доходъ отъ принадлежащей Училищу части дома въ г. Харьковѣ	1793 „ 31 „
ж) Однопроцентный взносъ съ жалованья отъ причтовъ, получающихъ таковое, и опредѣленное назначеніе отъ причтовъ не получающихъ жалованья	2322 „ 81 „
з) Пожертвованія отъ монастырей, церквей, разныхъ учрежденій и лицъ	1579 „ 45 „
и) Отъ Училищной экономіи	626 „ 65 „
і) Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ на содержаніе церковно-приходской школы	500 „ — „
Итого	117935 р. 32 к.

Расходъ тою-же смѣтою опредѣленъ

За обученіе необязательнымъ предметамъ въ 1909 году поступило на приходъ

Въ расходъ было:

1. На содержаніе личнаго состава	32658 р. 72 к.
2. На содержаніе воспитанницъ пищею	39198 „ 95 „
3. На содержаніе одеждою и обувью	11597 „ 73 „
4. На содержаніе дома и прислуги	28263 „ 96 „
5. На содержаніе больницы.	3979 „ 71 „
6. На бібліотеку и учебныя пособія	2457 „ 79 „
7. На канцелярію.	120 „ 88 „
8. Мелочныхъ расходовъ.	165 „ 90 „
9. Экстраординарныхъ расходовъ	3852 „ 75 „
Итого	122296 р. 39 к.

6. Дополнительные свѣдѣнія.

Харьковское Епархіальное Женское Училище въ отчетномъ учебномъ году, какъ и въ предшествующіе 6 лѣтъ, пользовалось постояннымъ благосклоннымъ вниманіемъ и отеческою заботливостію своего Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, на архипастырское благоусмотрѣніе и рѣшеніе котораго Совѣтомъ представлялись училищныя дѣла. Владыка всегда интересовался училищною жизнью, чрезъ начальствующихъ лицъ и непосредственно входилъ въ нужды заведенія; Совѣтъ Училища многократно пользовался его Архипастырскими наставленіями, исполненными отеческой заботливости и многоопытнаго знанія.

Наиболѣе выдающимися событіями въ жизни Училища были тѣ дни, когда оно удостоивалось посѣщеній своего высокаго Покровителя, когда Архипастырь совершалъ Божественную Литургію въ Училищномъ храмѣ и возносилъ молитвы къ Богу о преуспѣяніи во всемъ благомъ дорогаго для всей епархіи заведенія. Въ теченіе учебнаго года Его Высокопреосвященство неоднократно посѣщало Училище. 11-го октября Высокопреосвященный Арсеній совершалъ въ Училищномъ храмѣ Божественную Литургію, въ концѣ которой обратился къ воспитанницамъ съ глубоко-назидательнымъ словомъ по поводу печальнаго событія, постигнаго Училище весною 1909 года—эпидемію тифа, отъ котораго умерло 10 ученицъ. Архипастырь призвалъ смотрѣть на постигнутое Училище болѣзнь, какъ на поущеніе Божіе, которое Господь посылаетъ для нашего испытанія и исправленія и которое нужно переносить съ покорностью воли Божіей. Архипастырь преподавалъ воспитанницамъ благословеніе и пожелалъ имъ силъ и здоровья въ наступающемъ учебномъ году. По окончаніи Литургіи Его Высокопреосвященство благоволило раздать лучшимъ воспитанницамъ по поведенію и усиліямъ похвальные листы.

4-го декабря, въ день храмоваго училищнаго праздника Св. Великомученицы Варвары, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершалъ въ училищномъ храмѣ Божественную Литургію въ сослуженіи о. Ректора Семинаріи, о. Предсѣдателя и членовъ Училищнаго Совѣта. За литургіею было произнесено Инспекторомъ классовъ соответствующее празднику слово. По окончаніи литургіи и молебна Св. Великомученицѣ, Высокопреосвященный Арсеній поздравилъ воспитанницъ съ праздникомъ и благословилъ каждую изъ нихъ. Послѣ

церковнаго торжества Владыка благоволилъ вмѣстѣ съ училищною корпораціею раздѣлить хлѣбъ-соль.

Вечеромъ въ училищномъ залѣ состоялось годовое собраніе членовъ Братства Свят. Великомученицы Варвары, на которомъ секретаремъ Братства Н. В. Гогинымъ былъ прочитанъ годичный отчетъ. Послѣ засѣданія Братства воспитанницами былъ устроенъ вокально-музыкальный вечеръ.

17-го декабря Училище посѣтилъ Высокопреосвященный Антоній, Архіепископъ Волынской, который прибылъ въ Училище вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Василюмъ, Епископомъ Сумскимъ, и направился въ Церковь. Здѣсь Высокопреосвященный былъ встрѣченъ о. Предсѣдателемъ Совѣта и о. Инспекторомъ классовъ съ крестомъ и послѣ краткаго положеннаго при встрѣчѣ Архипастыря молитвословія Его Высокопреосвященство обратился къ воспитанницамъ съ нѣкоторыми благожелательными наставленіями и благословилъ каждую изъ нихъ.

4-го февраля Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, снова посѣтилъ Училище и провелъ въ немъ всѣ почти учебные часы. Владыка посѣтилъ всѣ классы, слушалъ уроки наставниковъ и отвѣты воспитанницъ, спрашивалъ воспитанницъ по Закону Божию, интересовался занятіями ихъ по другимъ предметамъ, заходилъ въ бібліотеку и подробно знакомился съ книгами, особенно духовно-нравственнаго содержанія.

19-го марта Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершилъ въ Училищной церкви Литургію Преждеосвященныхъ Даровъ, по окончаніи которой обратился къ воспитанницамъ съ назидательнымъ словомъ о значеніи поста.

28-го апрѣля Училище посѣтилъ Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Василюмъ, Епископомъ Сумскимъ. Прибывъ въ Училище въ 1 часъ дня, Его Высокопреосвященство направился въ церковь, куда собрались воспитанницы Училища и учебный персоналъ. Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ о. Инспекторомъ классовъ съ крестомъ и о. Предсѣдателемъ Совѣта, сказавшимъ привѣтствіе Владыкѣ отъ Училища. Послѣ краткаго молитвословія Высокопреосвященный Флавіанъ благословилъ каждую изъ воспитанницъ.

5-го мая Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, присутствовалъ на экзаментѣ по Закону Божию въ 7 классѣ, а 13-го мая на экзаментѣ по тому-же предмету въ 6-хъ классахъ. По окончаніи экзамена, Его Высокопреосвященство благословилъ воспитанницъ серебряными крестиками и преподалъ имъ нѣсколько

благжелательныхъ наставленій, въ которыхъ призывалъ воспитанницъ къ трудолюбію въ предстоящей по выходѣ изъ Училища жизни и къ служенію на пользу другимъ.

10-го іюня, въ день отпуска воспитанницъ, окончившихъ курсъ, Его Высокопреосвященство присутствовалъ на литургіи въ Училищномъ храмѣ, которую служилъ о. Предсѣдатель Совѣта. За Литургіею было произнесено Инспекторомъ классовъ соотвѣтствующее слово. Послѣ Литургіи Его Высокопреосвященство въ сослуженіи многочисленнаго духовенства совершилъ благодарственный Господу Богу молебенъ. По окончаніи церковнаго торжества въ залѣ Училища состоялся актъ, на которомъ 83 выпускнымъ воспитанницамъ были розданы аттестаты и награды, а 28 воспитанницамъ 7-го класса свидѣтельства. Послѣ этого Высокопреосвященный Арсеній благословилъ каждую воспитанницу иконой и вручилъ каждой Святое Евангеліе съ собственноручною надписью и молитвенникъ. Затѣмъ Владыка нанутствовалъ окончившихъ курсъ трогательною рѣчью, въ которой поздравилъ ихъ съ окончаніемъ воспитанія и образованія въ учебномъ заведеніи, призывалъ ихъ хранить во всей послѣдующей жизни все то доброе и благочестивое, что онѣ видѣли и слышали въ продолженіи своего образованія. Столь высокое вниманіе со стороны Его Высокопреосвященства тронуло воспитанницъ и онѣ отъ всего сердца пропѣли ему „многая лѣта“.

Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна „Боже, Царя храни“ и молитвою „Достойно есть“. Послѣ акта приглашеннымъ лицамъ былъ предложенъ обѣдъ въ залѣ училища, на которомъ, по установившемуся обычаю, кромѣ почетныхъ гостей, преподавателей и воспитательницъ, присутствовали родители и родственники воспитанницъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ акта 30-ть окончившихъ курсъ воспитанницъ въ сопровожденіи Начальницы Училища и двухъ воспитательницъ выѣхали въ экскурсію. Экскурсантки за время отъ 12-го іюня до 2-го іюля посѣтили Кіевъ, Севастополь, Москву и Троице-Сергіевскую Лавру.

Ревизіи со стороны членовъ Учебнаго Комитета Училище въ отчетномъ году не подвергалось.

Братство во имя Великомученицы Варвары при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.

При Училищѣ существуетъ благотворительное учрежденіе „Братство во имя Великомученицы Варвары“. Открытое 9 февраля 1903 года Братство находится подъ покровительствомъ Высокопреосвя-

ценнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, и состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоого пола, всѣхъ званій и состояній—пожизненныхъ, сдѣлавшихъ въ пользу Братства одновременныя пожертвованія не менѣе 50 р., дѣйствительныхъ, вносящихъ въ пользу Братства не менѣе 3 руб., и соревнователей, которые содѣйствуютъ Братству въ его задачѣ незначительными денежными пожертвованіями, менѣе 3 руб.

Значительное пожертвованіе въ отчетномъ году поступило отъ о. Стефана Любицкаго, протоіерея Харьковскаго Каѳедральнаго Собора, 700 руб. 4⁰/₁₀₀ Государств. ренты, отъ Высокопреосвященнаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго—100 р., отъ Высокопреосвященнаго Арсенія—50 р. и отъ почетной попечительницы Училища Д. Д. Оболенской—25 руб.

Къ 1-му сентября 1910 года капиталъ Братства равнялся—13,793 р. 2 к., въ томъ числѣ ⁰/₁₀₀ бумагами 12,800 руб.

Благотворительная дѣятельность Братства въ теченіе года выразилась въ пособіи 49 бѣднѣйшимъ воспитанницамъ въ уплату за содержаніе въ училищномъ общежитіи, а также на приобрѣтеніе теплаго платья и бѣлья нѣкоторымъ изъ нихъ въ размѣрѣ 1731 р. 50 к. Кроме того, 26-ти бѣднымъ воспитанницамъ выдано пособіе при окончаніи курса въ размѣрѣ 20—25 рублей каждой, всего—555 рублей.

Пожертвованія въ пользу Училища.

Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили слѣдующія:

а) Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, сто рублей (100) въ уплату за воспитанницу 7-го класса Евгенію Торанскую.

б) Отъ него-же пятнадцать руб. (15) на елку воспитанницамъ.

в) Отъ него-же крестики, Евангелія съ собственноручною надписью и молитвенники выпускнымъ воспитанницамъ.

г) Отъ него-же 20 выпускнымъ воспитанницамъ собраніе сочиненій Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, въ награду за отличные успѣхи ихъ въ наукахъ.

д) Отъ Высокопреосвященнаго Иннокентія, Экзарха Грузіи, образъ Препод. Серафима Саровскаго.

е) Отъ Преосвященнаго Евгенія, Епископа Благовѣщенскаго, икона Албазинской Божіей Матери.

ж) Отъ Почетной Попечительницы Училища Д. Д. Оболенской—сто двадцать рублей за содержаніе воспитанницы Пелагіи Поповой.

з) Отъ нея-же нѣсколько пудовъ конфектъ для воспитанницъ.

и) Отъ нея-же 26 экземпляровъ нотъ, въ роскошномъ переплетѣ, въ награду лучшимъ ученицамъ за успѣхи по музыкѣ.

і) Отъ А. А. Ж. за содержаніе воспитанницы 7 класса Екатерины Третьяковой сто рублей (100 р.).

к) Отъ Протоіерея г. Харькова Петра Мигулина—сто рублей для бѣдныхъ выпускныхъ воспитанницъ.

Такимъ образомъ въ теченіе года на разныя нужды Училища, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило—435 рублей.

Епархіальныя извѣщенія.

І) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) И. д. псаломщика Успенской церкви, слободы Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, Тимошей *Квитка* опредѣленъ 27 апрѣля на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слободы Бунчужной, того-же уѣзда.

б) Псаломщикъ Іоанно-Богословской церкви, слободы Лубянки, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Маляровъ* опредѣленъ 27 апрѣля на діаконское мѣсто при Георгіевской церкви, слободы Большой Даниловки, Харьковскаго уѣзда.

в) Учитель народнаго училища Павелъ *Сукачевъ* опредѣленъ 28 апрѣля на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, города Сумъ.

г) Псаломщикъ Іоанно-Богословской церкви, слободы Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, Феодоръ *Созонтьевъ* опредѣленъ 27 апрѣля на діаконское мѣсто при Преображенской церкви, слободы Петровской, того-же уѣзда.

д) Крестьянинъ Андрей *Гавриленко* опредѣленъ 5 мая и. д. псал. къ церкви с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда.

е) Мѣщанинъ Симеонъ *Барвинскій* опредѣленъ 5 мая и. д. псаломщика къ церкви с. Большихъ Проходовъ, Харьковск. уѣзда.

ж) Крестьянинъ Захарій *Кривоцовъ* опредѣленъ 5-го мая и. д. псаломщика къ церкви сл. Селимовки, Изюмскаго уѣзда.

з) Крестьянинъ Михаилъ *Пашигинъ* опредѣленъ 5 мая и. д. псаломщика къ церкви с. Лубянки, Старобѣльскаго уѣзда.

и) Крестьянинъ Григорій *Тишкинъ* опредѣленъ 5-го мая и. д. псаломщика къ Успенской церкви, слободы Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда.

і) Крестьянинъ Иванъ *Коваленко* опредѣленъ 5-го мая и. д. псаломщика къ Иоанно-Богословской церкви, слободы Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.

2) Объ увольненіи за штатъ.

а) Псаломщикъ Иоанно-Богословской церкви, слободы Большихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, Аѳанасій *Пеллециій* уволенъ за штатъ, по болѣзни, 21 апрѣля.

б) И. д. псаломщика Николаевской церкви, села Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда, Григорій *Запріевъ* уволенъ, согласно прошенію, 4-го мая отъ должности псаломщика и исключенъ изъ духовнаго званія.

3) О смерти священно-церковно-служителей.

Псаломщикъ Покровской церкви, слободы Ободовъ, Сумскаго уѣзда, Виталій *Крыжановскій* умеръ 26 апрѣля.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Успенской церкви, слободы Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 17-го апрѣля старостою крестьянинъ Петръ *Игнатенко*.

б) Къ Введенской церкви, села Артемовки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 29 апрѣля старостою крестьянинъ Константинъ *Пугачъ*.

в) Къ Константино-Еленинской церкви, села Караячнаго, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 2-го мая старостою крестьянинъ Феодотъ *Тарануха*.

г) Къ Николаевской церкви, города Купянска, утвержденъ 2-го мая старостою купецъ Василій *Ивановъ*.

д) Къ Дмитріевской церкви, слободы Тарасовки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 30 апрѣля старостою крест. Иванъ *Шелповъ*.

е) Къ Иоанно-Богословской церкви, слободы Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 8-го апрѣля старостою крестьянинъ Максимъ *Шарко*.

ж) Къ Александро-Невской церкви, слободы Бѣлоцерковки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 19 апрѣля старостою крестьянинъ Леонтій *Бушкый*.

з) Къ Успенской церкви, слободы Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 21-го апрѣля старостою крестьянинъ *Петръ Смѣшко*.

н) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Михайликовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 23 апрѣля старостою крестьянинъ *Симеонъ Савельевъ*.

і) Къ Троицкой церкви, слободы Михайловки, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 26-го апрѣля старостою крестьянинъ *Иванъ Толмачевъ*.

к) Къ Николаевской церкви, села Крысина Яра, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 28 апрѣля старостою мѣщанинъ *Алексѣй Вакуленко*.

5) Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви, слободы Мартовой, Волчанскаго уѣзда, *Гавріиль Аршава*, утвержденъ 1-го мая въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика Покровской церкви, села Великаго, Волчанскаго уѣзда, *Дороей Труфановъ* утвержденъ 1-го мая въ должности псаломщика.

в) И. д. псаломщика Тихоновской церкви, села Борцеваго, Харьковскаго уѣзда, *Михаиль Наумовъ* утвержденъ 25-го апрѣля въ должности псаломщика.

6) Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Успенской церкви, слободы Двурѣчной, Купянскаго уѣзда, *Теодоръ Панкратьевъ* утвержденъ 29-го апрѣля въ должности помощника благочиннаго 2 округа того же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности протоіеря *Іоанна Макаровскаго* (уволеннаго согласно прошенію).

б) Священникъ Изюмскаго Преображенскаго Собора *Александръ Рубинскій* назначенъ 29 апрѣля цензоромъ проповѣдей 1 округа Изюмскаго уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника *Михаила Воскобойникова* (уволеннаго согласно прошенію).

и в) Іеромонахъ Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря *Пимень* назначенъ 3 мая казначеемъ Куряжскаго Преображенскаго монастыря, вмѣсто состоявшаго въ сей должности игумена *Гермогена*.

7) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ Троицкой церкви, города Славянска, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Даниловъ* утвержденъ 23 марта законоучителемъ Славянской гимназій, учрежденной О. П. Янковской.

8) О присоединеніи къ православію.

Протоіереемъ Харьковской Архангело-Михайловской церкви Петромъ *Полтавцевымъ* купецъ Эммануиль *Островскій* присоединенъ 10 марта къ православной церкви чрезъ таинство св. крещенія.

9) Вакантныя мѣста:

а) Священническія:

При Пророко-Ильинской ц., г. Бѣлополя, Сумск. уѣзда (2 мѣсто).

б) Діаконскія:

При Покровской церкви, сл. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

и б) Псаломщицкія:

При Покровской церкви, сл. Ободовъ, Сумскаго уѣзда.

„ Николаевской церкви, села Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.

По благословенію Высокопреосвящен-
нѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

В О З В А Н І Е.

Благочестивые Христіане.

Въ исторической жизни русскаго народа 200 лѣтъ тому назадъ совершилось необычайно важное событіе,—Полтавская Побѣда, давшая намъ свободу отъ рабства чужеземнаго и возведшая наше дорогое отечество на степенъ великой, славной и могучей державы.

Блестящая побѣда надъ Шведами на поляхъ Полтавскихъ дарована Господомъ Богомъ Великому Императору Петру и его богатырямъ сподвижникамъ послѣ горячей и слезной молитвы ихъ предъ чудотворной Каплуновской иконой Божіей Матери, которая въ то время пребывала среди войскъ Императора Петра.

Предъ симъ св. образомъ, говоритъ лѣтопись, Царь Петръ со всемъ воинствомъ трикратно слезно и колѣнопреклоненно молился предъ баталіей 27 Іюня и возымѣлъ славную побѣду.

Полтавская побѣда по своимъ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ дорога каждому русскому гражданину, любящему свое отечество, но особенно она незабвенна для насъ жителей Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ., на поляхъ котораго въ сл. Городномъ, Коломтаевѣ, Рублевкѣ и зашт. гор. Краснокутскѣ произошли первыя удачныя для русскихъ сраженія со Шведами подѣ начальствомъ нашего генерала Рена. Эти пункты и теперь еще обильно усѣяны костями нашихъ предковъ-героевъ, павшихъ за вѣру, царя и отечество, и имѣютъ у себя трофеи-пушки, отнятыя у Шведовъ.

Чудотворная Каплуновская икона Божіей Матери, чуду которой Царь Петръ, его войско и народъ приписали Полтавскую побѣду, находится нынѣ въ с. Каплуновкѣ Богодуховскаго уѣзда и ежегодно въ теченіи мѣсяца съ 17 Сентября по 15 Октября она пребываетъ въ Соборѣ г. Богодухова.

Въ порывѣ чувства благодарности за великую милость Божію, дарованную въ побѣдѣ надъ Шведами подѣ Полтавой, прихожане Успенскаго Собора г. Богодухова постановили въ ознаменованіе 200-лѣтія Полтавской побѣды устроить вмѣсто прежняго ветхаго храма новый величественный съ тремя престолами,—главнымъ въ честь Успенія Божіей Матери, правымъ—въ честь Каплуновской иконы Божіей Матери и лѣвымъ въ честь Св. Николая Чудотворца, небеснаго покровителя обожаемаго Государя Императора Николая Александровича.

По благославленію Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, постройка храма разрѣшена и имъ же торжественно 2-го Іюля 1909 г. совершена его закладка.

Средства, имѣющіяся въ распоряженіи Комитета, незначительны, стоимость же храма по смѣтѣ простирается до 175000 рублей.

Въ непоколебимомъ упованіи на помощь Царицы Небесной, въ твердой увѣренности въ живой отзывчивости православныхъ русскихъ людей всякаго общественнаго положенія, званія, пола и возраста на добрый призывъ, Строительный Комитетъ обращается съ усерднѣйшею просьбою придти на помощь въ святомъ дѣлѣ устроенія новаго соборнаго храма въ г. Богодуховѣ,—памятника Полтавской побѣды.

Имена жертвователей будутъ молитвенно поминаться въ соборномъ храмѣ въ честь Успенія Божіей Матери и ея чудотворной Каплуновской иконы при совершеніи святой, безкровной жертвы.

Всякое приношеніе будетъ принято съ искреннею благодарностію и съ усерднѣйшею молитвою за благотворящихъ. Господь, Всеблагій

мздовоздаятель, по неложному Своему обѣтованію воздасть милостивымъ благотворителямъ Своею богатою милостию и въ семь вѣкъ, и въ будущемъ радостію вѣчнаго спасенія.

Денежныя пожертвованія Комитетъ просить адресовать на имя Комитета по постройкѣ новаго Собора въ г. Богодуховѣ.

Предсѣдатель Комитета, настоятель Собора

Протоіерей Алексій Станиславскій.

Членъ-Казначей Комитета, Статскій Совѣтникъ

Захарій Молчановскій.

Членъ-Дѣлопроизводитель Коммисія, Свещенникъ

Григорій Ступницкій.

П Р А В И Л А

для экскурсантовъ-паломниковъ, прибывающихъ въ г. Кіевъ въ Кіево-Печерскую Успенскую Лавру и Златоверхій Михайловскій монастырь.

1. Паломники-учащіеся совершенно не могутъ быть принимаемы въ монастырскія помѣщенія-гостинницу и страннопримницу въ слѣдующіе праздничные дни, вслѣдствіе прилива въ эти дни богомольцевъ:

а) Первые три дня Свѣтлой Седмицы.

б) Въ праздникъ Вознесенья и 1, 6 и 8 мая.

в) Первые два дня Св. Пятидесятницы.

г) Въ день Преображенія Господня и Успенія Божіей Матери.

д) И за два дня предъ этими послѣдними праздниками.

2. Одновременно обители могутъ принять въ свои стѣны— Михайловская отъ 40 до 50, а Лаврская отъ 50 до 80 паломниковъ-экскурсантовъ изъ различныхъ мѣстъ.

3. Въ виду сего, устроители паломничества и экскурсій должны заблаговременно, не менѣе какъ за двѣ недѣли до отправленія съ мѣста, увѣдомлять о.о. Намѣстниковъ Лавры и Михайловскаго монастыря о числѣ паломниковъ и времени прибытія ихъ въ Кіевъ.

4. Помѣщеніе въ обоихъ монастыряхъ можетъ быть предоставлено паломникамъ-экскурсантамъ на срокъ не болѣе 3 дней и притомъ только въ одномъ изъ названныхъ монастырей.

5. Паломникамъ экскурсантамъ отъ монастырей можетъ быть отпускаемо пищевое довольствіе—обѣдъ монашескій изъ 2-хъ блюдъ и ужинъ изъ одного блюда, кипятокъ для чая дается во всякое время, а неимѣющіе чаю получаютъ таковой отъ обители утромъ и вечеромъ.

6. По прибытіи паломниковъ-экскурсантовъ къ обители въ промежутокъ времени отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ пополудни послѣдніе должны прежде всего направляться въ храмъ и выслушать краткій молебенъ.

7. Учащіеся начальныхъ и учительскихъ школъ во время пребыванія въ обители обязательно говѣютъ.

8. Отвѣтственность за поведеніемъ паломниковъ-учащихся возлагается на руководителей и устроителей паломничества.

9. Паломники-экскурсанты, если того пожелаютъ, могутъ пользоваться руководителемъ отъ обители по ознакомленію съ св. мѣстами и древностями г. Кіева.

II.

Содержаніе. Замѣтка законоучителя. *Свящ. А. Сагарды-Николенко.*—Искусство говорить публично.—Миссіонерскій листокъ. Миссіонерскій кружокъ въ селѣ Озерянкѣ, Харьковскаго уѣзда. (Окончаніе). *Свящ. К. Владыкова.*—Епархіальная хроника.—19-е февраля н. г. въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ (Купянскаго уѣзда.—Памяти протоіерея Іоанна Гавриловича Федоровскаго.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Постановленіе Казанскаго Епархіальнаго Сѣзда духовенства о борьбѣ съ пьянствомъ.—Постановленіе Совѣта Астраханскаго Кирилло-Меѳодіевскаго Братства.—Страстотерпецъ за вѣру и за Русь.—Разныя извѣстія и замѣтки.—„На могилѣ“.—Потомки И. Сусанина.—Японское воспитаніе.—Объявленія.

Замѣтка законоучителя.

Въ журналѣ „Христіанинъ“ за 1910 г. помѣщена статья игуменіи Екатерины: „Христіанство нашей школы и христіанство Слова Божія“¹⁾. Въ этой статьѣ игуменія, между прочимъ, столь нелестно отзывается о „Начаткахъ христіанскаго православнаго ученія“, что прямо удивляешься, какъ рѣшилась она такъ дискредитировать этотъ, можно сказать, классическій учебникъ по Закону Божію, притомъ—безъ всякаго достаточнаго основанія. Поэтому мы не можемъ пройти молчаніемъ то, что высказываетъ игуменія объ этомъ учебникѣ.

„Уже съ первыхъ строкъ учебника „Начатки православнаго ученія“, такъ начинается свою критику матушка игуменія, „мы находимъ выраженія сбивчивыя и толкованія произвольныя, удаляющіяся отъ библейскаго текста и смысла.

¹⁾ „Христіанинъ“ за 1910 г., стр. 576.

Возьмемъ разсказъ о сотвореніи человѣка. Библейское выраженіе: „вдохнулъ въ лицо его дыханіе жизни“, замѣнено словами: вдохнулъ (вдунулъ) въ него душу безсмертную. Далѣе, слѣдуютъ извѣстныя всѣмъ толкованія на слова: „образъ и подобіе Божіе“, образъ Божій не въ тѣлѣ, потому что Богъ безтѣлесенъ, но въ душѣ... Такъ учится вся грамотная Россія. А между тѣмъ, можно сказать не обинуясь, что такое уклоненіе отъ текста есть не только *искаженіе бессмысленное, но антихристіанское*, ибо колеблетъ самыя основы христіанскаго міровоззрѣнія. Для чего къ слову „душа“ прибавлено слово „безсмертная“? Какъ будто-бы душа противопоставляется чему-либо смертному? Развѣ что-либо было создано смертнымъ? „Богъ смерти не сотвори“, говоритъ пророкъ (Прем. Солом. 1 г.—13 ст.)“.

Итакъ, по мысли игуменіи, переводъ словъ: „вдохнулъ въ лицо дыханіе жизни“ словами: „вдунулъ въ него душу безсмертную“ есть переводъ бессмысленный, антихристіанскій, подрывающій основы христіанства... Что сказать игуменіи на такую ея критику? Прежде всего скажемъ, что прибавка слова „безсмертная“ къ слову „душа“ есть свято-отеческая. Такъ, блаженный Феодоритъ, толкуя обсуждаемый текстъ, говоритъ: „Божественный Моисей сказалъ, что Богъ вдунулъ въ человѣка душу. Душа есть духъ разумный и мыслящій. Душа проста и *безсмертна* ¹⁾. Такъ толкуютъ этотъ текстъ и всѣ Св. Отцы. Значитъ, въ „Начаткахъ“ сдѣлана обсуждаемая прибавка согласно толкованію свято-отеческому. Отсюда, если матушка игуменіи толкованіе въ „Начаткахъ“ назвала бессмысленнымъ и антихристіанскимъ, то эти эпитеты равно относятся и къ толкованію Св. Отца. Какъ видите, сказано очень смѣло и совсѣмъ не по монашески. Но для чего въ самомъ дѣлѣ въ „Начаткахъ“ къ слову „душа“ прибавлено слово „безсмертная“. Есть ли надобность въ такой прибавкѣ? Да, есть. Седьмой стихъ 2 г. кн. Бытія оканчивается такъ: „и бысть человѣкъ въ душу живу“. Приводя 7, ст., игуменія это выраженіе опустила; между тѣмъ оно то и служитъ поводомъ къ неперемѣнной прибавкѣ къ слову „душа“ слова „безсмертная“. Дѣло въ томъ, что при твореніи животныхъ Господь сказалъ: „да

¹⁾ Твор. Феодорита—6. 36. 38.

изведетъ земля душу живу. И земля, конечно, по слову Божію произвела эту душу. И человѣку черезъ *вдуновеніе* Господь далъ тоже душу живу („и бысть человѣкъ въ душу живу“). И животныя, значить, явились съ душою живою, и человѣкъ—съ душою живою. Невольно возникаетъ вопросъ, какое различіе между этими душами? То различіе, на которое указалъ блаженный Феодоритъ въ своемъ толкованіи на слова: „да изведетъ земля душу живу“... „Поелику, по писанію, говоритъ св. Феодоритъ, „душа всякаго животнаго кровь его есть“ (Лев. 17 г. 11 ст.), а сгустившаяся кровь, обыкновенно, обращается въ плоть и истлѣвшая плоть разлагается въ землю, то, по всей справедливости, душа скотовъ есть нѣчто земное. Не думай, что она старше тѣлеснаго ихъ состава и что она пребываетъ по разрушеніи тѣла ¹⁾. Иначе сказать, душа животныхъ по существу смертна, а душа человѣка безсмертна.

Конечно, душа человѣка и въ другихъ отношеніяхъ сильно разнится отъ души животныхъ, но указанное отличіе самое разительное, чего я думаю не можетъ отрицать и матушка игуменія. Итакъ, прибавка въ „Начаткахъ“ къ слову „душа“ слова „безсмертный“—не безсмысленна и не антихристіанская; ибо библейскій текстъ потребовалъ такой прибавки. Богъ создалъ человѣка для безсмертія; но изъ этого нисколько не вытекаетъ, что, на примѣръ, тѣло человѣка по существу своему было безсмертнымъ. Нѣтъ, по закону своей природы оно было смертно. Если же оно должно было не подлежать смерти, то это безсмертіе его имѣло быть порождено внѣшнею Силою, именно благодатію Божію черезъ посредство плодовъ древа жизни. Сей текстъ библіи: „Теперь какъ бы не простеръ онъ (Адамъ) руки своей и не взялъ также отъ дерева жизни и не вкусилъ и не сталъ жить вѣчно... И изгналъ Адама (изъ рая) и поставилъ... херувима и пламенный мечъ..., чтобы охранять путь къ дереву жизни“²⁾, сей текстъ со всею ясностію подтверждаетъ только что сказанное.

Обозвавъ прибавку слова „безсмертная“ къ слову „душа“ безсмысленною и антихристіанскою, матушка игуменія называетъ тоже безсмысленнымъ и антихристіанскимъ и даль-

¹⁾ Ibidem. I, 22.

²⁾ Быт. 3 г. 22—24 ст.

нѣйшее выраженіе „Начатокъ“: „образъ Божій не въ тѣлѣ, а въ душѣ“. „Библейскій текстъ, говоритъ матушка, таковъ: „И сотвори Господь человѣка по образу Своему сотвори его и вдуну въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. II г. 7 ст. (!) Стало быть, сначала данъ былъ образъ, а потомъ душа. На какомъ основаніи сдѣлано это измѣненіе библейскаго текста“, спрашиваетъ матушка? Да проститъ мнѣ игуменія, если я замѣчу ей, что такъ искажать текстъ св. Библии, какъ она искажила 7 ст. 2 г., нельзя. Дѣло въ томъ, что въ 7 ст. говорится далеко не то, что привела игуменія подъ указанной цитатой. Въ этомъ стихѣ по Библии говорится вотъ что: „И создалъ (а не сотворилъ) Господь Богъ человѣка (выраженія: „по образу Божію“ тутъ нѣтъ) изъ праха земного (а этого выраженія игуменія не привела) и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“. Искаженіе—очевидное. Теперь, если брать текстъ обсуждаемаго стиха въ редакціи игуменіи, то дѣйствительно выходитъ, что сначала былъ данъ образъ Божій, а потомъ уже дыханіе жизни или душа; но если брать этотъ стихъ въ Синодальной редакціи, то выходитъ совсѣмъ иное, именно: что сначала было создано изъ земли тѣло, а потомъ уже душа: по образу-ли Божію создано тѣло, или нѣтъ, объ этомъ въ текстѣ ничего не говорится. Откуда-же взяла игуменія, что именно тѣло создано по образу Божію, что оно *богоподобно*, какъ выразилась она. Тѣло—богоподобно!.. Вѣдь сказать такъ, это все равно, что сказать: душа трехъ-угольна!.. Вѣдь Господь Богъ, какъ чистѣйшій духъ, абсолютно ни въ чемъ не подобенъ чему-либо матеріальному! „Насъ учатъ, продолжаетъ игуменія: „что Богъ создалъ Адама непорочнымъ, т. е. совершеннымъ, а если совершеннымъ, то и прекраснымъ. И можно-ли допустить, чтобы Господь среди дивной велелѣпоты мірозданія сотворилъ царя природы *безобразнымъ!*“ Но кто-же утверждаетъ, что тѣло человѣка вышло изъ рукъ Творца *безобразнымъ?* Напротивъ, оно было по чудному своему устройству и виду прекраснѣйшимъ твореніемъ, вполне соответствующимъ душѣ человѣка. Такъ учатъ о тѣлѣ человѣка всѣ Св. Отцы. Но св. Іоаннъ Дамаскинъ совсѣмъ не такъ учитъ, возражаетъ матушка игуменія. „Вспомнимъ, говоритъ она, погребальную стихиру (Дамаскина): „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣхъ лежащую *по образу Божію созданную нашу красоту,*

безобразну... не имущую вида“. Душу-ли, спрашиваетъ игуменія, полагаемъ во гробъ и могутъ ли эти слова относиться къ душѣ неподлежащей нашему плотскому зрѣнію? Конечно, на основаніи этой пѣсни Дамаскина дѣйствительно выходитъ, что красота—тѣло создано по образу Божію. Но слѣдовало ли игуменіи въ данномъ случаѣ основываться на этомъ произведеніи Дамаскина? Нѣтъ. Матушка игуменія должна была для обоснованія своей мысли обратиться къ строго-догматическимъ сочиненіямъ этого св. мужа и искать въ нихъ себѣ поддержки. Но она этого не сдѣлала; а не сдѣлала потому, что св. Дамаскинъ на самомъ дѣлѣ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ стоитъ противъ игуменіи. Такъ, въ своемъ сочиненіи: „Точное изложеніе православной вѣры“ онъ говоритъ: „словомъ—по образу Божію означается сила ума и сила свободы“¹⁾. Значитъ, и Дамаскинъ образъ Божій полагаетъ въ умѣ и свободѣ человѣка, т. е. въ душѣ, а ни чуть не въ тѣлѣ человѣка. Если же въ погребальной пѣсни своей св. Іоаннъ и допустилъ выраженіе, какъ будто бы подтверждающее мысль игуменіи, то это онъ сдѣлалъ для болѣе нагляднаго представленія цѣнности тѣла человѣческаго. Иначе сказать—выраженіе: „по образу Божію созданную нашу красоту“ есть вмѣстѣ и гиперболическое и метафорическое... Гипербола-же и метафора вполне допустимы въ поэтическихъ произведеніяхъ, къ каковымъ, очевидно, относится и пѣснь „Плачу и рыдаю“... Итакъ, та мысль матушки игуменіи, что тѣло человѣка—богоподобно (создано по образу Божію) является въ обсуждаемой статьѣ совершенно бездоказательнымъ утвержденіемъ. Такова критика игуменіей рассказа о сотвореніи человѣка, изложеннаго въ „Начаткахъ христіанскаго православнаго ученія“.

Теперь поставимъ такой вопросъ: что побудило игуменію истолковать этотъ рассказъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ свято-отеческимъ толкованіемъ? Вотъ что. Составители настоящихъ учебниковъ по Закону Божію, говоритъ игуменія, особенно стараются вкоренить въ учащихъ твердое представленіе о противоположности, во-первыхъ, человѣческаго тѣла душѣ его и, во-вторыхъ, противоположности человѣка всему прочему творенію, какъ совершенно особен-

¹⁾ Точное излож. правосл. вѣры II, 12. 90 стр.

наго и отъ него отличнаго. Но такое направленіе сихъ учебниковъ, по мнѣнію матушки игуменіи, ведетъ къ протестантизму и къ другимъ рационалистическимъ сектамъ, для которыхъ въ религіи душа—все, а тѣло—ничто. И вотъ игуменія захотѣла услужить православію своими вышеприведенными доказательствами того, что будто-бы и по Писанію (именно въ первыхъ двухъ главахъ кн. Быт.) тѣло является равноцѣннымъ съ душою человѣческой, что и оно *богоподобно*. Но такъ какъ этой мысли нельзя было найти въ текстѣ Библии, то игуменія пришлось прибѣгнуть къ опущеніямъ и измѣненіямъ этого текста...

Священникъ Андрей Сагарда-Николенко.

Искусство говорить публично.

Едва ли кто будетъ спорить съ тѣмъ, какъ необходимо всякому человѣку, въ особенности же пастырю Церкви, въ наши дни умѣнье говорить свободно. Но въ дни жгучей потребности въ живомъ, свободно льющемся словѣ, въ личной дѣйствительности такъ мало у насъ людей, владѣющихъ этимъ чуднымъ даромъ. И не въ этомъ еще все наше горе. Многие изъ современныхъ людей, не владѣя словомъ, даже утверждаютъ, что дѣло ораторства—безнадежное дѣло для многихъ, что оно—удѣлъ только немногихъ избранниковъ, что ему учиться нельзя, что оно дается „свыше“, что это—„даръ Неба“ и т. д.

Намъ хотѣлось бы утверждать совершенно другое, а именно: на свѣтѣ всему можно учиться и всему можно, если не научиться, то въ значительной степени постигнуть мудрость изучаемой нами науки. Ходячій взглядъ на ораторовъ, которые будто бы говорили свои блестящія рѣчи совершенно безъ всякаго приготовленія, нужно бросить, какъ чистый вымыселъ или даже просто вздоръ. И выдающіеся ораторы такъ много готовились передъ произнесеніемъ своихъ рѣчей, что если бы мы въ настоящее время, хотя только отчасти, подражали имъ въ этомъ отношеніи, то были бы весьма выдающимися ораторами. Нельзя въ данномъ случаѣ не вспомнить словъ знаменитаго оратора Сарса: „Изъ фонтана бьетъ лишь та вода, которая въ него влита, и какъ ни

поворачивай кранъ импровизаціи, если фонтанъ пустъ, изъ него, кромѣ воздуха, ничего не выйдетъ“. Припоминается въ данную минуту и другой выдающійся авторитетъ древности по вопросу о томъ, какъ научиться говорить публично, а именно—всѣмъ намъ извѣстный еще со школьной скамьи Демосѣенъ. Кто изъ насъ, желающихъ говорить публично, положи руку на сердце, можетъ сказать, что онъ потрудился, кромѣ своего желанія говорить, еще хотя бы только отчасти, и подражалъ древнему оратору въ его поразительныхъ трудахъ надъ самимъ собою, надъ обработкой не только психики своей, но всей внѣшней фигуры своей, начиная съ шепеляваго языка!

Въ настоящей бѣглои замѣткѣ хотѣлось бы сдѣлать хотя нѣсколько указаній, какъ выдающіеся ораторы—проповѣдники, адвокаты, профессора, общественные дѣятели учились искусству говорить публично. Можетъ быть, эта краткая замѣтка у многихъ разсѣетъ страхъ предъ кафедрой и дастъ возможность многимъ научиться говорить, если не ораторски, то все же говорить свободно.

Читатель, посмотрите слѣдующія краткія замѣтки о томъ, какъ учились многіе ораторы искусству говорить публично, и извлеките изъ нихъ для себя практической урокъ.

Кошанъ. „Никогда,—говорятъ Клэръ и Клаппье,—онъ не являлся передъ судомъ, не написавъ того, что долженъ былъ сказать. Этотъ трудъ,—прибавляютъ они,—выполнявшійся имъ въ продолженіе долгаго времени, доставилъ ему такую легкость рѣчи, что подъ конецъ своей жизни онъ счелъ возможнымъ попытать счастья въ импровизаціи“. Если бы Кошанъ, съ этого времени, сдѣлался замѣчательнымъ импровизаторомъ, это послужило бы доводомъ въ пользу Цицероновскаго метода. Но біографы заканчиваютъ такъ; „Все же дѣлаемая имъ замѣтки были такъ пространны, что могли сойти за настоящія рѣчи“.

Достаточно прочесть одну изъ рѣчей Кошана, чтобы убѣдиться въ томъ, что языкъ знаменитаго адвоката нисколько не походитъ на разговорный.

Жербье. Его окрестили „царемъ французской адвокатуры“, и это прозвище не преувеличено, если вѣрить Клэру и Клаппье, рассказывающимъ о впечатлѣніи, которое производилось его краснорѣчіемъ. Въ наши дни одинъ только

Лашо извѣдалъ такіе громкіе триумфы. На первый взглядъ Жербье можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, которыхъ Цицеронъ обвинялъ, что они ничего не написали, съ цѣлью упрочить за собой непоколебимую славу въ потомствѣ. Дѣйствительно, послѣ него почти ничего не осталось. Тѣмъ не менѣе, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что и не было привычки писать. „Онъ подготавливался медленно,—говорять его біографы,—онъ покрывалъ замѣтками большіе листы бумаги и изъ всего написаннаго ничего не произносилъ,—съ такою же медленностью онъ почти все зачеркивалъ; оставалось не болѣе двадцати строчекъ, да и то не столько въ видѣ фразъ, сколько въ видѣ геометрическихъ формулъ“. Жербье старательно скрывалъ свои приемы (такъ же, впрочемъ, какъ теперь дѣлаютъ многіе ораторы), и увѣрялъ, что онъ всегда отдавался своей природной фантазіи. Но до пожара судейской бібліотеки Лебернье видѣлъ наброски рѣчей Жербье, весьма подробныя, со вступленіемъ и заключеніемъ. Нѣкоторыя вступленія возобновлялись по три раза и подготавливались подъ тремя различными формами.

Дюпанъ. Никогда ни одинъ импровизаторъ не посвящалъ столькихъ ночей обдумыванію своихъ ораторскихъ произведеній. Онъ являлся въ засѣданіе и на кафедрѣ, „на столько уже владѣя предметомъ, что не опасался болѣе ничего“. Равнымъ образомъ, когда онъ беретъ говорить, не обработавъ въ достаточной мѣрѣ своей темы,—какое разочарованіе для слушающихъ его! Онъ становится такъ же неровенъ, какъ Беррье: „слова застреваютъ въ пути. Какъ онъ ни топаетъ ногой о землю,—ничего не выходитъ. Какой урокъ для молодыхъ ораторовъ, воображающихъ, что можно разочитывать на проблематическія выгоды божественнаго ораторскаго вдохновенія!

Филиппъ Дюпанъ обладалъ тѣми же свойственными дарованіями, какъ и его братъ. Тѣ же трудолюбивыя приготовленія и та же наружная легкость рѣчи на кафедрѣ. Онъ также не разъ сожалѣлъ, что недостатокъ времени не позволяетъ ему на свободѣ обдумывать всѣ свои рѣчи, и онъ же, примѣняя въ другой формѣ изреченія Полліона, выразился, что „если бы Цицерону и Демосѣену приходилось такъ же часто говорить, какъ намъ, они не были бы ни Цицерономъ, ни Демосѣеномъ“.

Тьеръ. Въ большинствѣ случаевъ онъ подготовлялся къ своимъ самымъ важнымъ рѣчамъ, не написавъ изъ нихъ ни слова; но раньше, чѣмъ показаться на кафедрѣ, онъ ихъ уже произносилъ три или четыре раза. Онъ предавался этому занятію въ своемъ салонѣ. Онъ завладѣвалъ однимъ изъ своихъ гостей и выпускалъ его, лишь выпаливъ весь свой фейерверкъ, заготовленный къ завтрашнему дню.

Корменанъ высказываетъ видимое удивленіе передъ этимъ человѣкомъ, обдумывающимъ безъ усилія и творящимъ безъ—устали. „Мысль,—говоритъ онъ,—такъ быстро зарождается въ этомъ мозгу, такъ быстро, что нужно подумывать, будто она является на свѣтъ раньше, чѣмъ быть зачата. Его слова летятъ, какъ крылья колибри“.

Викторъ Гюго. Великій поэтъ съ большой проницательностью постигъ сущность импровизаціи. „Импровизація,—писалъ онъ,—заключаетъ въ себѣ предварительное обдумываніе. Слѣдствіемъ обдумыванія является то, что во время рѣчи слова не являются произвольно; продолжительная работа мысли облегчаетъ непосредственное созрѣваніе выраженія. Импровизація—не что иное, какъ внезапное и произвольное открытіе резервуара, называемаго мозгомъ; но нужно, чтобы этотъ резервуаръ былъ полонъ. Отъ полноты мысли зависитъ богатство рѣчи. Въ сущности, то, что вы импровизируете, кажется новымъ для слушателей, но старо для васъ. Говорить хорошо тотъ, кто расточаетъ размышленія цѣлаго дня, недѣли, мѣсяца, а иногда и цѣлой своей жизни въ рѣчи, которая длится часъ!“

„Истиннымъ ораторомъ можетъ быть лишь тотъ, кто пишетъ свои рѣчи!“

Леонъ Дуваль вносилъ столько старанія въ составленіе своихъ рѣчей, что онъ, безъ сомнѣнія, не могъ ихъ часто говорить. Сначала онъ отправлялся въ бібліотеку. „Онъ работалъ тамъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, вынувъ изъ снабженныхъ надписями бумагъ требуемую рѣчь, старательно завернутую въ пергаментную обертку. Онъ оставался съ нею вполнѣ наединѣ, вычеркивая, отмѣчая, приписывая... Часто можно было наблюдать также, какъ онъ останавливался, поспѣшно подходилъ къ столу публичнаго писца (тогда еще таковыя существовали въ судѣ) и, не говоря ни слова, завладѣвалъ перомъ, которое затѣмъ, не благодаря,

кзаль на мѣсто... Въ результатѣ этихъ долгихъ приготовленій являлась рѣдкая и, если не считать недостатка теплоты, превосходная рѣчь. Всѣ слова въ ней были опредѣленны, и каждое было на своемъ мѣстѣ. Онъ никогда не училъ наизусть,—этотъ низшаго сорта пріемъ былъ бы недостойнъ его таланта. Но онъ такъ сживался съ каждой изъ своихъ фразъ, онъ такъ долго ее лелѣялъ, что мысленно видѣлъ всѣ ея мелкія черты, до знаковъ препинанія включительно, указывающихъ распредѣленіе паузъ.

Эрнестъ Легувэ ничего не предоставлялъ импровизаціи. Онъ съ необыкновеннымъ стараніемъ писалъ свой докладъ съ начала до конца и, по окончаніи этого перваго труда, просилъ свою жену, дѣтей, кого-нибудь изъ своихъ друзей прослушать его. Онъ образовывалъ себѣ публику и слѣдилъ за впечатлѣніемъ, производимымъ на его благосклонныхъ слушателей по выраженію ихъ лицъ. Всякая подробность, которая, казалось, ихъ утомляла, всякая острота, не вызвавшая ихъ улыбки, была немилосердно вычеркиваема. Разъ оставивъ, съ одобренія своей семьи, докладъ и обладая текстомъ, онъ брался за другую работу, не менѣе копотливую: упражнялся въ произношеніи его. Учасъ произносить текстъ, онъ укрѣплялъ его въ своей памяти. Легувэ оставилъ небольшое количество докладовъ; всѣ они—образцовыя произведенія.

Францискъ Сарсэ съ самаго начала заявляетъ намъ попросту, что у него нѣтъ памяти. Но пусть это васъ не вводитъ въ заблужденіе. Это значитъ только, что онъ не можетъ учить наизусть. Въ сущности же каждому извѣстно, что онъ пользуется самымъ невѣроятнымъ запасомъ воспоминаній, какой только можетъ удержаться въ человѣческомъ мозгу. Не ждите также услышать отъ него какую-нибудь вѣщность по поводу ораторскаго вдохновенія. Ораторское вдохновеніе! Онъ не вѣритъ больше этой шуткѣ, послѣ одной непріятности, случившейся съ нимъ въ зимнемъ циркѣ, въ адосчастный день, когда добрая богиня безцеремонно бросила его на произволъ судьбы. И вотъ со своимъ тонкимъ добродушіемъ Сарсэ заявляетъ, что изъ фонтана бьетъ лишь та вода, которая въ него влита, и что, какъ ни поворачивай кранъ импровизаціи, „если фонтанъ пустъ, изъ него, кромѣ воздуха, ничего не выйдетъ“ („Хер. Е. В.“).

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Миссіонерскій кружокъ въ селѣ Озерянкѣ,
Харьковскаго у.

(Окончаніе *).

Вскорѣ послѣ этого наши занятія неожиданно посѣтилъ уѣздный книгоноша-миссіонеръ Золочевскій. Посидѣвъ до конца и выслушавъ все, онъ сказалъ нѣсколько словъ курсистамъ объ обязанностяхъ всѣхъ христіанъ наставлять другъ друга въ вѣрѣ и о великомъ значеніи предъ Господомъ дѣла обращенія заблуждшихъ. Посѣщеніе курсовъ и наставленіе Золочевскаго были въ высшей степени благовременны. Они окончательно поддержали упавшій духъ моихъ братчиковъ, снова вселивъ въ нихъ любовь и ревность къ изученію слова Божія. Главное—же, что особенно повліяло на нихъ, это то, что простой крестьянинъ, такой же какъ и они, такъ прекрасно знаетъ слово Божіе, что свободно можетъ вступать въ диспуты съ сектантами.

По окончаніи, я просилъ Золочевскаго пріѣхать еще разъ, чтобы въ школѣ устроить примѣрную бесѣду сектанта съ православнымъ. Золочевскій охотно согласился и по общему соглашенію день для бесѣды былъ назначенъ на 28-ое марта. Въ этотъ день, не взирая на плохую погоду, послушать бесѣду собралось довольно много народу, причемъ нѣкоторые явились изъ Мерефы. Для примѣрной бесѣды съ Золочевскимъ, за неимѣніемъ тогда еще въ приходѣ сектантовъ, кромѣ хлыстовъ, скрыто содержащихъ свою вѣру, съ сектантскими доводами выступилъ я.

Бесѣду люди слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Кратко разобраны были вопросы о храмѣ, о крестѣ, объ иконахъ, о недостойныхъ іереяхъ и проч. Бесѣда затянулась до сумерокъ съ 2 ч. дня. По окончаніи диспутовъ, присутствующимъ были розданы листки о. Вас. Черкесова и брошюры „Бога бойтесь, царя чтите“.

На одномъ изъ послѣдующихъ собраній нѣкоторыми братчиками было заявлено о томъ, что сектантство уже проникло въ Мерефу и уноситъ немало жертвъ, и что тамъ

*) См. ж. „В и Р.“, от. Извѣстій и Замятокъ № 8 за 1911 г.

устраиваются даже открытыя моленія. Выяснилось также, что одинъ изъ монахъ прихожанъ, А. Бережной, уже заразился баптизмомъ. Последний въ это время присутствовалъ въ качествѣ слушателей вмѣстѣ съ другими посѣтителеми. По окончаніи своихъ занятій, я началъ вести рѣчь „объ иконахъ“ и предложилъ нѣсколько вопросовъ Андрею. Возражая мнѣ, онъ началъ вычитывать изъ св. Писанія цѣлыя главы „объ идолахъ“. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось предъ всѣми, что Бережной вполне поддавался вліянію сектантовъ, отпавъ отъ истиннаго стада Христова. Это проникновеніе баптизма и въ мой приходъ заставило членовъ кружка болѣе подробно поговорить о Мерефянскихъ сектантахъ. Съ достовѣрностью выяснилось, что въ Мерефѣ уже имѣется баптискій пресвитеръ, нѣкій Макогонъ, съ двумя помощниками, нанять спеціальныи домъ для сектантскихъ собраній, которыя посѣщаютъ сектанты даже изъ Харькова и мой Андрей. Слишкомъ тяжело и больно было принимать эту дѣйствительность.

Выясненіе этого печальнаго событія побудило насъ еще усерднѣе заниматься начатымъ дѣломъ, причемъ библіи оставались у братчиковъ по недѣлямъ для лучшаго уясненія ими пройденнаго.

Съ 16-го, по общему соглашенію, занятія были прекращены. До этого времени, съ Божьею помощью, пройдены нами по размѣченнымъ библіямъ большая половина пререкаемыхъ сектантами вопросовъ. Библіи братчики взяли съ собою для повторенія въ свободные часы пройденнаго. Братчики общались слѣдить за развитіемъ сектантства въ сосѣднихъ селеніяхъ и оповѣщать меня въ случаѣ развитія его въ своемъ приходѣ.

Послѣ каникулъ съ 15-го сент. занятія наши пошли прежнимъ чередомъ. Между прочимъ, на одномъ изъ собраній два братчика, посланные мною на собраніе сектантовъ въ Мерефѣ, рассказали о своемъ путешествіи. Въ бесѣду съ сектантами вступить не пришлось. Сектанты прямо заявили: „или слушайте молча наши моленія, или убирайтесь откуда пришли“. Какъ ужъ эти самозванцы боятся свѣта, чуть что не поихнему, сейчасъ къ остракизму. Впрочемъ, каждому пастырю виднѣе, что дѣлать. Можетъ быть, иногда и молчаніе больше принесетъ пользы, чѣмъ публичное огла-

неніе сектантскаго фарисейства. Хотя и слова ап. Павла не слѣдуетъ забывать: „согрѣшающіе обличай предъ всеми, дабы и прочіе страхъ имѣли“ (I Тим. 5—20).

8-го ноября 1910 г. исполнился годъ отъ начала нашихъ занятій и по этому случаю въ мѣстномъ храмѣ былъ отслуженъ молебенъ о вразумленіи заблуждшихъ.

Наконецъ, 20-го ноября теоретическія занятія наши и замѣтки по библіи были закончены. Рѣшено было съ этого времени собираться не еженедѣльно, а только по особому приглашенію священника. По такому приглашенію 1-го янв. 1911 г. собрались всѣ исключительно для практическихъ занятій. Нельзя сказать, чтобы своими отвѣтами братчики обнаружили достаточныя знанія, но все-же разбирались въ библіи, и хотя не скоро, но находили должные тексты. Да и трудно рассчитывать на обширность знаній у малограмотныхъ людей, но несомнѣнно то, что орудіе для борьбы съ сектантствомъ дано, а ужъ отъ cadaго зависѣло научиться хорошо владѣть имъ.

Въ продолженіе 35 собраній пройдены по библіи всѣ мѣста въ защиту православной вѣры Христовой и всѣ необходимые пункты и тексты отмѣчены. Польза такихъ размѣтокъ, предложенныхъ покойнымъ о. Черкесовымъ, между прочимъ состоитъ въ томъ, что въ случаѣ смерти братчика, или оставленія имъ изученія библіи, послѣдняя можетъ быть вручена другому, которому, такимъ образомъ, представляется возможность, безъ руководства, самому изучать слово Божіе.

Народная миссія во главѣ съ приходскимъ пастыремъ есть сильнѣйшій камень преткновенія для всякаго сектантскаго движенія, а посему надлежитъ всѣмъ намъ съ особою ревностью и любовью взяться за организацію миссіонерскихъ кружковъ. Справедливо говоритъ епархіальный миссіонеръ Кальневъ: „Наша миссія тогда лишь станетъ на истинный свой путь, когда станетъ миссіей народной, когда обопрется въ борьбѣ съ врагами церкви на забытыхъ членовъ ея, на лучшихъ людей въ приходѣ. Закрывать глаза на сектантское движеніе, игнорировать его не долженъ никто, особенно наше православное духовенство, если не хочетъ само оттолкнуть отъ себя лучшихъ людей церкви, ожидающихъ отъ него духовнаго хлѣба“.

Итакъ, други Христовы, любезные соратники и труженники на нивѣ Христовой: „не будемъ спать, какъ прочіе; но будемъ трезвиться и бодрствовать“ (Сол. 5, 6), всегда памятуя слова Господа чрезъ пророка Іезекіиля всѣмъ намъ: „Я поставилъ тебя стражемъ дому Израилеву, и отъ рукъ твоихъ взыщу кровь каждаго, погибающаго въ беззаконіи, если ты не вразумлялъ его отъ беззаконнаго пути его“ (Іез. 3, 17—18).

Да не убоимся-же страха „идеже не бѣ страхъ“, но смѣло скажемъ врагамъ вѣры и отечества нашего: „враждуйте народы, но трепещите и внимайте всѣ отдаленныя земли: Вооружайтесь, но трепещите! Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо съ нами Богъ! (Ис. 8 г. 9—10).

Свящ. К. Владыковъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

19-ое февраля н. г. въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ (Купянского уѣзда).

Пятидесятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости отпразднованъ Сватово-Луцкими школами весьма торжественно. Въ этотъ великій и знаменательный для русскаго народа день учащіяся всѣхъ школъ собрались въ обширномъ помѣщеніи Андреевской церковно-приходской школы, чтобы своими чистыми—дѣтскими устами помянуть добрымъ словомъ Царя Освободителя, снявшаго съ ихъ предковъ узы крѣпостничества, жившаго исключительно для своего народа и въ устройствѣ его благосостоянія, видѣвшаго цѣль своей правительственной дѣятельности... Не трудно было замѣтить, какою радостію сіяли дѣтскія лица, какой невыразимый восторгъ вызывали въ ихъ душахъ пѣсни и стихи, посвященные событію 19 февраля! Памятенъ будетъ имъ этотъ день, и едва-ли когда они забудутъ о немъ!!!

Празднованіе началось съ 1 часа дня. Къ этому времени прибыли въ школу приглашенные гости: мѣстный судебный слѣдователь П. Т. Свренко, земскій начальникъ Е. В. Даниловъ, земскій врачъ В. А. Плющъ, ветеринарный врачъ В. А. Сербиновъ, начальникъ депо при станціи „Сватово“ И. И. Антошинъ, завѣдующій имѣніями

крестьянскаго Поземельнаго Банка Ѡ. М. Яшиченко и много другихъ лицъ. Когда всѣ присутствующіе размѣстились по указаннымъ мѣстамъ, на специально устроенное возвышеніе поднялся протоіерей о. Михаилъ Чернявскій; въ своей рѣчи онъ раскрылъ значеніе празднуемаго событія и объявилъ засѣданіе открытымъ. Всѣ учащіе и учащіяся тотчасъ же подъ управленіемъ учителя двухкласснаго министерскаго училища Д. Г. Шидловскаго исполнили совмѣстно съ духовымъ оркестромъ воспитанниковъ второкласной школы національный гимнъ „Боже, Царя храни!“... Когда гимнъ былъ исполненъ, учительница желѣзнодорожнаго четырехкласснаго училища А. Ѡ. Федоровская прочла историческій очеркъ: „Какъ прекратилось на Руси крѣпостное право“ (Изд. Всероссійскаго національнаго клуба); послѣ чего вышелъ ученикъ двухкласснаго министерскаго училища и, обратясь къ портрету Императора Александра II, произнесъ прекрасное стихотвореніе Лукашевича „Александрю-Освободителю“. Послѣ этого, завѣдующимъ второкласною школою, священникомъ Николаемъ Чернявскимъ прочитано было: „Посланіе къ Харьковской паствѣ“ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, произведшее на слушателей, видимо, сильное впечатлѣніе. Вслѣдъ за симъ, учащіеся подъ управленіемъ старшаго учителя второкласной школы Я. А. Чернявскаго спѣли: „Ахъ ты воля“ (пѣсня въ память 19 февраля, слова Нестерова, муз. Клеповскаго), „Многи лѣта, православный Русскій Царь“ (слова Жуковскаго на мотивъ Преображенскаго марша); „День встаетъ багрянъ и пышенъ“ (стих. Аксакова—въ брошюрѣ Всероссійскаго національнаго клуба). Послѣ каждой пѣсни учащіеся всѣхъ школъ говорили стихи, посвященные чествуемому событію. Затѣмъ, оркестръ исполнилъ дважды (по желанію публики): „Коль славенъ нашъ Господь“... Въ заключеніе, по усиленной просьбѣ публики, хоромъ и оркестромъ четыре раза исполненъ былъ гимнъ „Боже, Царя храни“!!! Когда гости разошлись, учащимся розданы были сласти: конфекты, пряники и орѣхи, кои прибрѣтены были щедрыми попечителями школъ І. В. Бабинымъ, А. В. Передѣльскимъ и Н. П. Ткачевымъ.

Такъ оживленно проведенъ былъ день 19 февраля учащими и учащимися Сватово-Луцкихъ школъ!

Описывая празднованіе настоящаго торжества, нельзя, по чувству справедливости, умолчать о дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ изъ педагогическаго міра, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ. Такъ, много потрудилась по устройству декораций учительница земской школы Е. П. Ткаченко. Не мало труда

приложилъ по организаціи общаго хора учитель Я. А. Чернявскій, который своимъ искусствомъ доставилъ присутствовавшимъ большое удовольствіе. Слѣдуетъ отдать должную справедливость учителю Д. Г. Шидловскому. Послѣдній взялъ на себя совершенно безвозмездно тяжелый трудъ организаціи духового оркестра при мѣстной второклассной школѣ и за короткое время достигъ блестящихъ результатовъ, благодаря своимъ рѣдкимъ музыкальнымъ способностямъ и энергіи: въ самомъ дѣлѣ, за какіе-нибудь шесть—семь мѣсяцевъ нѣвольники, нивогда не державшіе въ своихъ рукахъ музыкальныхъ инструментовъ, исполняютъ на торжествѣ: „Коль славень“, „Боже, Царя храни“, и исполненіе это вызываетъ въ слушателяхъ восторгъ; слышались даже громкія заявленія такого рода: „Слава и честь Шидловскому“, или: „Такой оркестръ годится для любого города“ и т. д.

Священникъ Николай Чернявскій.

Памяти протоіерея Іоанна Гавриловича Ѳедоровскаго.

15-го апрѣля сего 1911 года на 63-мъ году жизни своей тихо скончался въ г. Харьковѣ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни настоятель Харьковской Всѣхсвятской церкви, протоіерей Іоаннъ Гавриловичъ Ѳедоровскій. Сынъ протоіерея г. Харькова Іоаннъ Гавриловичъ родился 7-го января 1849 года; обучался въ Харьковской Духовной Семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ. Службу свою почившій началъ въ 1871 году учителемъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ; въ 1872 году рукоположенъ во священника къ Іоанно-Предтечевской церкви с. Озерянки, Харьковскаго уѣзда; въ 1874 году перемѣщенъ къ Іоанно-Богословской церкви с. Ивановки того же уѣзда; въ 1876 году—къ Митрофаніевской церкви с. Кузюмовки, Купянскаго уѣзда; въ 1884 году—въ городъ Валки сначала къ Рождество-Богородичной церкви, затѣмъ въ 1896 году—къ Собору съ возведеніемъ въ санъ протоіерея и, наконецъ, въ 1907 году—въ городъ Харьковъ къ Дмитриевской церкви, а въ 1910 году—къ Всѣхсвятской кладбищенской, гдѣ Господу Всемогущему угодно было прекратить его земное странствованіе, исполненное многихъ бѣдъ, скорбей и страданій...

Почившій былъ пастырь добрый, образцовый законоучитель, примѣрный семьянинъ и доброй души человекъ.

Какъ пастырь добрый, онъ „душу свою полагалъ за овецъ

своихъ“, и днемъ и даже ночью совершая требы для нихъ; служе-
ніе его было торжественно-умилительное, проповѣди—назидательны;
онъ всякому вопрошающему,—а ихъ такъ много теперь,—всегда
давалъ вразумительный отвѣтъ.

А сколько онъ безропотно, честно и аккуратно несъ должностей
но Епархіальному Управленію?

Онъ былъ блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ
народныхъ училищахъ, членомъ и затѣмъ предсѣдателемъ Отдѣленія
Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, уполномоченнымъ въ Валковской
городской Думѣ, директоромъ тюремнаго Комитета, членомъ благо-
чынническаго Совѣта, помощникомъ благочиннаго и 17 лѣтъ благо-
чиннымъ 1-го Валковскаго округа; затѣмъ, въ Харьковѣ—членомъ
Совѣта Озерянскаго Братства, предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи
по провѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ церквей и монастырей
епархіи; наконецъ, будучи уже больнымъ, но скрывая свой смер-
тельный недугъ, почившій, по порученію Епархіальнаго Начальства,
обревизовалъ вмѣстѣ съ протоіереемъ о. Николаемъ Любарскимъ
шесть монастырей епархіи.

Какъ благочиннаго, духовенство любило его за прямой харак-
теръ, за его доброе отзывчивое сердце и безкорыстіе, за его умѣнье
оставаться самымъ близкимъ и задушевнымъ товарищемъ при пол-
номъ сохраненіи всѣхъ достоинствъ начальника и руководителя. За
усердную и ревностную службу онъ неоднократно получалъ Архи-
пастьрскія благодарности и благословенія и удостоенъ всѣхъ наградъ
до ордена св. Анны 2-й ст. включительно.

Какъ законоучитель добрый и отзывчивый, онъ щедрой рукой
свѣялъ въ дѣтскихъ сердцахъ „разумное, доброе, вѣчное“, и теперь
ему „спасибо сердечное“ часто приходится слышать въ Валкахъ отъ
бывшихъ учениковъ его.

Семьянинъ онъ былъ примѣрный: любящій супругъ и попечи-
тельный отецъ. Но Богъ посылалъ ему въ семейной жизни много
тяжкихъ испытаній: старшая дочь его Марія умерла вскорѣ по вы-
ходѣ замужъ, оставивъ вдовцомъ священника о. Маркіана Федоров-
скаго, сынъ Борисъ, подававшій большія надежды, на II курсѣ СПб.
Духовной Академіи заболѣлъ психическимъ разстройствомъ, младшая
дочь Анна—нервнобольная. Тяжелый крестъ достался почившему
отцу протоіерею въ семейной жизни его; онъ изнемогалъ подъ тя-
жестью этого креста, но безропотно донесъ его до могилы: онъ пилъ
горькую чашу и выпилъ ее до дна...

Какъ человекъ, онъ былъ добръ, кротокъ, милосердъ, миролюбивъ, снисходителенъ ко всѣмъ, кромѣ себя, преисполненъ любви даже ко врагамъ своимъ...

17-го апрѣля, въ Омино воскресенье, при громадномъ стеченіи народа отданъ былъ послѣдній долгъ дорогому отцу протоіерею; заупокойную литургію и чинъ погребенія въ Харьковской Всѣхсвятской церкви торжественно совершилъ Ректоръ Духовной Семинаріи, протоіерей о. Алексій Юшковъ, въ сослуженіи 11-ти протоіереевъ и священниковъ (изъ нихъ одинъ—изъ г. Валокъ) и 7 діаконовъ. Умижительно пѣлъ мѣстный хоръ; сослуживецъ покойнаго священникъ о. Николай Кратировъ сказалъ предъ погребеніемъ глубоко-прочувствованную прощальную рѣчь.

Съ грустью узнали Валки о смерти любимаго ими пастыря, и въ день смерти его послѣ всенощнаго бдѣнія въ Валковскомъ Соборѣ протоіерей о. Андрей Новскій соборнѣ съ городскими священниками отслужилъ панихиду по новопредставленномъ рабѣ Божіемъ протоіереѣ Іоаннѣ. Соборъ едва вмѣщалъ молящихся... Многіе плакали и горячо молились объ упокоеніи души того, кто изъ 40 лѣтъ своей служебно-пастырской дѣятельности большую и лучшую половину отдалъ г. Валкамъ. Послѣ панихиды о. благочинный, по желанію Валковскаго духовенства, послалъ соболѣзную телеграмму вдовѣ покойнаго.

А ты, добрый и вѣрный рабъ Христовъ, примѣрный труженикъ на нивѣ Божіей, войди въ радость Господа Твоего! Да упокоитъ Онъ, Всеблагій, твою чистую душу въ селеніяхъ праведныхъ. И образъ твой да запечатлѣется въ сердцахъ священно-служителей знавшихъ и любившихъ тебя и да побуждаетъ онъ ихъ достойно проходить высокое, но крайне тяжелое званіе свое, мужественно переносить бѣдствія, скорби и страданія, безропотно нести свой жизненный крестъ и безстрашно—иногда и противъ теченія—плыть по бурному житейскому морю...

Города Валокъ Благовѣщенской церкви
Священникъ Павелъ Курской.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Постановленія Казанскаго Епархіальнаго Съѣзда духовенства о борьбѣ съ пьянствомъ.

Епархіальный Съѣздъ духовенства Казанской епархіи выработалъ слѣдующія мѣры и пожеланія для борьбы съ пьянствомъ.

1) Духовенство считаетъ пьянство позорнымъ для христіанина, источникомъ безчисленныхъ бѣдствій и признаетъ, что преступно и грѣшное вышучиваніе великаго и крайне труднаго дѣла борьбы съ пропойствомъ. О семъ должна быть обязательна для всѣхъ священниковъ епархіи неустанная, живая проповѣдь какъ съ церковнаго амвона, такъ и внѣ храма, при всѣхъ случаяхъ пастырской практики.

2) Личный примѣръ трезвой жизни священно-служителей, исправныхъ, непьющихъ, свидѣтельствующихъ всѣмъ своимъ поведеніемъ о согласіи ихъ жизни съ тѣмъ словомъ о вредѣ пьянства, которое они должны неустанно проповѣдывать, будетъ всегда лучшимъ образцомъ для прихожанъ; поэтому духовенство ни само не можетъ угощать прихожанъ водкой, особенно же на помочахъ, ни у прихожанъ принимать угощеніе ею и пивомъ недомашняго приготовления, подъ опасеніемъ строгаго выговора и отвѣтственности; виновные въ проступкахъ, содѣянныхъ въ пьяномъ видѣ, подлежатъ двойному наказанію, какъ за самый проступокъ, такъ и за предра-сположившее къ нему пьянство.

3) Духовенство обязано до самоотверженности энергично и непреклонно опротестовывать всѣ мірскія выпивки, въ томъ числѣ и во время приемовъ со св. чудотворными иконами, когда, подъ предлогомъ угощенія ходовыхъ монаховъ, пьянствуютъ всѣ любители каровой выпивки. Напротивъ, встрѣчи св. чудотворныхъ иконъ и ходы съ ними со всенароднымъ пѣніемъ нужно поставить на такую высоту, чтобы они были могучими орудіями отрезвленія народа и торжества православія.

4) Долгъ пастырства побуждаетъ безбоязненно обличать шинкарей и буйную молодежь.

5) Передъ престольными праздниками, свадьбами и гуляньями рекрутовъ неперемѣнно слѣдуетъ самымъ настойчивымъ образомъ высказать всю неблаговидность оскорбленія пьянствомъ и всѣми его безобразными послѣдствіями святости праздниковъ, таинства брака и важности подготовки къ служенію въ христіанскомъ воинствѣ.

При этомъ выясненіи объявить прихожанамъ, что присутствіе въ храмѣ при бракосочетаніяхъ пьяныхъ и безобразно себя ведущихъ лицъ будетъ служить для священника достаточной причиной къ отказу отъ совершенія таинства.

6) Должно широко развить чтенія о громадномъ вредѣ пьянства въ религіозно-нравственномъ, гигиеническомъ, общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ, чтенія сопровождать общимъ пѣніемъ и тѣневыми картинами, при помощи которыхъ можно наглядно показать и объяснить, какой вредъ организму человѣка приноситъ неумѣренное употребленіе вина; вывѣсить понятныя и убѣдительныя для всѣхъ, художественно исполненныя въ нѣсколько красокъ, наглядныя картины: 1) „Въ минуты трезвости“ (ц. 20 к.), 2) „Жизнь трудолюбиваго и честнаго человѣка“ (ц. 15 к.), 3) „Жизнь лѣниваго и порочнаго человѣка“ (ц. 15 к.), 4) „Внѣшній видъ и здоровыя внутренности трезвенника“ (ц. 30 к.), 5) „Внѣшній видъ и пораженныя внутренности алкоголика или пьяницы“ (ц. 30 к.)—на папертяхъ храмовъ, въ церковно-приходскихъ школахъ и около мірскихъ караулокъ, гдѣ собираются сельскіе сходы; кромѣ того около караулокъ и въ школахъ вывѣсить еще рисунки, изображающіе вліяніе алкоголя на печень и желудокъ человѣка. Для руководителей тоже—на церковныя средства слѣдуетъ выписать въ каждый приходъ издаваемый Александро-Невскимъ Обществомъ Трезвости въ С.-Петербургѣ журналъ „Трезвая Жизнь“ ц. 1 р. или также недорогой журналъ „Трезвые Выходы“. Кромѣ того для отвлеченія населенія отъ нехристіанскаго провозженія праздничныхъ вечеровъ зимой полезно вести бесѣды по улучшенію сельскаго хозяйства, о самомъ благородномъ развлеченіи—пониманіи премудрости Божьяго міра и о громадномъ значеніи с.-х. труда, а по лѣтамъ—производить опыты, наблюденія и обмѣнъ мнѣній на пчельникахъ, въ садахъ, питомникахъ и т. п. небольшихъ приходскихъ показательныхъ с.-х. станціяхъ.

7) Для того, чтобы на священниковъ не навлечь гнѣвъ прихожанъ въ сплпно пьянствующихъ селахъ, и чтобы пастырей не винили за начало борьбы съ пьянствомъ, распоряженія Св. Синода, почившаго Владыки и утвержденныя здравствующимъ Архипастыремъ постановленія Епархіальнаго Съѣзда духовенства напечатать 100—500 экз. на каждый приходъ для раздачи народу въ храмѣ съ нѣкоторыми изданіями Казанскаго и Александро-Невскаго Обществъ трезвости, и вообще книгами, брошюрами и листками, ясно изображающими и описывающими весь вредъ, всю пагубу отравле-

ня алкоголемъ, на что необходимо изыскать небольшія особыя средства: выписку картинъ, иллюстрированныхъ книжекъ для чтенія и листовъ производить черезъ Братство Свят. Гурія, Консисторію, Предсѣздную Коммиссію или другое учрежденіе, для котораго по предложенію Съѣзда окажется удобнѣе выполнить это порученіе. Этотъ расходъ на нужды прихода сторицею возвратится.

8) Рекомендовать открытіе отдѣловъ Общества трезвости съ широкимъ привлеченіемъ въ нихъ всѣхъ классовъ общества для большей успѣшности дѣла.

9) Вездѣ и всегда, а особенно тамъ, гдѣ по какимъ нибудь причинамъ нѣтъ возможности открыть самостоятельныхъ отдѣловъ Общества трезвости, обязательно включить въ число цѣлей церковно-приходскихъ Попечительствъ и Совѣтовъ—преслѣдованіе въ народѣ пьянства и борьбу съ нимъ при помощи тѣхъ мѣръ, какія, сообразно съ мѣстными условіями, могутъ выработать сами члены этихъ Попечительствъ и Совѣтовъ подъ руководствомъ священника.

10) Тамъ, гдѣ есть пришлое населеніе и гдѣ бываютъ базары, на которые также являются татары, не признающіе авторитета духовенства, но своими безобразіями деморализующіе мѣстное населеніе, полиція должна энергично преслѣдовать всѣ обнаруженія пьянства, о чемъ возбудить ходатайство предъ гражданскимъ начальствомъ.

11) Въ главу же всего этого дѣла борьбы съ тяжкимъ недугомъ народнымъ—непремѣнно слѣдуетъ, по неложному слову Христову: „безъ Меня не можете творить ничего“, поставить частую и неустанную церковную молитву пастыря съ народомъ, который въ часы досуга праздничнаго долженъ всегда находить для себя духовное брашно и питіе, спасающія его отъ нетрезваго проведенія времени. Для этого усиленно рекомендовать заведеніе повсюду въ приходахъ воскресныхъ и праздничныхъ богослуженій съ акаѳистами Спасителю, Богоматери или Святому, память котораго празднуется въ одинъ изъ дней предстоящей седмицы, съ общимъ пѣніемъ и пастырскимъ словомъ назиданія. Слѣдуетъ чаще устраивать съ народомъ богомольческія путешествія къ тѣмъ или инымъ святынямъ епархіи, съ совершеніемъ въ пути всеобщихъ бдѣній и молебныхъ пѣній съ акаѳистами, а во время дорожныхъ остановокъ вести съ путниками пастырскія бесѣды.

12) Наконецъ, просить Высшую Церковную Власть благословить начинаемое пастырями дѣло отрезвленія народа введеніемъ въ

богослуженіе краткой, но выразительной церковной молитвы, испрашивающей помощь Божию въ этомъ великомъ дѣлѣ.

Постановленіе Совѣта Астраханскаго Кирилло-Меѳодіевскаго Братства.

Совѣтъ Астраханскаго Кирилло-Меѳодіевскаго Братства, рассмотрѣвъ указъ Св. Синода по вопросамъ, касающимся борьбы съ сектантствомъ, опредѣлить объявить духовенству Астраханской епархіи къ свѣдѣнію и исполненію такіа мѣропріятія для противодѣйствія новымъ способамъ сектантской пропаганды. 1) Въ противовѣсъ устраиваемымъ сектантами кружкамъ молодежи и юношества, признано желательнымъ устраивать въ опасныхъ сектантскихъ мѣстахъ кружки православной молодежи и юношества, способствовать развитію религіозно-нравственнаго и патріотическаго чувства въ подрастающихъ дѣтяхъ, чрезъ бесѣды, пріохотить и пріучить къ чтенію и пользованію Библіей и противосектантскими книгами въ огражденіе православія, пріучить къ сознательному и сердечному участию въ богослуженіи, вести съ ними бесѣды по вопросамъ, пререкаемымъ сектантами, пѣть церковныя пѣсни и молитвы и чрезъ это дать орудіе противъ враговъ. 2) Въ связи съ кружками юношества и молодежи должны быть организованы въ сектантскихъ приходахъ кружки ревнителей православія, имѣющіе большое значеніе въ дѣлѣ православной миссіи. 3) Совѣтъ братства рекомендуетъ раздачу народу брошюръ во время миссіонерскихъ бесѣдъ и чтеній, какъ отличное средство противодѣйствія сектантству, дѣйствительно вѣрное и достигающее цѣли. 4) Кромѣ даровой раздачи народу брошюръ противъ сектантскаго направленія, не бесполезно въ интересахъ православной миссіи при епархіальныхъ и окружныхъ миссіонерахъ организовать небольшіе склады для продажи народу Библіи, катехизисовъ и противосектантскихъ изданій по самой доступной цѣнѣ исключительно въ цѣляхъ распространенія въ народѣ. Слѣдуетъ и нѣкоторыхъ миссіонерскихъ сотрудниковъ сдѣлать вмѣстѣ съ этимъ книгоношами отъ братства для продажи противосектантскихъ изданій. 5) Желательно, чтобы приходскіе священники и миссіонеры въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ дѣлали характеристику ходячихъ сектантскихъ брошюръ и подробно разбирали ихъ на вѣрбогослужбныхъ чтеніяхъ и миссіонерскихъ бесѣдахъ, сектанты разбрасываютъ ихъ въ народѣ при всякомъ удобномъ случаѣ и православные читаютъ, не будучи никѣмъ руководимы. 6) Большую пользу миссіонерскому дѣлу могутъ оказать въ приходахъ бібліотеки-читальни

съ надлежащимъ подборомъ нужнѣйшихъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія и противо-сектантскаго направленія. 7) Вѣтбогослужебныя чтенія въ рукахъ приходскихъ священниковъ составляютъ одно изъ сильныхъ средствъ для религіозно-нравственнаго воспитанія и утвержденія въ истинахъ православной вѣры; въ настоящее время, въ виду сильнаго шатанія религіозной мысли и нравственности, они должны получить еще большее развитіе. Чтенія въ защиту вѣры противъ невѣрія и соціализма должны составлять необходимую составную часть ихъ: статьи противъ пьянства и сквернословія, статьи патріотическаго содержанія, а въ сектантскихъ приходахъ чтеніе слова Божія на русскомъ языкѣ и его живое объясненіе должны дополнять и разнообразить содержаніе вѣтбогослужебныхъ чтеній; необходимой принадлежностью послѣднихъ должно быть общее пѣніе молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. Гдѣ можно при церквахъ, особенно въ приходахъ съ сектантскимъ населеніемъ, хорошо бы устраивать „вечернія собранія православныхъ христіанъ“. („Церк. Вѣстн.“).

Страстотерпецъ за вѣру и за Русь.

Въ Москвѣ состоялось засѣданіе юбилейной комиссіи по поводу празднованія ряда историческихъ юбилеевъ. На засѣданіи протопресвитеръ Успенскаго собора В. С. Марковъ прочелъ докладъ „О нетлѣннѣи мощей страдальца за православіе патріарха Гермогена“, замученнаго голодомъ поляками и скончавшагося 17-го февраля 1612 года въ подземельи подъ Михайловской церковью Чудова монастыря, гдѣ погребено было его тѣло.

Никономъ, когда онъ былъ еще новгородскимъ митрополитомъ, исходатайствовано было перенесеніе гроба съ тѣломъ мученика-патріарха изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ; когда вскрыли могилу, оказалось, что деревянный гробъ распался, а тѣло патріарха было найдено нетлѣннымъ. Священные останки были облачены въ новыя святительскія одежды, положены въ дубовый гробъ и перенесены въ Успенскій соборъ, гдѣ и положены поверхъ земли, подъ надгробіемъ возлѣ шатра съ Ризой Господней въ юго-западной части собора.

Въ 1812 году французы выбросили мощи изъ гроба. Онѣ были найдены послѣ бѣгства непріятеля на полу, вновь облечены въ одежды изъ темнозеленаго бархата съ золотомъ и положены въ новомъ дубовомъ гробу на прежнемъ мѣстѣ.

Въ 1883 году, когда въ соборѣ производился ремонтъ къ коронованію Императора Александра III, со стѣны сорвался громадный камень, который пробилъ каменное надгробіе и разбилъ гробъ, въ которомъ находились мощи. Въ присутствіи сакелларія и другихъ соборянъ камень былъ вынутъ изъ гроба, причемъ одежды оказались въ цѣлости, а мощи были найдены нетлѣнными. Тогда же была сдѣлана новая крышка къ гробу.

Въ концѣ прошлаго столѣтія одна богатая помѣщица изъ Воронежской губерніи, страдавшая неизлѣчимой болѣзью, пріѣхала по сонному видѣнію въ Москву и, отслуживъ у гробницы святителя панихиду, получила исцѣленіе отъ болѣзни. Въ благодарность она соорудила надъ гробницей патріарха икону тезоименитаго ему св. мученика Гермогена въ цѣнной металлической вызолоченной рамѣ съ серебряной лампадой. Въ 1903 году у гробницы святителя по совершеніи панихиды исцѣлялась отъ тяжелой болѣзни Московская мѣщанка М. С. Павлова, о чемъ и сдѣлано соответствующее заявленіе соборному причту.

За послѣднее время сдѣлано еще нѣсколько заявленій о благодатныхъ исцѣленіяхъ послѣ молитвы передъ гробомъ страдальца-патріарха.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

„На могилѣ“.

(Изъ дневника сельскаго учителя).

Третій день Свѣтлаго праздника. Обѣдня уже отошла. Смотрю, мимо моей школы, жители с. Деревоевъ, гдѣ я учительствую, спѣвають куда-то съ узелками. Заинтересовавшись, я спросилъ, куда они бѣгутъ. Отвѣтъ былъ таковъ: мы всѣ идемъ на ту сторону рѣки, на могилку старчика Капитона поздравить и его съ праздникомъ.

Капитонъ былъ родомъ изъ с. Котельвы; но кто былъ его отецъ и мать, намъ не извѣстно. Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, втому-жъ еще и калѣва на ноги. Жилъ Капитонъ милостыней, которую подавали ему добрые люди. Не раздражительный, тихій, почти безвинный, какъ дитя, онъ не былъ въ тягость намъ. Бывало, прійдетъ онъ къ окну дома, протянетъ руку, получить данное и тотчасъ отправляется дальше. Для запаса онъ лишняго не просилъ. И вотъ

съ этимъ безвреднымъ человѣкомъ произошло слѣдующее. Въ прошедшій великій четвергъ два нашихъ рыболова нашли его утопшимъ въ рѣкѣ. Съ масляной его не стало на селѣ. По всей вѣроятности, переходя зимою рѣку, онъ провалился и пошелъ подъ лёдъ. Похоронили Капитона тамъ, около рѣки, среди луга широкаго и увѣнчали его могилу дубовымъ крестомъ. Вотъ къ этой-то могилкѣ на третій день Пасхи и спѣшилъ нашъ народъ. Одѣвшись, и я отправился туда. Прихожу къ берегу рѣки. Народа собралось много—почти все село. Лодки такъ и сновали по рѣкѣ, перевозя людей. Переправившись на другой берегъ, я скоро прибылъ къ могилкѣ. Крестъ уже былъ увѣшанъ живыми полевыми цвѣтами, а могилка сплошь была покрыта пасхальными хлѣбами и яйцами. Погода была прекраснѣйшая. Солнышко такъ и играло, такъ и ласкало своими теплыми лучами и насъ, и молодую, луговую зелень, и тихія воды рѣки. Въ ожиданіи причта народъ сталъ группами расходиться по лугу. Вотъ, одна группа остановилась и начала разводить огонь для изготовленія обѣда: другая группа занялась чисткой рыбы, а тамъ вдали, на берегу рѣки, третья группа начала молчаливо разсматривать старенькій мѣшочекъ Капитона съ кусочками выпрошеннаго хлѣба. А народа все болѣе и болѣе прибывало. Наконецъ явился и причтъ съ хоромъ пѣвчихъ. Окруженный многолюдною толпою, священникъ началъ торжественное пасхальное служеніе надъ могилой... Почти степь, торжественныя пасхальныя пѣснопѣнія, одинокая могила, утопшій нищій безъ всякаго родства, множество одѣтаго по праздничному народа, все это вызывало насъ на глубокія думы и породило у народа торжественно-умилительное настроеніе. Многіе плакали... Наконецъ служеніе окончилось. Разоблачившись, священникъ предложилъ народу сѣсть на травѣ. Всѣ сѣли. И пастырь среди такой чудной обстановки обратился къ своимъ духовнымъ чадамъ съ такою рѣчью...

„Возлюбленные братья и сестры! Какъ будто-бы не въ урочное время мы собрались на могилу умершаго... Вѣдь теперь время радости, а не печали. Для могилъ еще будетъ время: дни слѣдующей седмицы. Но развѣ отъ печали нѣкоторые сейчасъ плакали? Нѣтъ: плакали отъ радости, что и такой безродный человѣкъ, какъ Капитонъ, удостоился столь торжественнаго поминавенія. И мы по истинѣ собрались сюда для того, чтобы и старчику Капитону сказать радостное: Христосъ воскрес. Но почему мы сегодня пришли именно на могилу Капитона, а не на могилу другого умершаго? Что собрало насъ сюда? Знатность-ли, богатство или добродѣтели умершаго? О,

нѣтъ! Нищета, незлобивость, круглое сиротство, одиночество и ужасная смерть старчика—Капитона вотъ что собрало около этой могилы столько народа. Да! старчикъ Капитонъ былъ несчастнѣйшимъ человекомъ. Безъ роду, одинокій, глухонѣмой и при томъ еще и калѣка, онъ не имѣлъ, какъ говорится, гдѣ главы приклонить. И вотъ этому дѣйствительно несчастному человеку, по нопущенію Божию, пришлось еще и умереть такою ужасною смертію. Невольно, братіе, возникаетъ вопросъ: за что и для какой цѣли Господь допускаетъ людей подвергаться такимъ бѣдамъ и напастямъ? На первую половину сего вопроса Слово Божіе отвѣчаетъ такъ: „Господь Богъ. Богъ ревнитель, отдавая грѣхи отцевъ на чада до третьяго и четвертаго рода“ (Исх. 20 г. 5 ст.), т. е. Господь Богъ наказываетъ дѣтей до третьяго и четвертаго рода за грѣхи родителей. Можетъ быть, и Капитонъ есть чадо великихъ грѣшниковъ, можетъ быть, онъ есть чадо блуда, иль чадо убійцы п т. д., за каковыя грѣхи своихъ родителей онъ и родился такимъ страдальцемъ. На вторую половину вопроса, т. е. для какой цѣли Господь допускаетъ быть несчастіямъ, можетъ сказать вотъ что: однажды въ г. Іерусалимѣ упала Силоамская башня и раздавила на смерть 18 человекъ іерусалимлянъ. По поводу такой неожиданной смерти Христосъ вотъ что сказалъ: „думаете ли, что тѣ восемнадцать человекъ, на которыхъ упала башня Силоамская... виновные были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ“? Нѣтъ, говорю вамъ: но, если не покаетесь, всѣ также погибнуте“ (Лук. 13 г. 1—5 ст.). Такія слова Спасителя даютъ намъ право сказать, что Господь поражаетъ иногда ужасною смертію нѣкоторыхъ людей не потому, что они были грѣшнѣе другихъ, а потому, чтобы этою смертію оставшихся въ живыхъ обратить на путь покаянія. Теперь мы вправѣ утверждать, что и ужасная смерть нашего Капитона допущена Господомъ изъ за насъ и для насъ. Не относятся-ли къ намъ слова Спасителя: „аще не покаетесь, вси такожде погибнуте?“ Да, эта могила, предъ которою мы находимся, прямо вѣщаетъ намъ, чтобы мы жили, да не забывались, чтобы чаще размышляли о загробной своей участи и искреннѣе раскаявались во грѣхахъ своихъ. Но, возлюбленные братіе, да послужитъ эта могила урокомъ для васъ и въ другомъ отношеніи. Капитонъ былъ калѣка. За нимъ нужно было слѣдить и беречь его, какъ ребенка. Но мы этого не дѣлали, и онъ безъ нашего призора во время ледохода пошелъ изъ нашего села черезъ рѣку и утонулъ. Отчасти, значитъ, въ такой его смерти и мы виноваты. Будемъ же, братіе, всегда беречь нищихъ; ибо небрежность наша въ отно-

шеніи послѣднихъ, какъ вы видите, иногда кончается весьма печально“... Сказавъ сіе, священникъ подошелъ къ могилѣ и возгласилъ: „Братъ во Христѣ—Капитонъ! Христось воскресе для всѣхъ людей: воскресъ онъ и для тебя, чтобы и твое тѣло не осталось во гробѣ. И истинно воскреснешь и ты, и предстанешь предъ Всевышнимъ въ день оный. Молись-же тамъ и за насъ грѣшныхъ, если будешь имѣть дерзновеніе предъ Богомъ; мы-же тебя здѣсь на землѣ никогда не будемъ забывать во своихъ молитвахъ“. Хоръ пропѣлъ три раза „Христось воскресе“. Послѣ этого всѣ опять сѣли на травѣ рядами и начали обѣдать. Спиртного ничего не подавали ¹⁾, почему обѣдъ прошелъ чинно и тихо; только хлопотливыя бабы своими перекличками другъ съ дружкой, да бѣготня дѣтей нарушали тишину. Обѣдъ кончился. Народъ опять прилегъ на травѣ. Около дьячка собрался кружокъ. Псаломщикъ началъ рассказывать о печерскомъ преподобномъ Маркѣ гробокопателѣ. Мужички со вниманіемъ слушали святую повѣсть. И я видѣлъ, какъ благоговѣнно перекрестились слушатели, какъ только услышали, что печерскіе мертвые въ отвѣтъ на слова преподобнаго Марка: „Христось воскресъ“, произнесли: „воистину воскресъ“! Скоро мѣсто около могилы Капитона стало пустымъ. Предъ заходомъ солнца уже ни души не было возлѣ вѣста Капитона.

Учитель Николай Колодяжный.

Деревки.

Потомки И. Сусанина

Въ одномъ изъ засѣданій нижегородской архивной комиссіи, предсѣдательствующимъ С. И. Вирюковымъ было сдѣлано интересное сообщеніе о потомкахъ Ив. Сусанина—жителяхъ села Коробова, Костромской губ., которые извѣстны въ исторіи подъ именемъ „бѣлопашцевъ“.

Археологическія изысканія жизни и трудовъ славныхъ подвижниковъ Романовской эпохи чрезвычайно интересны, и намъ совершенно непонятно, почему настоящая историческая справка прошла совершенно незамѣченной ни правой печатью, ни обществомъ, конечно, не считая двухъ-трехъ провинціальныхъ желтенькихъ газетокъ и одного нижегородскаго ученаго общества.

¹⁾ Въ с. Деревкахъ открыто недавно общество трезвости, примѣръ котораго такъ сильно подѣйствовалъ на прихожанъ, что въ прошедшій Великій Постъ не было ни одного случая, чтобы оказался пьяный въ селѣ. На поминальныхъ обѣдахъ тоже перестали подавать водку. Какъ бы было хорошо, если бы и на свадьбахъ не употребляли сего зловреднаго напитка!..

Почти на границѣ Костромскаго и Кинешмскаго уѣздовъ расположено село Коробово, населенное „бѣлопашцами“ или, по народному выраженію, „бѣляками“. Бѣлопашцы—потомки Бориса Собинова, зятя Ивана Сусанина.

Въ 1619 году Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ отдалъ во владѣніе Богдана („Богдашки“—по выраженію дарственной грамоты) Собинова половину деревни Деревнищи, составлявшей часть Романовской вотчины—Домнина, въ которой Сусанинъ былъ старостой. Какъ самъ Собиновъ, такъ и все его потомство были освобождены отъ всякаго рода податей, налоговъ, повинностей и выдѣлены въ особое привилегированное сословіе.

Такимъ образомъ, изъ бѣлопашцевъ имѣлось въ виду создать своего рода историческій памятникъ, связанный съ возникновеніемъ династіи Дома Романовыхъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ скончалась инокиня Марѳа, матушка Михаила Ѳеодоровича. По ея просьбѣ вотчина Домнино была отдана лично Царемъ въ особый даръ Спасскому монастырю на поминъ души покойной инокини...

Такимъ образомъ, бѣлопашцы попали въ оброкъ къ Спасскому монастырю, но послѣ упорной и долгой борьбы за свое прошлое, имъ удалось получить отъ царя Михаила Ѳеодоровича вторую вольную грамоту. Последней подтверждались всѣ дарственные особыя положенія бѣлопашцевъ, и помимо этого Царь отдавалъ имъ въ ихъ вѣчное владѣніе сельцо Коробово съ 98 дворами.

Съ дачей второй вольной грамоты обрывается исторія с. Коробова и его жителей, при чемъ о нихъ совсѣмъ позабыли.

Въ 1835 году на первомъ представленіи оперы „Жизнь за Царя“ присутствовалъ Императоръ Николай I, который заинтересовался крестьянами-бѣлопашцами и выразилъ желаніе изучить и изслѣдовать современный бытъ с. Коробова.

Оказалось, что отъ бѣлопашцевъ с. Коробова осталось одно названіе, ибо въ теченіе 200 лѣтъ населеніе его чрезвычайно увеличилось и вмѣстѣ съ тѣмъ количество земельных надѣловъ уменьшилось. По свидѣтельству современниковъ, сѣнокосныя уголья измѣнялись вершками по отношенію всѣхъ домовладѣльцевъ. Вслѣдствіе малоземелья, бѣлопашцы сдали землю въ аренду, бросили свое историческое гнѣздо и ушли „на сторону“ заниматься торговлей.

Императоръ Николай Павловичъ лишилъ ихъ торговыхъ льготъ и прирѣзалъ къ владѣніямъ бѣлопашцевъ участокъ земли въ 900 десятинъ. Затѣмъ бѣлопашцы были переданы особымъ указомъ въ

непосредственное вѣдѣніе министерства Двора и удѣловъ. Мѣстная администрація была устранена отъ управленія селомъ, и даже губернаторъ имѣлъ право въѣзда исключительно въ выдающихся случаяхъ.

Но эта попытка привить бѣлопашцамъ земледѣліе осталась лишь добрымъ историческимъ пожеланіемъ.

Развращенные „на сторонѣ“ торговлей, бѣлопашцы искали болѣе легкаго занятія, чѣмъ земледѣліе и завели у себя въ селѣ притонодержательство. Такъ, пользуясь одной изъ привиллегій,— своимъ собственнымъ управленіемъ и невмѣшательствомъ полиціи,— бѣлопашцы стали злоупотреблять, и на территорію с. Коробова стали стекаться всевозможные бродяги, бѣглые крестьяне, воры, фальшивомонетчики и др. темныя личности.

Такъ продолжалось вплоть до указа Александра II, которымъ была вычеркнута изъ грамоты Императора Николая I, такъ называемая, „неприкосновенность“ бѣлопашцевъ.

Послѣдніе отказались подчиниться этому уничтоженію и оказали сопротивленіе, которое кончилось усмиреніемъ бунтовщиковъ посланными войсками и ссылкой на поселеніе въ Сибирь пятнадцати дворовъ с. Коробова.

Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ губернскаго земства, с. Коробово состоитъ изъ 49 дворовъ съ населеніемъ въ 223 человека. На каждый дворъ въ среднемъ приходится 25—30 дес. земли, тогда какъ на каждый дворъ волости—15 десят. Но, несмотря на такое количество земли, настоящіе бѣлопашцы запахиваютъ только 20 проц., другіе же сельчане по волости—40 проц. Остальная земля подъ лѣсомъ, а луга сдаются въ аренду.

Пресловутые отхожіе промыслы въ с. Коробовѣ развиты значительно, и 20 проц. жителей уходятъ опять таки „на сторону“ и занимаются уже не торговлей, а въ болыинствѣ случаевъ поступаютъ въ прислуги, извозчики, дворники и т. д.

Бѣлопашцы—народъ грамотный: мужчинъ—50 проц. и женщинъ—20 проц. (по волости же—42 проц. и 7 проц.). Это объясняется тѣмъ, что въ с. Коробовѣ существуетъ уже 55 лѣтъ начальная школа. („Земщ.“).

Ник. Черновскій.

Японское воепитаніе.

Свою необычайною выносливостью японцы обязаны спартанскому воспитанію своего юношества и чрезвычайной скромности и умеренности своего дальнѣйшаго образа жизни. Чтобы имѣть поня-

те о суровости японскаго воспитанія, достаточно прочесть слѣдующее сообщеніе одной японской газеты о воспитаніи принца японскаго императорскаго дома.

Одинъ изъ членовъ царствующаго дома въ Японіи, принцъ Китаиракава Тэрухиса, получилъ воспитаніе въ пансіонѣ, устроенномъ маркизомъ Иноуэ. Самъ маркизъ тщательно наблюдаетъ за воспитаніемъ.

Пансіонъ имѣетъ цѣлю искорененіе привычекъ, которыми заражены дѣти аристократовъ и богачей, и предохраненіе отъ этихъ привычекъ. Родители принца, слыша объ этомъ пансіонѣ, рѣшили опредѣлять туда принца и его двухъ братьевъ.

Обучаясь въ пансіонѣ, принцъ являлся образцомъ для всѣхъ учащихся пансіона.

Но прежде чѣмъ рассказать о доблести принца, необходимо привести правила, установленныя въ пансіонѣ маркиза Иноуэ.

1. Начиная съ принца, всѣ воспитанники пансіона каждое утро должны обливаться холодною водою.

2. Начиная съ принца, всѣ должны ѣсть обыкновенную пищу— мугимаэ, т.-е. рисъ, смѣшанный съ пшеницею, разваренные въ водѣ.

3. Начиная съ принца, должны носить „кокура-хакама“, т.-е. одежду, спитую изъ грубой матеріи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они обязаны надѣть школьную форму.

4. Начиная съ принца, должны ходить въ школу и обратно, а также и въ прогулкахъ по городу, пѣшкомъ, не употребляя рикшей.

5. Начиная съ принца, должны ѣздить по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ.

6. Начиная съ принца, у всѣхъ воспитанниковъ карманныя деньги должны быть ежемѣсячно не свыше трехъ рублей, получаемыхъ по десятидневнымъ срокамъ, причемъ долженъ быть представляемъ подробный отчетъ израсходованнымъ деньгамъ.

7. Начиная съ принца, сами должны стирать свою одежду, не прибѣгая къ помощи прислуги.

Этого достаточно, чтобы обрисовать обыденную жизнь въ пансіонѣ.

Встаютъ воспитанники отъ сна утромъ въ половинѣ шестого, причемъ на сигнальный звонокъ дежурнаго принцъ по большей части первый отвѣчалъ тѣмъ, что сбрасывалъ ударомъ ноги свое одѣяло и вставалъ съ постели. Ничего говорить, что принцъ дежурилъ, какъ и другіе воспитанники. Затѣмъ пятнадцать минутъ упражнялся съ желѣзными гирями для развитія мускульной силы. Послѣ такого упражненія обычно бросаются въ ванну съ холодною водою даже и

въ дни большихъ холодовъ. Въ каникулярное время, отправляясь въ путешествіе, принцъ всегда ѣздилъ въ третьемъ классѣ. Не разъ происходили такія вещи: полицейскіе, освѣдомленные о прибытіи принца, искали его по всему поѣзду. Не найдя принца ни въ первомъ, ни во второмъ классѣ, полиціанты уже собирались уйти со станціи, какъ вдругъ принцъ появляется изъ третьяго класса. Изумленные полиціанты приходили въ замѣшательство.

Въ 1906 году принцъ поступилъ въ морское училище и проучился тамъ два года.

Въ настоящее время онъ служитъ въ чинѣ мичмана въ морскомъ экипажѣ. Въ морскомъ училищѣ принцъ отличался отъ другихъ воспитанниковъ лишь тѣмъ, что имѣлъ отдѣльную ванну и спальную комнату. Ълъ онъ за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ остальными шестьюстами воспитанниками, рисъ изъ аллюминіевой чашки, наполовину смѣшанный съ пшеницею.

Въ училищѣ существуетъ правило для дежурныхъ учениковъ перваго класса убирать училище. Когда принцу приходилось дежурить, то онъ въ одной рубашкѣ и фуку (японскіе штаны) изъ грубой матеріи, засучивъ рукава, обтиралъ мокрою тряпкою комнаты, несмотря на протестъ товарищей, не хотѣвшихъ допускать его до такой черной работы. („Свѣтъ“.)

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ХАРЬКОВСКОЕ ЕПАРХІАЛЬНОЕ НАЧАЛЬСТВО,

согласно опредѣленію своему отъ 20 мая—12 іюня 1910 года, рекомендуетъ духовенству Харьковской епархіи и всѣмъ любителямъ благолѣпія храмовъ Божіихъ обращаться съ заказами на всевозможныя иконописныя работы и росписаніе храмовъ Божіихъ въ учебную иконописную мастерскую Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о русской иконописи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда.

Окончившіе курсъ мастера этой школы подъ непосредственнымъ руководствомъ Класснаго Художника Владиміра Сергѣевича Богданова и др. лицъ, обучающихся въ мастерской, выполняютъ всевозможныя иконописныя работы по весьма удешевленнымъ цѣнамъ. Приемъ въ мастерскую учениковъ отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, окончившихъ курсъ не ниже начальной школы, производится ежегодно въ Августѣ мѣсяцѣ. Обученіе въ мастерской бесплатное“.

Продолжается подписка на 1911 годъ на газету-журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(31-й годъ изданія).

„Сельскій Вѣстникъ“ въ 1911 году будетъ выходить
шесть разъ въ недѣлю.

По такой-же программѣ, какъ и въ 1910 году: а) По вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, — за исключеніемъ дней послѣ праздни-
чныхъ, — обычн. №№ газетнаго содержанія, въ которыхъ будутъ
помѣщаться законы и распоряженія Правительства, отчеты о засѣ-
даніяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, свѣдѣ-
нія о событіяхъ русской жизни и о болѣе выдающихся событіяхъ изъ
жизни иностранныхъ государствъ, статьи по разнымъ текущимъ во-
просамъ и сообщенія изъ деревни. Въ фельетонахъ „Бесѣды“: по
разнымъ вопросамъ, касающимся по преимуществу сельской жизни.
Два раза въ недѣлю извѣстія о биржевой стоимости государствен-
ныхъ процентныхъ бумагъ и о цѣнахъ на хлѣбъ и другіе продукты.
б) По средамъ — еженедѣльный журналъ „Деревенское Хозяйство“,
съ рисунками. в) По пятницамъ номера съ отвѣтами на вопросы под-
писчиковъ по землеустройству, землепользованію, переселенію, су-
дебнымъ дѣламъ, церковнымъ, брачнымъ, наследованію и др. г) По
воскресеньямъ — особое „Воскресное Прибавленіе“, гдѣ будутъ помѣ-
щаться статьи религіозно-нравственнаго содержанія, описанія, раз-
сказы, стихотворенія, справочныя свѣдѣнія и др. Статьи, какъ и въ
текущемъ году, будутъ сопровождаться рисунками, соотвѣтственно
тексту и на современныя важнѣйшія событія, портретами историч.
и обществен. дѣятелей и т. п.

Всѣ годовые подписчики Сельскаго Вѣстника въ 1911 году по-
лучать бесплатныя приложенія. 1) Большой календарь — съ портре-
тами Царя-Освободителя Императора Александра II и нынѣ благо-
получно царствующаго Императора Николая II, съ табель-календа-
ремъ, картой Европейской Россіи, рисунками и многими справочными
свѣдѣніями. 2) 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала „Богъ-Помочь“,
съ рисунками. 3) 10 книгъ журнала „Крестьянское Дѣло“, съ рисун-
ками. 4) Новое приложеніе: 24 №№ журнала, выходящаго два раза
въ мѣсяць „Кустарный Трудъ“, съ рисунками и 5) Особое юбилей-
ное прилож. по случаю 50-лѣтія со дня великаго Манифеста 19 фев-
рала 1861 года — книгу съ рисунками, объ освобожденіи крестьянъ отъ
крѣпостной зависмости. Затѣмъ при „Сельскомъ Вѣстникѣ“, какъ и
нынче, будутъ бесплатно разсылаются брошюры Главнаго Управле-
нія Землеустройства и Земледѣлія по землеустройству и сельскому
хозяйству и др. изданія. Въ годъ до 300 №№ и 48 безпл. приложеній.

Условія подписки: на годъ съ доставкой и пересылкой, со всѣми
приложеніями 2 руб. На полгода, съ 1-го января и по 30-е іюня и съ
1-го іюля по 31-е декабря 1 руб. Полугодовые подписчики получаютъ
бесплатно 5 книжекъ „Крестьянское Дѣло“, 6 книжекъ „Богъ-Помочь“
и 12 №№ „Кустарнаго Труда“. На прочіе сроки, помѣсячно, съ 1-го
числа каждаго мѣсяца — по 25 коп. въ мѣсяць. Лица подписавшіяся
помѣсячно, приложеній бесплатно не получаютъ. Полугодовые и разно-
срочные подписчики, желающіе имѣть Календарь, доплачиваютъ 20 к.,
а желающіе имѣть и юбилейное приложеніе — доплачиваютъ еще 20 к.

Условія пріема платныхъ объявленій высылаются по первому
требованію. Подписка принимается: въ Редакціи и во всѣхъ конто-
рахъ почтово-телеграфнаго вѣдомства. Адресъ редакціи: С.-Петер-
бургъ, Мойка, 32.

Главный Редакторъ П. Зубовскій.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведения Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова,—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Анологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руфъ“. Преподобнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузин).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адреса лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплатили своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, или будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавныя листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйстви. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.